

АРСЕНИИ ТАРКОВСКИЙ

П. Д. Волкова

Арсений

ЖИЗНЬ СЕМЬИ И ИСТОРИЯ РОДА

ТАРКОВСКИЙ

ЭКСМО

П. Д. Волкова

Арсений
ТАРКОВСКИЙ

ДУБ

«ЛИЦАР»

ПОСАДЖЕНИЙ У 1964 Р.

НА ЧЕСТЬ СВІТЛОЇ ПАМ'ЯТІ
О. К. ТАРКОВСЬКОГО

*

П. Д. Волкова

Арсений

Тарковский

*Жизнь семьи и
история
рода*

« ПОДКОВА »

ЭКСМО-ПРЕСС

МОСКВА

2002

П. Д. Волкова
**АРСЕНИЙ
ТАРКОВСКИЙ**

МОСКВА

Издательский Дом «Подкова»,
издательство «Эксмо-пресс»,
2002. — 224 с.

ISBN 5-04-010283-6

УДК 882

ББК 84 (2 Рос-Рус)

Т 88

Книга о замечательном поэте и переводчике Арсении Тарковском включает в себя не только рассказ о его жизни и творчестве, о дружбе со многими известными литераторами, среди которых были и Анна Ахматова, и Марина Цветаева. В книгу вошли ранее не известные широкому читателю материалы о жизни нескольких поколений этой семьи: впервые публикуются письма к Тарковскому его первой жены, матери Андрея и Марины Тарковских, а также, основанный на собранных в различных российских архивах документах, рассказ о предках поэта, игравших на протяжении столетий заметную роль как в политической, так и в культурной жизни России. В издание помещены уникальные фотографии из семейного архива и фотографии, предоставленные фондом Андрея Тарковского.

© П. Волкова, 2002

© Издательский Дом «Подкова», 2002

© Д. Ершов, оформление и макет, 2002

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПЛЕНИЕ		7
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	Предания и быль родословия Тарковских, <i>или</i> Родословная как миф	9
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	На берегах Ингулы	27
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ	1-й Щипковский переулок, дом 26, кв.2	81
ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ	<i>А. К. Тарковский.</i> Сибирские очерки	173

*Издательский Дом «Подкова» и
фонд Андрея Тарковского
выражает благодарность
за содействие в издании книги:*

*Отделу рукописей Института
русского языка и литературы
(Пушкинский Дом)*

•

Н. Г. Ивановой
за предоставленные
архивы Арсения Тарковского

•

*Институту Академии Наук
Истории и литературы
г. Махачкала*

•

Главному редактору
издательства «Эхо Кавказа»
Казиеву Шапи Магомедовичу

•

Меценату предпринимателю
В. А. Толстуну

•

Журналисту-телеведущей
С. И. Сорокиной

•

*Сотрудникам Высших курсов
режиссеров и сценаристов*

ВСТУПЛЕНИЕ

История России есть во многих отношениях история российских родов. Наша книга посвящена одному из них — роду Тарковских. Мы стремились рассказать, как на протяжении столетий живет в отечественной культуре семья Тарковских.

Дагестанские шамхалы, крещённые при Петре I в православие и соединившие свою родословную с родословными русского дворянства, прошли сквозь всю историю России. Кавказские феодалы, знатные дворяне, русские социал-демократы, советские деятели искусства. Вот краткая история семьи, подарившей не только России, но и миру замечательного поэта и великого режиссера.

Жизнь этой семьи, как, впрочем, и большинства российских семей, полна трагических событий: ссылка в Сибирь, гибель на фронте сына, тяжелейшее ранение Арсения Александровича, вынужденная эмиграция Андрея Арсеньевича. Но отличали эту семью, все без исключения ее поколения, несгибаемая твердость характеров, мужество, обостренное чувство чести, внутренняя свобода. И главное — стремление к творчеству. К творчеству во всех его проявлениях — в музыке, театре, литературе, кино. К творчеству, через которое они пытались найти «человека в самом себе». Найти свой собственный художественный

язык. Насколько им это удалось, мы знаем по книгам Арсения и фильмам Андрея Тарковских.

История этой семьи, которую мы попытались рассказать в нашей книге, — это образец жизни настоящих русских интеллигентов, «прямой гербовник их семейной чести, прямой словарь их связей корневых».

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Предания и быль
родословия
Тарковских,
или
Родословная
как миф

*Высокий дом, широкий двор
Седой Гудал себе построил...*

М. Лермонтов

Там я жил над ручьем...

А. Тарковский

— Видите — растет дуб?.. Вон там, огромный... Прекрасный собеседник для вас: ему тоже лет пятьсот...

— Уже пятьсот? Боже! Я ведь помню его еще желудем...*

Пушкин на вопрос К.Ф. Рылеева: «Тебе ли чваниться пятисотлетним дворянством?» — отвечает: «Ты сердисься за то, что я чванюсь 600-летним дворянством (НВ. Мое дворянство старше)».

Нас интересует родословие, память о наших истоках и тот путь, который прошли предки, чтобы стать в результате нами. Это всегда волнующе, таинственно, сказочно. Предание лежит в основе любой истории и любого родоначалия.

Пушкин возводит свой род к XIII веку, а своих предков к сподвижникам князя Александра Невского, к некоему Раче. В стихотворении «Моя родословная» называет имя легендарного основателя:

*Мой предок Рача мышцей бранной
Святому Невскому служил...***

* Григорий Горин. Антология. М., 2000, с. 463.

** Цитируется по книге «Легенды и мифы о Пушкине». Сб. статей. С-Петербург, 1999.

«Мы ведем свой род от прусского выходца Радши или Рача (мужа честна, говорит летописец, т.е. знатного, благородного), выехавшего в Россию во времена княжества Св. Александра Ярославовича Невского. От него произошли Мусины, Бобрищевы, Мятлевы... Имя предков моих встречается поминутно в нашей истории».*

Для Пушкина история его родословной была очень важна. Эти «преданья милой старины» волновали его не как «чванливого» дворянина, но как художника, чья память, чье сознание хранило все тени прошлого, взрывалось ими в творчестве. Особенно интересовался и гордился поэт своими «черными предками» Ганнибалами. О них знала его память и его кровь. Тем не менее историк литературы С.Б. Веселовский в работе «Род и предки Пушкина» замечает: «Переходя из уст в уста, родословные предания деформировались. Самым слабым местом этих “творимых легенд” были *смещения хронологических вех и контаминация разновременных лиц и событий*». Это последнее замечание особенно важно для основного предмета нашего повествования, т.е. легендарной и документальной истории рода Тарковских.

Что до Пушкина, то главным источником для него стало родословное дерево, составленное дядюшкой Василием Львовичем Пушкиным, которое было представлено только в 1799 году для внесения его в «Общий гербовник дворянских родов».

Граф Лев Николаевич Толстой, любопытствуя о первом графе Толстом, считал им Ивана, соловецкого ссыльного сидельца. Он хотел писать о нем роман. Но первым графом оказался выдающийся человек, сподвижник Петра – Петр Толстой, стрелецкий сын, прощенный самодержцем. Тол-

* А.С. Пушкин. Собр.соч. в 6-ти томах, т. 6, с. 404.

стой, тончайшего ума просвещенный вельможа, был одновременно создателем петровского застенка и ловчим царевича Алексея, за что и пожалован графством, а также и немалыми богатствами, экспропрированными у казненных по делу «царевича Алексея». Граф Петр Толстой со своим сыном и секретарем Иваном был первым политическим заключенным в «Соловки» при меншиковском бунте. Петр был типичным для своего времени человеком двойной морали. Обнаружив сей желудь своего дерева, Лев Николаевич как-то охладел к написанию родословного романа, хотя Иван Петрович Толстой, в отличие от своего отца, был личностью действительно близкой толстовскому духу.

«История умственного и общественного развития России едва ли может быть нами понята без частной истории семей». Эта мысль писателя Аксакова — исчерпывающая формула нашей задачи. Особенно если развернуть ее зеркально. История частной семьи (или рода) как история (или зеркало) умственного и общественного развития России. Притом наблюдение Аксакова можно отнести не только к исторически длительному роду, но и к любой семье, дальше бабушки никого не помнящей. Инфраструктура не имеет значения в определении Аксакова. Но имеет значение контекст, вписанность в духовно-культурные, исторические рамки времени, так сказать, антология: личность, семья, род — или наоборот: род, семья, личность.

Род Тарковских древний. Но вряд ли он сегодня интересовал нас, если бы не два его представителя. Поэт Арсений и его сын кинорежиссер Андрей. Это они своими именами, своими усилиями в культуре поднимают на поверхность Атлантиду своего рода. «Я ветвь меньшая от ствола России», — вторит Аксакову и Пушкину Арсений Александрович. Его имя, имя его рода действительно часть ствола России — и какая часть! Имя Тарковских носили: кумыкс-

кие шамхалы — российские аристократы — российские социал-демократы — советская интеллигенция. Вот она, история умственного и общественного развития России.

Александр Сергеевич Пушкин жил в гербовной дворянской России. Он гордился всеми своими Ганнибалами, выходцами из неметчины Рачами, русским служивым и бунтарским боярством. Впрочем, как и все его современники.

Арсений Александрович Тарковский публично обсуждения вопроса о своем происхождении не любил. Помните, как Маяковский в стихотворении, посвященном Пушкину, пишет о Дантесе: «Мы бы его спросили — А ваши кто родители? — Чем вы занимались до семнадцатого года?» Вот он, роковой вопрос советского времени. В «Автобиографии» Тарковский пишет: «Родился в Кировограде (б. Елисаветград) в 1907 г. в семье старого революционера, члена партии “Народная воля”, подвергавшегося в 80-е и 90-е годы прошлого века преследованию со стороны царского правительства». Это правда лишь «ближнего круга», и скорее узкая, частично биографическая в отношении отца, о жизни которого в дальнейшем мы расскажем подробнее.

В журнале «Эхо Кавказа» (№ 1, 1996, с. 57) в статье «Из рода Тарковских» приводится автором статьи Аджиевым некий разговор, о котором рассказал Кайсын Кулиев. Кайсын Кулиев дагестанский советский поэт, он родился, жил и вырос в Дагестане и писал на родном языке. Арсений Тарковский родился и вырос на Украине, жил в Москве и писал только на русском языке, т.е. был исключительно русским поэтом.

Арсений Александрович на вопрос Кулиева о его родословной и его корнях сказал:

- Да, я по отцу из рода кумыкских шамхалов.
- Так зачем же ты это скрывал до сих пор?

— Если бы об этом узнал Берия, разве оставил бы он меня в живых?

Дело, конечно, не в дагестанских корнях, а в родословной, «кумыкских шамхалах», т.е. высшей феодальной знати, да еще в значении этих шамхалов в истории Кавказа, их воинственной и культурной истории.

На фотографии, подаренной 3 ноября 1984 года кумыкам Б. Гамринской и А. Кадырову, Арсений Александрович написал: «Моим дорогим сородичам в память о моих далеких предках. Желаю Вам Большого Добра. А. Тарковский».*

Мы не говорим о многочисленных устных свидетельствах близких к Тарковским людей, да и самого Арсения. Выступая во ВГИКе перед студенческой аудиторией после смерти Андрея Арсеньевича, он подробно останавливался на вопросе о родовой связи с Тарковскими шамхалами.

Дочь поэта Арсения Александровича Тарковского, Марина Арсеньевна не сторонница предания о кумыкском шамхальстве. В своей книге «Осколки зеркала» (Изд. «Дедалус», 1999) пишет, что корни родословной уходят в Польшу. Но при этом: «Дедушке кто-то предлагал унаследовать бесхозные табуны и серебряные копи шамхалов Тарковских в Дагестане. Отсюда возникла версия о кавказском происхождении рода» (стр. 8). Генеалогическое древо Тарковских, написанное на пергаменте и оставшееся после смерти «папиной матери», потерялось. Родословная потеряна, а табуны и копи все-таки почему-то предлагались. Собирая исторические сведения о шамхалах Тарковских, мы пользовались многими источниками. Работами Шапи Казиева, в частности, его уникальным трудом — книгой «Шамиль». Материалами, представленными Институтом литературы и язы-

* Фотографию с надписью нам прислал профессор РАН Дагестана Абдулхаким Аджиев специально для нашего издания.

ка РАН в Махачкале, исследованием «О древнем и знаменитом роде Тарковских», сборником сведений о кавказских горцах (вып. I. Тифлис, 1868, переизданный в Москве в 1992); книгой Б. Аджаматова «Шамхалы Тарковские» (Махачкала, 1999) и многими другими.

Информация бывает противоречивой, но это трудности работы с материалом в процессе его изучения. Имеешь ли дело с отдаленностью или близлежанием — единственно правильную версию установить все равно сложно.

Так, например, профессор Абдулхаким Аджиев сообщает о популярной легенде происхождения рода, восходящего к пророку Мухаммеду. «Эту популярную легенду знали, ссылаясь на нее, Арсений и Андрей Тарковские». «Однако, исследования последних лет, — пишет далее Аджиев — делают предпочтительным возведение истоков этого рода к хазарскому периоду. Столица Хазарии Семеизер располагалась на территории нынешней Махачкалы, где находятся выше Тарки».

Но есть и версия о том, что в образовании кумыкского народа основную роль сыграли половецкие племена кипчаков, расселившиеся в середине XI века в Кумыкской впадине Прикаспийского Дагестана. Средневековая генеалогия династии шамхалов Тарковских по сведениям «Сборника кавказских горцев» датируется XIII–XIV веком, т.е. не старше пушкинской Рачи. Как это всегда таинственно, любое зарождение имени, завязь истории, имеющая продолжение. Династия Пушкиных–Ганнибалов дала миру Александра Сергеевича. Этого достаточно.

Династия Тарковских давала на протяжении своей, скажем, семисотлетней истории вспышки несколько раз.

Шамхалы Тарковские испокон века были военно-феодальной знатью, что не мешало им разводить скакунов, снабжая породистыми, привыкшими к горным тропам ко-

нями Нагорный Дагестан: Как и повсюду в Дагестане, кумыки изготавливали сукно, ковры, керамику, работали по дереву и металлу, добывали нефть. Изготавливали оружие и торговали им. Одним словом, были богаты, надменны, к тому же характер имели дурной. Письменное же упоминание о них в русских источниках относится к XVI веку.

Известно, что грузинский царь Александр жаловался русскому царю Федору Иоанновичу на набеги горцев, и шамхала Тарковского в частности. И царь, мечтавший о присоединении Грузии к России, решил наказать крупного дагестанского шамхала (князя) Тарковского и отдать его земли Александру. Для чего весной 1594 г. снарядил войско во главе с боярином Хворостининым. После долгих приключений при помощи казаков столица шамхальства, а также личная резиденция Тарковских Параул была взята штурмом. В 1604 году история повторилась. Тогда на Дагестан пошел Борис Годунов, а во главе войска стоял прославившийся победами над крымцами, нагайцами и литовцами знаменитый воевода Иван Бутурлин. На этот раз он с десяти тысячным отрядом разрушил сердце шамхалата Тарки, но Тарковский шамхал призвал на помощь горцев со всего Дагестана. На этой войне погиб сын Бутурлина Федор.

Шамхалы Тарковские играли большую роль в феодальной истории русско-кавказской политики, были властны, богаты, хитры и достаточно жестоки.

В 1722 г. походом на Каспий выступил Петр I. Каспий он называл «морем без хозяина». В Дагестане его встречали по-разному. Но с почетом, понимая всю бессмысленность сопротивления, встретил Петра шамхал Тарковский. Он преподнес Петру богатые дары, за что и сам был обласкан многочисленными почестями. Речь тогда шла даже о присоединении к России. В том же походе Петр заложил крепость «Стан Петра» — предтечу современной Махачкалы.

Политическое значение такого события, как союз России с кумыками предгорного Дагестана, было столь велико, что и спустя сто лет художник-баталист, автор прославленных панорам Франц Рубо запечатлел его в большой живописной композиции «Шамхал Тарковский встречается Петра I». Со свойственной Рубо документальной тщательностью изображены всякие детали и подробности этой встречи: ландшафт, большие дома-сакли, костюмы кумыков и обмундирование солдат. Шамхал одет в белый бешмет и черную папаху, ноги обуты в сапожки, в руках большое золотое блюдо. Вокруг сыновья, родственники, наибы. Семьи были большие, сыновей много. Мы не знаем, какую линию представляют российские Тарковские. По сведениям РАН в Махачкале — основную, наследственных шамхалов, феодальных владык, возглавляющих Тухкум, т.е. военно-экономическое объединение. Итак, союз заключен, крепость заложена.

Однако история взаимоотношений Петра I и Тарковских так просто не кончилась. Существует две версии. Первая заключается в том, что во время персидского похода и братания с Адиль-Гиреем Тарковским Петр взял к себе одного из его сыновей как залог союза. Была у него такая слабость, создавать вокруг себя империю в миниатюре — по одному от сыновей знатных родов завоеванных провинций. Так сказать, «вариации на тему арапа Абрама Ганнибала». Разумеется, Петр всех крестил, определял в Пажеский корпус, женил, давал назначения. Возможно, «этот залог дружбы» и стал родоначальником елисаветградских Тарковских.

Адиль-Гирей был гостеприимен. Он принимал Екатерину I, князя Волконского и многих других. Братания же с Петром для самого Адиль-Гирея кончилось печально. Кто-то обманул. Как будто при строительстве крепости «Стан Петра» на земле Тарковского тот оказал сопротивление и был

заточен, а затем «почетный пленник», как его называли, был сослан на Кольский полуостров. Дальнейшая его судьба неизвестна.

Но от того, что Екатерина I с Меншиковым сослали в Соловки обоих Толстых, род не прекратился. То же можно сказать о Тарковских. Тема подлежит дальнейшему исследованию.

Однако это не сказка, а присказка. Историческая легенда, правда-ложь еще впереди.

Благодаря договору 1723 года Россия получила Каспий и море обрело «хозяина». Была составлена и первая карта Каспия, участие в составлении которой принимали культурные шамхалы Тарковские.

Уровень культуры этих людей был действительно очень высок. Носители древних традиций, они были искусными строителями гражданских и военных сооружений. «Их искусство сделало бы честь европейскому инженеру», – писал в донесении генерал Головин. Без всякой натяжки можем сказать, что кумыки Тарковские были и самостоятельными участниками большой политики и деятелями культуры. Кстати, та карта Каспия оказалась столь значимой для науки, что Петр был избран за этот труд почетным членом Парижской Академии наук.

К шахско-шамхальской линии семьи Адиль-Гирея принадлежал в XVII веке Асхар-Алхас Тарковский – правитель Эривана и Ширвана, полководец Ахметдин-Джингул Тарковский, победитель Иранского шаха Надира. Но главное, родным братом Адиль-Гирея был великий поэт и просветитель Али Хан Валех Тарковский (1710–1756), составитель антологии «Сад поэтов», где собраны произведения и биографии 2594 поэтов и ученых Востока.

Прошло сто лет. История продолжается. Ни мира, ни покоя. В 1821 году генерал Ермолов утверждает русскую власть

в шамхальстве, закладывая вблизи Тарков крепость Бурную. Генерал Ермолов пишет донесение относительно полного усмирения горцев в результате операции, проводимой с генералом Пестелем. Тарковские, как мы знаем, вновь на стороне России: «Часть его владений (султана Ахмедхана Аварского) обратил я ... в пользу шамхала Тарковского...»

С 1830-го или 1834 года, когда начинается движение Шамиля, шамхал Тарковский Абу-Муслим в чине генерал-майора царской службы воюет на стороне России. Этому предшествовали различные события: одно романтическое, другое — политическое, третье — религиозное.

Грузинскому князю Аслан-Хану было нанесено смертельное оскорбление. Обещанную его сыну девушку отдали в дом шамхала Тарковского. Такие шутки не прощаются. Это были игры и страсти шекспировского накала.

Шамхал тем временем принимает христианство и переходит на службу к Николаю I, получив чин генерала и права для сыновей и потомков на все времена иметь привилегии русской аристократии, включая обучение в Кадетском корпусе. Составитель книги «Родовые прозвания и титулы в России и слияние иноземцев с русскими» Е.П. Карнович пишет: «Затем от императора Николая получили: камерпаж султан Сагиб-Гирей-Чингис, как старший сын умершего султана внутренней Киргизской орды; по смерти его княжеский титул перешел к его младшему брату; — и шамхал Тарковский, которому был предоставлен титул княжеский по праву первородства»*. Много интересного можно узнать из этой книги, в частности и то, что одновременно княжеский титул был пожалован статс-даме графине Ливен, графу Кочубею и т.д.

* *Е.П. Карнович. Родовые прозвания и титулы в России.*
С-Петербург, 1886, с. 189.

Бравый дагестанский генерал русской армии князь Тарковский был по сведениям архивных источников, представленных нам из Махачкалы Институтом языка и литературы, настоящим, высокообразованным представителем российской аристократии. Политический деятель, входивший в круг поэта Ахундова, Ал. Бестужева-Марлинского, легендарного князя Барятинского, боевого генерала Граббе, под началом которого служил, и, по слухам, даже Александра Дюма. Он был женат первым браком на азербайджанской поэтессе, певице и переводчице Натаван. Второй брак связал его с Европой.

На стороне России под командованием генерала Граббе шамхал князь Тарковский воевал с Шамилем, участвовал в битве при Аргвани и штурме Ахульго. Он был боевым генералом и завершил войну в должности флигель-адъютанта, отмеченный наградами. Художник Г. Гагарин вместе с Т. Горшельдом и Рубо в своих рисунках оставили многочисленные свидетельства событий той войны. Среди особо ценных для нас рисунков портрет шамхала Тарковского, уже князя, генерала русской армии. Он одет богато. В белой шерстяной черкеске с гозырями, на кожаном наборном поясе кинжал, шашки, нагайка. На нем суконные желто-алые штаны и мягкие сапожки. Генерал Тарковский одет в национальную одежду, но пострижен, побрит (без бороды) с красивыми усами. Одним словом, щеголь «николаевской эпохи». Тогда русские офицеры часто носили кавказскую одежду. Такая мода была укоренена в русской армии, воевавшей на Кавказе.

История Тарковских собирается из дошедших до нас мизерных сведений от периода полуполюгендарной истории до принятия православия в начале XIX века и после, когда кумские шамхалы становятся российскими князьями, военными и служивыми дворянами государства Российского.

Ч А С Т Ь П Е Р В А Я

Между прочим, наряду с властностью, отвагой и независимостью, талантливостью и высокой культурой — современники отмечали жестокость кумыкских шамхалов. Насилие вызывало у Шамиля отвращение, никогда не было нормой его политики и проявлялось только в ответ на еще большее насилие. Шамиль мог смягчить наказание и никогда не поступал более жестоко, чем требовали законы шариата. В феодальных владениях на глазах царских властей совершались куда более жестокие наказания. Ханы Аварии сбрасывали неудобных с высокой скалы в реку. Аслан-хан Кюринский выменивал дочерей провинившихся крестьян на лошадей. Шамхал Тарковский приказывал выкалывать глаза, отрезать уши.

Все, конечно, может быть. Вопрос в том, кто пишет историю. Куда повернут магический кристалл.

Единый некогда род раскололся минимум на две ветви. Одна из них остается по сей день в Дагестане. Другая — бурно расцветает в Елисаветграде на Украине.

Мы не знаем самого главного содержания того пергамента, который был утерян. Его хорошо знал Арсений Александрович. Утрата таинственная, так как не в правилах Арсения Тарковского было выбрасывать семейные реликвии, о чем красноречиво свидетельствует его собственный архив.

Гасан Оразаев, кандидат исторических наук Института истории, археологии и этнографии ДАН, и Абдул-Хаким Аджиев, доктор филологических наук того же ДАН, представили нам составленные в 1992 году свои версии родословной, не идентифицированные ни с русскими именами по мужской линии, ни с историческими данными. Относительно деда Арсения Александровича Карла Матвеевича Тарковского не дает разъяснений и книга Марины Тарковской «Осколки зеркала». Это слабое звено на линии пере-

хода Тарки — Елисаветград. Слабое, но не безнадежное. Ведь этим никто до сих пор не занимался.

На кладбище в Тарках сохранились заброшенные, прекрасные и печальные резные надгробные стеллы предков с надписями на арабском языке.

*Разве гадал я тогда,
Что в последний раз
Читаю арабские буквы на камнях
Горделивой земли.*

Арсений Тарковский
«Дагестан»

Когда «тогда»? В 1938 году, всего вероятнее. Поэт Дагестана Аткай Аджаматов, хорошо знавший Тарковского, вспоминает, что, когда жители Тарков узнали о приезде Арсения Александровича, старцы пришли в гостиницу «Дагестан». Они постучали в дверь, вошли и встали перед ним на колени по обычаю традиционного приветствия князя. Подчеркиваем, это был 1938 год. «Арсений взял с собой нужные рукописи и вернулся к себе домой в Москву», — пишет Аткай Аджаматов. Можно понять.

Историческая и легендарная история династии кумыкских шамхалов не оборвалась, она имеет странный отзвук.

В газете «Русская мысль» от 24.02–1.03.2000 г. опубликована статья, которую мы приводим целиком вместе с фотографией. Это голос из прошлого — в Никуда.

Хайбат Тарковская-Мухтарова разыскивает дядю и тетю

Вот уже много лет я разыскиваю своих близких: моего родного дядю — князя Тарковского Хана, который уехал в 1919–1920 гг. из Дагестана во Францию (оттуда, говорят, он

перебрался в Турцию, где, по слухам, жил и работал в Измире — то ли преподавал в университете, то ли работал в Госбанке), и тетю — княгиню Тарковскую Солтанат, которая тоже уехала во Францию, где и осталась вместе со своей гувернанткой Августиной. Я их единственная племянница и очень хочу узнать, как сложилась их судьба.

Мой дядя Хан — уроженец села Бойнак (Дагестан), сын князя Зубаира Тарковского, тетя Солтанат — дочь князя Шамсутдина Тарковского, племянница моего родного деда Зубаира.

Я — княгиня Тарковская-Мухтарова Хайбат, родилась в 1919 г., проживаю в г. Махачкале. Будучи ребенком, я вместе с отцом (мама умерла) была выслана в Среднюю Азию. Прожила трудную жизнь. Сейчас мне 80 лет, и кто знает, сколько мне еще осталось, а так хочется получить какое-нибудь известие о моих родных.

Хайбат Тарковская-Мухтарова по-прежнему называет себя княгиней. Она практически ровесница поэту Арсению Александровичу Тарковскому. Судьба сложилась так, что они и знать не знали и слыхом не слыхивали ничего друг о друге. Что вполне понятно, вполне объяснимо. На фотографии двое в европейских костюмах начала XX века. Они, словно листья, гонимые по миру ветром, все тем же ветром истории.

Году в 84-м Андрей Тарковский приобретает в Тоскане землю и дом со старинной, сложенной из крупных блоков камня башней, типичной для средневековых крепостных построек.

Дом... Дерево... Постоянные, устойчивые, сквозные мотивы, образы. Они и явь, они и сон, воспоминания, необходимость «...Поэзия меньше всего — литература; это способ жить и умирать...» — слова Арсения Тарковского могут быть эпиграфом к любому фильму и всей жизни его сына Андрея.

Мы хорошо знаем, «памятей» бывает много: бытовая, интеллектуальная, историко-культурная. Память воспоминаний. Память снов. Совесть — это тоже род памяти. Поскольку память — часть нашего сознания.

Дом-крепость на горе в Сан-Григорио не только осуществленная мечта Андрея о собственном прочном доме. Дом в Сан-Григорио, вероятно, бессознательный выбор памяти, сознательно и вполне логично аргументированный.

*И хлеба земного
Отведав, прийти
В свечение слова
К началу пути.*

*Я сын твой, отрада
Твоя, Авраам,
И жертвы не надо
Моим временам.*

Арсений Тарковский.
Белый день. 1998

К началу пути, к истоку... Дом в Сан-Григорио — зыбкий отпечаток старинного негатива дагестанского обиталища Параул. До Тосканы, и в жизни, и в фильмах, в воспоминаниях и снах был дом совсем иной.

Дом Андрея в Италии — тень воспоминаний. Он также и дом «волшебной горы» Томаса Манна (в его планы входила экранизация этого романа).

Каменная «Башня» Сан-Григорио — воплощение идеи Дома с большой буквы, под крышей которого найдется место для друзей. Судя по фильму швейцарского режиссера Эббо Дэмонта «Странствия и смерть Андрея Тарковского», замысел перестройки Дома предполагал сращивание двух идей: идеи собственного удобного жилья с некой новой

Ч А С Т Ь П Е Р В А Я

идеей Форума или Академии искусства. Мы помним, как художественная память Тарковского спроецировала в фильме «Зеркало» маленький старинный волжский городок Юрьевец на картину «Охотники на снегу» Питера Брейгеля. В конце пути, на излете жизни, «тени забытых предков» опустевшего Дома вступали в права жизни иной, под крышей каменной башни Дома Тарковского в Тоскане. Увы!

*А на выезде плачет жена,
Причитая и руки ломая,
Словно черные кони Мама*

*Где-то близко, как в те времена,
Мчатся, снежную пыль подымая,
Ветер бьет, и звенят стремяна.*

Арсений Тарковский.
«Проводы»

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

На берегах
Ингулы

Я так давно родился...

*Я ветвь меньшая от ствола
России...*

*Отец стоит на дорожке.
Белый-белый день...*

А. Тарковский

На живописных берегах реки Ингулы, притока северного Буга, в середине XVIII века повелением государыни Елизаветы возвели военный форт — «Крепость св. Екатерины». Дрёмные заросшие берега Ингулы что твои малоросские джунгли, заповедное место охоты на диких уток и речную рыбу.

*Качается ветер, в песке шелестит,
И все навсегда остается таким.
А где стрекоза? Улетела. А где
Кораблик? Уплыл. Где река? Утекла.*

«Река Сугаклея уходит в камыш...»

По замыслу строителей крепость должна была стать форпостом, линией, укреплявшей границы Малороссии против новой Сербии. «Фортеция св. Екатерины» была к тому же чем-то вроде оазиса посреди степи. Еще в начале XX века и даже 20-х годов по степи кочевали цыгане, подолгу оседая табором неподалеку от города. «Я родился в степях... В тех теплых степях кровь моя и душа моя» — так написал о себе украинский писатель, житель Елисаветграда Владимир Винниченко. В книге «Путешествие по России» академик Петербургской Академии Иоган Антон Гильденштедт описывает крепость, где «наличествует 2400 жителей обоих полов». Три батальона под командой артиллерийского генерала. И

далее дотошный Иоган Антон разворачивает унылую картину жизни, перечисляя дома, постройки, крытые только соломой, скотину, гусей, словом, захолустное существование. И вот за двадцать лет крепость стала городом Елисаветградом, из военного ведомства перейдя ведомству гражданскому с населением 60,5 тысяч жителей к 40-м годам XIX века. Секрет чуда был не в рекордно скоростном размножении гарнизона, а в специальном указе о расширении пределов крепости и заселении Елисаветграда пестрым по национальному составу населением. Переселенцы Западной Украины, Польши, Болгарии, Сербии. Сюда пришли малороссы, поляки, молдаване, евреи, болгары. Город «упал» в степь на западной окраине Малороссии, подобно тому как Петербург «упал» на берега Невы. Подобно Петербургу Елисаветград строился быстро, сразу, инициативными, жаждущими жизни людьми. Но в отличие от великого чуда творения Северной Пальмиры с его имперской сословной субординацией, Елисаветград был похож на пестрое лоскутное одеяло. Оно сшито из квадратиков ткани, различных узором и фактурой. И уж если «лоскутное одеяло», то и терпимость к иному способу выражения себя, его составных частей. Елисаветград был веротерпим и демократичен изначально. В этом феномене внутренний секрет города, как бы изначально заложенная его судьба и биография. Елисаветград стал городом, родившим украинский национальный театр, музыкальную культуру мирового уровня, писателей, поэтов, политических деятелей, ученых. И если поэтов, то Арсения Тарковского, если политических деятелей, то Льва Троцкого, а если музыкантов, то Генриха Нейгауза.

Тарковский – православный, дворянин.

Нейгауз – лютеранин, из среды потомственных музыкантов.

Троцкий – иудей, его отец научился читать только в старости.

Уже в 40-е годы XIX века в городе бурлила жизнь. Мукомольная промышленность, пивоварение, торговля хлебом на экспорт, переработка фруктов – всего не перечесать. Согласно данным энциклопедического словаря Брокгауза и Эфрона в 40–50-х годах в городе насчитывалось шесть церквей православных, две единоверческие, лютеранская, католическая, три синагоги. Две гимназии, реальное училище, юнкерское училище. Своя метеорологическая станция. Лечебницы, богадельни, приюты. Книжных лавок – девять, городских библиотек – три. А вот тюрьмы толком не было. И когда в 80-х годах начались аресты «народовольцев» и других вольнодумцев, оказалось, что негде ни содержать, ни вести дознание. В дальнейшем возникла и «полицейская управа» и «жандармерия», однако тюрьма появилась не сразу. Дело в том, что Елисаветграду и его жителям повезло. Город не был уездным. Уездным был Херсон. Так что настоящие тюрьмы были в Херсоне, Одессе, Харькове. Белый, утопающий в зелени каштанов и акаций, славившийся своими бахчами, садами и арбузами, «неуездный» Елисаветград нисколько не походил на гоголевский Миргород с лужей посредине. Не было «лужи» ни в прямом, ни в метафорическом смысле. Быть может, в силу своей родовой истории Елисаветград и не был типичной для России провинцией. За ярко выбеленными стенами одноэтажных домов шла нормальная обывательская жизнь будней и праздников, радостей и бед. Обывательская, но не провинциальная. Ведь в сущности «провинция» никогда не была понятием чисто географическим. Провинциальность, прежде всего, понятие «культурное» и не постоянное. Государство – «столица» и «окраина» – координата временная. В культуре «временная». Административная столица не всегда совпадает с понятием «не провинциальности», когда речь идет о культуре, искусстве.

Провинция там, где духовно-культурная жизнь обслуживает обывательский уклад, точно соответствуя рутинным представлениям, т.е. отставая от себя самой. Провинциальность в культуре всегда только региональна.

Авангардизм начинается с «еще не бывшего». А дальше вопрос: насколько обывательское большинство готово. Готовность общества Елисаветграда к своему культурному «ренессансу» таилась во внутреннем динамизме и напряжении его жизни, его стремлении к обучению. Елисаветград от начала 70-х годов XIX и по 20-е годы XX века переживает культурный расцвет в полном смысле слова.

II

Дед Арсения и прадед Андрея Карл Матвеевич Тарковский — дворянин, помещик, землевладелец, товарищ генерал-губернатора, то ли основатель, то ли председатель Дворянского собрания города. Он вышел в отставку в чине ротмистра и посвятил жизнь семье и общественной жизни города. Это было в позапрошлом веке. «Так давно, когда душа человека еще была бессмертна» — так примерно выразился бы Редьярд Киплинг. А Фаина Георгиевна Раневская сказала иначе: «Знаешь, мой дорогой, я так стара, что помню порядочных людей». Одним словом, это действительно было в иной цивилизации, хотя многих из героев нехитрой нашей истории можно назвать современниками.

«Родословная», хранившаяся в документах семьи, таинственно исчезла. Все архивы Жандармского Управления города (а именно там и хранились основные архивы) также таинственно исчезли уже после революции*. Известно так-

* Идентификацией «дагестанской» родословной и поисками недостающих звеньев мы кропотливо занимаемся, этому будет посвящена специальная публикация, поскольку мы сторонники кавказских корней рода Тарковских. И это принципиально.

же, что Карл Матвеевич принимал участие в создании и организации Юнкерского училища Елисаветграда. Женат на крещенной в православие Марии Каэтановне Кардасевич. Смешанные в этническом и социальном отношении браки были широко приняты, как мы упоминали, в многонациональном, пестром Елисаветграде. Карл Матвеевич — знаменитый, состоятельный, уважаемый в своем городе человек. Сколько можно судить, брак был счастливым, а семья гармоничной. У Карла Матвеевича и Марии Каэтановны было пятеро детей, но в живых осталось трое: Надежда, Вера — погодки и с десятилетним отрывом Александр, любимец и баловень семьи. Сестры его боготворили. Звали «Сашенька».

Александр Карлович вспоминает: «Я родился в селе Николаевке в 25 верстах от Елисаветграда. Это небольшое селенье состояло из одной улицы и нашей усадьбы, стоявшей несколько поодаль, по другую сторону пруда расположилось селение Кардашевка и каменная церковь, игравшая большую роль в моем духовном развитии. Я родился не в усадьбе, а в хате на склоне к пруду, потому что наш дом еще только строился, и наша семья временно занимала эту хату. Рассказывают, что во время моего рождения отца не было дома»*. Это было 12 июня 1907.» Александр Карлович писал «Биографию» на склоне лет, когда жизнь была уже почти прожита. «Прошлое отходит куда-то далеко-далеко и кажется таким маленьким, точно смотришь на него с обратной стороны». Он тщательно отбирает слова и эпизоды. «Родился не в усадьбе, а в хате...» Помещиком уже не был, а прошел жизнь героев своего времени, нового витка духовных исканий через искус «Народной воли».

Сыновья шамхалов ассимилируются в русской православной помещицкой традиции, а их сыновья — уже русская

* Архив А. А. Тарковского. Пушкинский Дом. С.-Петербург.
Фонд 830. Коробка №6. Папка №12.

демократическая интеллигенция. Одним из них был Александр Карлович Тарковский.

В 1872 году неожиданно, в один день, холера уносит Карла Матвеевича и Марию Каэтановну. Осиротевшие Вера и Александр уходят в дом к Надежде Карловне. Вера вскоре сестры выходит замуж за русского офицера – полковника Вл. Дм. Ильина, и уезжает по месту службы мужа.

Вера Карловна, где бы она ни была, никогда не теряла связь с сестрой и обожаемым «Сашенькой». Уже позже, когда судьба «народовольца» Александра Тарковского бросила его от Шлиссельбурга до Сибири, – Вера оказывалась рядом. Оставив семью и сына, она ездила за ним, готовила еду, носила передачи. Такие вот они были – Тарковские.

Надежда Карловна заменяет Саше мать.

Наследство Карла Матвеевича, недвижимость, какие-то деньги и более 600 десятин земли осталось детям. По закону основным наследником считался мальчик, но Александр Карлович разделил все поровну между собой и сестрами, а труд управления взял на себя рачительный Иван Карпович Тобилевич, официальный опекун молодого Тарковского. Надежда Карловна с Иваном Карповичем поженились за год до смерти родителей. Брак был драматичным и много крови попортил родителям. Это был «мизальянс». Они не были ровней. Богатая, прекрасно образованная наследница дворянина Карла Тарковского и секретарь полицейской управы Иван Тобилевич. Но не была б Надежда Карловна Тарковской, если бы не настояла на своем. Очень любили они друг друга, елисаветградские Филемон и Бавкида.

В приданое Надежда Карловна получила маленькое имение, просторный одноэтажный белый дом с землей и службами.

После смерти Надежды Карловны, Тобилевич назвал дом ее именем – «Хутор Надия».

Сегодня в Елисаветграде два музея, посвященные основоположникам профессионального украинского театра: «Дом-музей Марко Кропивницкого» и «Хутор Надия». Во дворе перед домом на высокой колонне бронзовый бюст классика украинской сцены – режиссера, драматурга, актера Ивана Карпенко-Кары, псевдоним того самого секретаря полицейской управы И.К.Тобилевича. Ежегодно к этому дому приезжают люди со всех сторон света*. В саду возле хутора Тобилевичи сажали именные деревья. Традиция эта продолжается и по сей день. Уже высоким стало дерево в память Александра Карловича. Под ним табличка «Олександр Тарковскі. 1862–1924».

Какое странное воздушное, без видимых реальных касаний, пересечение! Роща именных деревьев в родовом гнезде Тарковских, и сквозной мотив поэзии Арсения, и киноленты Андрея. Это мотив, наполненный бесконечной обильной содержательностью. Знал ли Андрей Арсеньевич о той роще? Думаю, что не знал даже о «Хуторе Надия».

В коротких «Воспоминаниях для моих детей» есть такие слова Александра Карловича: «Так старое дерево, не принося цветов и плодов, трепещет последними листьями, пока топор дровосека не отнимет у него остатки жизни. Мои дорогие дети! Не забывайте своего отца; он так много любил вас, и с любовью этой он кончит свои дни».

Много лет спустя в стихах «Когда под соснами» Арсений Тарковский напишет:

*И разве это я ищу сгоревшим ртом
Колен сухих корней, и, как во время оно,
Земля глотает кровь, и сестры Фазтона
Преображаются и плачут янтарем.*

* Выражаю благодарность директору Национального театрального музея «Хутор Надия» Николаю Викторовичу Хомандюку за предоставленную нам информацию.

Все, видевшие «Жертвоприношение», помнят эпитафию и эпилог фильма, тему Дерева и Малыша, — официальное посвящение сыну и поэтическое завещание нам, зрителям.

III

Музеи хранят застывшую, отшлифованную временем культурную память прошлого. Это относится к большим художественным, историко-этнографическим галереям мира равно как и к малым, городским, местным музеям вроде «Хутора Надия» или «Мемориального музея М.Л. Кропивницкого» в Елисаветграде. Но как представить себе живую жизнь той культуры? Ту частную жизнь людей одаренных, которая становится культурой, завораживая, втягивая в свое вихревое поле массу людей и, тем самым, переводя стрелки из одного времени в другое.

По решению ЮНЕСКО в 1982 году весь мир отмечал столетие Украинского национального театра.

Его основоположники — Марко Кропивницкий и Иван Карпенко-Кара давно, уже при жизни, перешагнули границу Елисаветграда, чтобы в 1982 году стать признанными членами, так сказать, клуба «Театров Мира». (Можно было бы создать такой «клуб», дав ему имя Уильяма Шекспира.)

Украинский драматический национальный театр начинался с любительского кружка, где и познакомилась Надежда Карловна с Иваном Тобилевичем. Все были молодыми, талантливыми, объединены общей волей к созданию театра.

Помимо репетиций, собирались вечерами, читали стихи и очень много пели, сопровождая на всех мыслимых и немыслимых инструментах.

Первым показанным в городе спектаклем стала постановка по пьесе Карпенко-Кара «Назар Стодоля», а в 1882 году уже на сцене Елисаветградского драматического теат-

8

Воспоминания
Дяди
Моллы Батий.

Я хантар да самъ искаю эти
воспоминания, но мой почти
слепой маа мѣ уѣзъ дабы не сму-
скалъ, я дохсенъ обратилъ въ по-
мощи друзей, и потому и
диктую. Да и самые воспомина-
ния будутъ отрывками, безъ связи,
много изъ переломного убого по-
забито мной, много величма
ется кохрешито отрывками незе-
ными образами, записанными
звукими. Да и не удивительно:
Физикъ въ настоящемъ прожиде
тарую глубокого обрѣду, кто
прошное отходитъ куда-то да-
леко-далеко и кажется токими
маленькими, тохно смотрѣши на

иго, с обратной стороны.

Все же образы прошлого не почили
мы совсем, далекий светокелес все-
же еще светит. Там в безпрос-
ветную ночь далекий и небесный
огонь как будто освещает туман
как будто сиревать здынуце тно.

Вн Бона мой свет и долго и
будет жить в будущем, но вам должно
быть интересна жизнь вашего отца коти-
рану вышло на долго мало радости и
много горя, который сильно чувствовал
и много боролся теперь усталый и
безысходный сложился пред судьбой ожи-
дая неизбежного удара. От ана стовурое дерево
не пришло цветков и плодов тженцет
последними месяцами пока теперь
дровосека не отнимется у него остаток
жизни. Мой дорогой Бона! не забывайте
своего отца; он так много любил
вас и с любовью стоял на кончике

Свой дни.

Мое Отечество

Я родился во семье Микаилова во
25^{ти} верстах от Симеопольска,
Это и большое семейство состояло из
одной усадьбы и манежей усадьбы
состоявшей несколько подале по другую
сторону при да расположенное семейство
Караимовна и княжна усадьбы
наш Ташица раи во последние
мое развитие. Я родился не в
усадьбе, а в доме на склоне горы
ду, потому что наша домостро-
ительная и наша семья в бытность
мою занимала дом вату, рассказыва-
ют что во время моего рождения
эту не было дома

ра играли «Наталку-Полтавку» по пьесе Ивана Котляревского. «Наталка» и по сей день не сходит со сцены, успех был оглушительный, резонанс огромный. Уже в 1886 году театр гастролировал в Петербурге. Труппа ставила драмы о судьбах простых людей и веселые оперетты, а вернее, «комиш опера», где драма и мюзикл создали новый, не существовавший до того театральный жанр. Корни театра «слез и смеха» в карнавально-ярмарочном балагане народных площадных представлений понятны и «толстым и тонким». Труппа Марко Кропивницкого – первый профессиональный музыкально-драматический театр Украины, оседлый, репертуарный. На центральной улице города, где росли красивые деревья, расположены административные здания, банк и прочее, установлены театральные тумбы с афишами. Театр стал центром городской культурной и общественной жизни, может быть, в большей мере, чем в свое время «Глобус» в Лондоне, МХАТ или «Театр на Таганке» в Москве.

Марко Лукич Кропивницкий – создатель театра, режиссер, выдающийся актер, писатель, поэт, певец, музыкант, педагог. Кропивницкий – единственная в своем роде личность. Если мы договоримся считать 1870–1880-е годы в Елисаветграде «ренессансом», то он был героем ренессанса.

Подобные слова и сравнения могут показаться преувеличением, но ведь речь идет о сути процесса, а не о масштабе. Кропивницкий без остатка отдал все созданию театра и воспитанию актеров.

Несколько слов о труппе. Кропивницкий и Тобилевич были только лидерами, а труппой была семья Кропивницких-Тобилевичей.

Мария Карповна Садовская-Барилотти (1855–1891), глубокое, с широким диапазоном сопрано. Ведущая актриса

труппы Кропивницкого. «Паночка» Лысенко, Наталка в «Наталке-Полтавке», Одарка в «Запорожце за Дунаем», комедийные роли ей удавались прекрасно. Играла в «Наймичке» Карпенко-Кары. Мария Карповна была первой профессиональной концертной исполнительницей украинского вокального репертуара: «Ой ты, птичко желтобоко», «Дивлюсь я на небо» и «Ихав козак за Дунай».

Садовский Николай Карпович (1856–1933) умер в Киеве. Написал книгу «Мои театральные воспоминания», которая очень помогает представить то далекое время, театральную жизнь, восторги публики. Город все-таки был молодым. Он играл в тех же спектаклях и участвовал в 1886 году в первых гастрольях театра в Москве и Петербурге, когда Россия знакомилась с театром Кропивницкого. Именно Николай Карпович ввел русский и западноевропейский репертуар на украинской сцене. Играл городничего в «Ревизоре» Н.В. Гоголя и одну из главных ролей в репертуаре – «Савву Чалого» в пьесе Карпенко-Кары. Его любимая пьеса.

Вместе с братом Петром Карповичем Саксаганьским создал первое Товарищество русско-малоросских артистов под руководством П.К. Саксаганьского. Николай Саксаганьский – любимый актер Арсения Тарковского. Он был кумиром молодежи его поколения в Кировограде.

Саксаганьский-Тобилевич (1859–1940) в 1931 году стал первым народным артистом СССР. Был, как и все Тобилевичи, очень красив. До того как стать актером, окончил юнкерскую школу. Кроме известного нам малоросского репертуара играл Отелло, Уриеля Акосту, Генри Мора в «Разбойниках» Шиллера.

Но вот кто был в труппе подлинной звездой – так это Мария Константиновна Заньковецкая-Адасовская (1860–1934).

Мария Заньковецкая – Ермолова Украины. Ее слава перешла границы украинской труппы Кропивницкого. Во

время гастролей в Москве и Петербурге о Заньковецкой много писали. Ей поклонялись Лев Толстой и Чехов. Репин писал ее портрет. Сама Полина Стрепетова при всей сложности своего характера и ревности приглашала Марию Константиновну на столичную сцену. Она от предложения отказалась. У нее были другие задачи.

В характере и жизни Марии Константиновны крылась тайна. Благородная, образованная, женственная, застенчивая, настоящая светская дама и одновременно настоящий борец. Выступала в 1897 году на I Всероссийском съезде сценической деятельности в Москве, добилась разрешения на широкий репертуар для театра.

В 1907 году умер в Берлине Иван Карпович Тобилевич. Его тело перевезли на родину и похоронили на кладбище рядом с незабвенной Надеждой Карловной. Что-то сломалось в их общей театральной жизни, образцово единой, не знавшей закулисной зависти, интриг, соперничества.

В том же 1907 году Заньковецкая покинула Елисаветград. Вместе с Николаем Карповичем Садовским она организовала первый украинский театр в Киеве.

Совершенных форм жизни не бывает. Мир, описываемый нами, имел столь малую кривизну, что его можно назвать гармоничным. В театре никто не брезговал никакой работой: строили декорации, шили костюмы, писали и перекладывали музыку. С театром много работал композитор Направник. Мы забыли еще рассказать о Миколо Вакуленко и его жене, художниках-декораторах, скульпторах, создававших кукольные персонажи пьес Кропивницкого и Кары. Вырезанных из дерева героев «комиш-опер» так любили, что требовали их «к тиражному производству» и кукольной версии для демонстрации в ярмарочном «вертепе», т.е. кукольном театре. И еще несколько слов об Олесе Вукотич, первой жене Марко Кропивницкого, странно по-

вторившей судьбу Надежды Карловны. Она рано умерла, оставив мужу дом и двоих детей. В этом доме сегодня открыт театр-музей.

По субботам после спектаклей часто собирались большими компаниями в гостеприимном доме Тобилевичей. Ужинали, пели песни, разговаривали. Непременными участниками этих посиделок был друг Ивана Карповича доктор Михалевич, инспектор духовных училищ Лещенко, близкая дому образованная елисаветградская интеллигенция.

Надежда Карловна была превосходной профессиональной пианисткой, учившейся в частной музыкальной школе Феликса Блюменфельда. По воспоминаниям она принимала участие в концертах Дворянского собрания как исполнительница классического музыкального репертуара. В школе Блюменфельда учились молодые люди и барышни из хороших семей — дворянских, купеческих, мещанских. Все хотели дать хорошее образование детям, этот город с 1870-х годов был помешан на образовании, в том числе музыкальном.

И не удивительно. Малороссы — песняры, обладатели дивных голосов, вокальной одаренности. Они настоящие ценители песни. Партесное (многоголосное) пение из церковной музыки XVII века перешло в сложное народно-песенное исполнительство. Здесь гремучая смесь казацкой думы, лемковского диалекта в смешении, пересечении влияний, с польской, венгерской, словацкой песней. Ярмарочные воскресные и праздничные гуляния — импровизированные конкурсы «спивания» (не от слова спиться, а от слова спеться), так что музыкальный профессиональный театр на Украине — дело национально-народное.

В городской елисаветградской культуре XIX века народное исполнительство столь же любимо, как и увлечение

классической русской и европейской музыкой. В городе сложилось как бы два музыкальных центра. При всем своем различии они, уравновешивая друг друга, создали феноменальный прецедент театрально-музыкального ренессанса, тем более что центром музыкальной жизни была большая немецко-польская семья Нейгаузов-Шимановских.

Густав Вильгельмович Нейгауз и родной брат его жены Феликс Блюменфельд открыли в Елисаветграде музыкальную школу. Школа практиковала ультрановую систему обучения фортепьянной игре. Сегодня методиками обучения никого не удивишь. Но в те времена где еще были такие музыкальные школы?

Учиться в музыкальной школе Блюменфельда означало принадлежать определенному уровню культуры. Показателем же культуры в основном два – искусство и образование.

Генрих Густавович Нейгауз (1888–1964) – знаковая фигура для отечественной культуры, искусства и образования. «Мастер Генрих, конек-горбунок», как писал Б. Пастернак. Профессор Московской Государственной консерватории с 1922 года, доктор искусствоведения, народный артист РСФСР, он был создателем одной из лучших в мире фортепьянных школ. Среди его учеников Святослав Рихтер, Станислав Нейгауз и многие другие. Нейгауз был виртуозом-исполнителем фортепьянной и органной музыки и подлинным философом.

Генрих учился в той же музыкальной школе, у своего отца Густава Вильгельмовича. Он давал концерты и гастролировал с девятилетнего возраста. В 1905 году уезжает в Берлин для продолжения образования. Но где бы он ни был, куда бы ни забрасывала его судьба, Генрих Густавович неизменно возвращался в Елисаветград. Он любил этот город и свои о нем воспоминания. Часто в компании друзей в свойственной ему обаятельно-серьезной манере рассказывал

«елисаветградские истории». Неизбежно они сводились к какому-то фотографу, щеголю-донжуану.

Елисаветград был и родиной польского композитора Кароля Шимановского (1882–1937), дяди Генриха Нейгауза. Шимановский учился в музыкальной школе у Густава Нейгауза. В Елисаветграде написал и исполнял многие свои произведения: оперы, песни, музыкальные пьесы. Шимановский уехал из Елисаветграда после 1905 года.

Старшая сестра Кароля, прославленная польская певица Штефания Шимановская (сопрано) в Елисаветграде давала концерты. Братья были ее аккомпаниаторами. В Варшаве работала в оперном театре. Умерла в 1938 году. Из двух младших сестер Шимановских Зофья писала стихи. Кароль на тексты стихов писал музыку. «Вокальный цикл» песен Шимановского впервые исполнялся в Елисаветграде. Концерт стал исторической вехой в городе, сравнимой лишь с премьерой «Наталки-Полтавки».

*И вот в гостиной инструмент,
И город в свете, шуме, гаме,
Как под водой на дне легенд,
Внизу остался под ногами.*

Б. Пастернак.
«Музыка»

Театр и музыка наполняли маленький город на окраине империи особой атмосферой, напряженной энергией художественности. Ее творцы были соединены между собой и в более тесном – светском, бытовом, семейном общении. На провинциальную такая культура не похожа, хотя вышла она из провинции.

Возможно, тот щеголь-донжуан, герой рассказов Генриха Густавовича был елисаветградский законодатель мод, владелец популярной фотографии Вальдемар Чахов-

ски. Это он оставил нам на память образы города того времени. Полустертые, подслеповатые фотографии возвращают нас в прошлое, в свой растворенный во времени «золотой век».

IV

В 1874 году опекун Александра Карловича Тарковского Иван Тобилович определил его в елисаветградское реальное училище. Реальное училище было новым учебным заведением, во главе его стоял педагог-реформатор Михаил Завадский. Как все гуманисты того времени, Завадский был бескорыстный просветитель, человек передовых идей и новой школы образования. Его авторитет был безграничен. В основу системы Завадский поставил два правила: профессиональность педагогов и уважение к ученикам. Он хорошо знал всех учеников. Постоянно, ежедневно разговаривал с каждым. Естественные предметы, точные науки и большая гуманитарная программа определяли направление школы. Французский язык преподавала дочь пианиста Блюменфельда. А историю — сам Владимир Ястребов. Именно он и перевел книгу Иоганна Антона Гильденштадта «Путешествие по России». Владимир Ястребов имеет мировое имя в области археологии верхнего палеолита. Историк и археолог, талантливейший ученый. В реальном училище создал первый в Елисаветграде археологический музей. Соблюдая масштаб провинции 70-х годов, елисаветградское реальное училище можно сравнить с «пушкинским» Царскосельским лицеем.

Учился Александр Карлович средне. Его знали все. Фамилия не из последних. А уж характер! Гордый, независимый, самостоятельный и взрывной. Говорят, характер рождается вместе с нами, скажем, кроме индивидуальных но-

сит наследственные генетические черты. В 6-м классе Александр был исключен из училища. За что же? Александр на уроке рисования громко, игнорируя замечания, что-то обсуждал со своим другом Евгением Чекаленко*. Несмотря на всю дипломатию Завадского, извиняться не пожелал и был исключен. Какое-то время учился дома. Это было для него хорошим временем. Он много читал, занимался языками. Через год поехал в Мелитополь, где было реальное училище с тем же примерно набором предметов. В Мелитополе, сдав экзамены экстерном, с дипломом об окончании вернулся домой. Диплом давал право на дальнейшее обучение. Александр вместе с Евгением Чекаленко поехал в Киев для поступления в университет на естественное отделение, не поступил и вернулся домой.

Затем друзья едут снова, на сей раз в Петербург, и поступают в столичный университет. Тарковский – на естественное отделение, которое через полгода покинул и вновь вернулся домой. Мятежный, драматичный, ищущий человек был Александр Карлович. Человек страстей и сердца, «с огнем в груди». Прекрасно образованный даже по меркам того времени. Он знал (т.е. читал, писал, говорил) английский, французский, немецкий, итальянский, сербский, украинский. Владел греческим, латынью, а с 1915 года изучал древнееврейский. В доме большая библиотека, иностранную литературу читали на языке оригинала. Александр Карлович знал естественные науки, математику, географию. Нам сегодня, несмотря на поток информации, трудно представить, каким был образованный, думающий человек конца XIX века. Особенно в отношении круга их чтения.

* Евгений Чекаленко был другом А.К., состоял в «Народной воле». Оставил воспоминания.

Для всего поколения молодых людей среды Александра Карловича чтение было не просто времяпровождением или образованием. Писатели становились наставниками жизни. Читали Пушкина, Байрона, Виктора Гюго, Салтыкова-Щедрина, Шиллера, Шекспира, Гоголя и т.д. и т.д. На первом месте — Белинский, Писарев и особенно Николай Гаврилович Чернышевский. Вот кто был властителем дум. Рахметов же — герой, образец для подражания. Гражданская казнь и ссылка сделали Чернышевского Героем (с большой буквы), примирив с ним даже Александра Герцена. Российская государственная традиция по отношению к «инакомыслящим» изменений по сей день не претерпела. Мы умеем создавать и воспитывать героев, делить народ на «героев» и «негероев», своих и чужих. Однако если вернуться к середине 1880-х годов, в обществе шли великие процессы. Формируется особый слой русской демократической интеллигенции. Ее черты: самосознание, твердость, готовность к борьбе, любовь к родине.

Все, что происходило в обществе, наглядно прослеживается в судьбе Александра Карловича Тарковского. Запущены механизмы, связанные с контрастностью сознания. Среда образования соединяется со средой народной, изгоями, чертой оседлости. Спасение народа, борьба за демократию, по сути, и есть пафос жизни. Ни родового имуществва, ни родового имени. А с другой стороны — выраженный индивидуализм, подчеркнутое чувство дворянского достоинства. Самосознание и самоанализ, острое переживание собственного несовершенства.

Таков был и Александр Карлович. Идеальное воплощение нового типа дворянина-интеллигента. А чего стоит его ответ на допросе в Харькове о принадлежности к «Народной воле»: «Да, имею честь принадлежать к партии “Народной воли”».

Какой понятный, естественный в контексте времени поступок – письмо Александра Карловича Виктору Гюго из тюрьмы*. Письмо написано по-французски. Мы не будем приводить текст письма. Вопрос в том, к кому с исповедью и надеждой обращается из заключения 22-летний русский дворянин из Елисаветграда? К тому, кто его поймет, поддержит, у кого через сердце прошли герои каторги и совести, кто ведает, что значит сила духовного преображения, а главное – понимает, что значит «свобода», как никто. До Виктора Гюго письмо не дошло и осело в жандармских архивах. Но для нас важна психология поступка. (По имеющимся у нас сведениям Александр Карлович переписывался с писателем Короленко, композитором Направником.)

В 20-х годах Александр Тарковский написал бесценный по значению текст, подготовленный к публикации О. Чудновой «Очерки революционного движения в 80-х годах в Елисаветграде», опубликованный в газете «Елисаветград», выпуск № 9, 1992.

«Сорок лет отделяют меня от далеких восьмидесятих годов. За это время Россия пережила столько событий, столько потрясений – голод, две войны, ряд бунтов, три революции, – что впечатления от всех этих грандиозных и ярких событий тяжело легли на мою психику. Былое ушло вдаль, покрывшись какой-то дымкой, и нужно много усилий, чтобы вызвать тени прошлого. Я, как пушкинский Пимен, задумавшийся над своей летописью, с грустью могу сказать:

* Письмо Виктору Гюго было обнаружено директором музея-заповедника «Хутор Надия» Николаем Викторовичем Хомандюком и опубликовано в 1992 г. в переводе на украинский язык в газете «Народное слово». По-русски полный текст напечатан в книге М.А. Тарковской «Осколки зеркала». М., 1999.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

*Не много лиц мне память сохранила,
Не много слов доходят до меня,
А прочее погубило невозвратно...*

Одно дело участвовать, совсем другое дело вспоминать. Участие – это творение собственной биографии. Воспоминание – отстранение, осмысление себя как участника событий с удаленной точки, «в оценке поздней».

Как автор «Очерка революционного движения» Александр Карлович спокоен, грустен, рассудителен. Он не пишет о себе, но его участие в событиях угадывается между строк. Революционное движение в Елисаветграде 80-х годов было малочисленно, зависело от Харькова и других больших городов. Народовольческое движение носило скорее гуманитарно-гуманистическое направление, скажем образовательно-пропагандистское. Распространялся «Указатель систематического чтения». Гимназистки старших классов (в том числе гимназистка Александра Сорокина, невеста молодого Тарковского) Маркса читать не могли. От бессилия преодоления сложного текста начинали рыдать. «Члены кружка должны были работать над приобретением возможно большего количества знаний. От них требовалось знакомство не только с литературой политической, но и научной». Кстати, выдающейся личностью народовольческого кружка был Исаак Владимирович Шкловский, дядя советского писателя Виктора Шкловского, Шкловские также из Елисаветграда. Все свои произведения он подписывал псевдонимом «Дионео». С ним Александр Карлович уже потом, когда «Дионео» уехал, состоял в длительной переписке. О террористических же актах никто не помышлял, так как руководитель, человек спокойный, находил, вполне правильно, что до этого не следует допускать горячие головы юношества.

В постоянном контакте с кружком «Народная воля» находилось другое объединение «Громада». «Громада» помогала народовольческому кружку деньгами и содействовала учреждению его библиотеки». Объясним: члены «Народной воли» и «Громады» были также членами одной семьи и жили под одной крышей, сын с приемным отцом. Ядро «Громады» — Карпенко-Кара, врач Михалевич, учитель Маркович.

Арсений Александрович Тарковский вспоминает:

«Я очень хорошо помню доктора Михалевича.

С Афанасием Ивановичем Михалевичем отец был в ссылке, в Тунке. Он был сослан по делу украинских социалистов.

В мое время он был сед той сединой, которая не оставляет ни на голове, ни в бороде, ни в усах ни одного темного волоса; роста был высокого, голубоглаз, — глаза его были добры до лучеиспускания. Волосы делились пробором слева. Летом он ходил в белой широкополой кавказской шляпе, чесучовом пиджаке, с палкой. Он был врач. Он лечил меня в детстве. От него пахло чистотой, немножко лекарствами, белой булкой.

Я много болел, и мне прописывали много лекарств. Он отменял их все и лечил меня чем-то вкусным, на сиропах. Ничего, я выжил.

Афанасий Иванович был сковородист. Он почитал память старчика Григория, но религиозен, во всяком случае, слишком явно религиозен не был. А может быть, и был, но не в большей мере, чем другие наши знакомые. Отец рассказывал, что в Тунке, где они жили вместе, он будил его по ночам:

— Александр Карлович, вы спите?

— Сплю.

— Ну, спите, спите.

Еще он любил, также по ночам, играть на скрипке и петь псалмы. Учился он, кажется, в духовной семинарии.

Он был несчастен в личной судьбе. Это касается его детей; жену он очень любил, как и она его. Он женился в ссылке на крестьянке, воспитал ее, обучил грамоте. Она была очень умна, у нее глаза, казалось, видели тебя насквозь».

Помимо традиционных в России разговоров, «Громаду» больше всего интересовали проблемы переводов мировой литературы на украинский язык. Это касалось не только художественной литературы, но и научной: по философии, астрономии, медицине, физике, химии и т.д. Можно сказать, что задача их в основном была просветительская.

В упомянутой статье Александр Карлович дает открытую и смелую оценку убийства Александра II, а ведь на дворе 20-е годы: «Хотя народовольцы называли это победой, но это было не более как крупная политическая ошибка, стоящая России 25 лет тягчайшей реакции и отодвинувшая дело возрождения на много лет». И далее: «...Для общества в широком смысле — это был государь, воспитанник Жуковского, благородно мысливший и давший великие реформы: эмансипацию печати, хотя относительную, судебную реформу, самоуправление».

Действие, как всегда, не было равно противодействию. Последнее — несравнимо сильнее и бессмысленнее. С 1884 года начались аресты. Фамилия жандармского офицера была вполне в духе русской сатирической литературы — Дремлюга по кличке «Оборванец». Начинается тюремно-ссылная страница биографии дворянина-демократа Александра Тарковского, которая продолжается до 1892 года, т.е. восемь лет. Три года по тюрьмам и пять лет ссылки в Иркутскую губернию. Невеста Александра Карловича Александра Сорокина также была арестована, но вскоре отпущена.

Есть интересная черта в истории русской тюремно-каторжанской и ссылной интеллигенции, особенно дворянской. Здесь творческое напряжение духа свободно от обя-

зательств перед кем бы то ни было. Ты можешь опуститься до любого уровня. Вниз ступеней не считают. Но, как заметил Карл Юнг, «избранников проверяет яма». Русские ссылыные в большинстве своем несут культуру туда, куда их забрасывает судьба. Они все умеют рисовать, писать, они любопытствуют, исследуя новый мир вокруг себя, ведут деятельную переписку. Это традиция. Александр Карлович — крепкое звено такой цепи. В ссылке Тарковский продолжает образование: много читает, изучает языки.

Из ссылки он привез «Сибирские очерки», две толстые рукописные книги. Сейчас рукописи «Сибирских очерков» хранятся в архиве Пушкинского Дома в Санкт-Петербурге, переданные туда для широкого их использования правнуком, Арсением Андреевичем Тарковским.

«Сибирские очерки» состоят из двух книг: «В гостях у Хамбо-Ламы» и «В тайге».

Александр Карлович описывает путешествие с проводником к озеру Косо-Гол вблизи Хотинского дацана. Одну из глав он называет «Настоящая Азия» (Бурятия).

Включая мельчайшие подробности, с огромным юмором (а юмор А.К. был присущ настоящий, т.е. по отношению к себе) рассказывает автор о своем знакомстве с Великим Ламой, его резиденции, обычаях, типах людей. В стиле повествования — доскональность этнографа. В описании природы тайги — знание натуралиста, естествоведника. Его литературный стиль можно назвать «дарвиновским», т.е. сочетание остроумной литературы с точностью научного наблюдения.

Почерк Александра Карловича каллиграфический, читать рукопись легко. (Мы публикуем ее в приложении к нашей книге.) И тут появляется Александр Тарковский не как дед режиссера Андрея и отец поэта Арсения, но талантливый самобытный писатель-путешественник, автор прозы «Путешествие к озеру Косо-Гол».

Можно бы добавить его же перевод с итальянского «Ада» Данте. Сегодня такой перевод кажется архаичным, несколько дилетантским, но, сколько известно, претензии есть даже к переводу Михаила Лозинского.

В 1895 году Александр Карлович переводил итальянского поэта Кордуччи, в то время близкого ему по несколько меланхолическому настроению.

*На дни свои былые
Гляжу уныло я:
Порывы там благие
И вера там моя*.*

V

1895 год — после возвращения из ссылки. «Порывы» и та «вера» остались «там». Видимо, было грустно. Первая половина жизни почти завершилась. В дальнейшем «народовольческое» прошлое всегда присутствовало в биографии и всегда по-разному. С одной стороны, мешало. Он не мог занять высоких постов, ни стать членом Городской управы, ни «товарищем директора Общественного банка», где служил. Хотя в то же время был очень знаменит и пользовался уважением в обществе. Его знал весь город.

С другой стороны, когда пришли иные времена и нужны были разного рода справки, прошлое помогало. В частности, Мария Даниловна Тарковская получала пенсию 49 руб. 75 коп. за умершего мужа своего — бывшего народовольца**.

Приводим еще один любопытный документ 1923 года: «Комиссия по назначению пенсии» вынесла положитель-

* Архив А.А. Тарковского. Фонд 830. Коробка № 16. Институт литературы и русского языка (Пушкинский Дом).

** Архив А.А. Тарковского № 830. «Пушкинский дом» С-Петербург.

Божественная Комедия Данте Алигери

Часть 1-я: Агг

Глава 1-я

1. В средину мизинной доли вверженой
И сущиме струя вольному утешень,
2. Утративъ какъ-то предвѣстнѣ путь свой вверженой
Кромъ словъ вамъ разлазятъ оловъ тѣмъ:
Мая сиротина вѣн оцъ, сирій и унѣнъ,
3. Что тупену, любя вѣн оцъ и оцѣнъ.
Събавъ утѣннѣ вѣн оцъ и вѣн оцѣнъ!
Но имѣтъ вѣн оцъ о вѣн оцъ, что вѣн оцъ,
4. И о вѣн оцъ вѣн оцъ, вѣн оцъ вѣн оцъ:
Но поимъ я, какъ вѣн оцъ вѣн оцъ,
По вѣн оцъ вѣн оцъ вѣн оцъ вѣн оцъ,
По вѣн оцъ вѣн оцъ вѣн оцъ вѣн оцъ,
12. Вѣн оцъ вѣн оцъ вѣн оцъ вѣн оцъ вѣн оцъ,
Но вѣн оцъ вѣн оцъ вѣн оцъ вѣн оцъ вѣн оцъ,
Вѣн оцъ вѣн оцъ вѣн оцъ вѣн оцъ вѣн оцъ,
15. Вѣн оцъ вѣн оцъ вѣн оцъ вѣн оцъ вѣн оцъ,
И вѣн оцъ вѣн оцъ вѣн оцъ вѣн оцъ вѣн оцъ,
Вѣн оцъ вѣн оцъ вѣн оцъ вѣн оцъ вѣн оцъ,
18. Что вѣн оцъ вѣн оцъ вѣн оцъ вѣн оцъ вѣн оцъ,
Вѣн оцъ вѣн оцъ вѣн оцъ вѣн оцъ вѣн оцъ,
И вѣн оцъ вѣн оцъ вѣн оцъ вѣн оцъ вѣн оцъ,
21. Что вѣн оцъ вѣн оцъ вѣн оцъ вѣн оцъ вѣн оцъ

ное решение, целиком аргументированное подробным изложением революционного прошлого уже слепого Александра Карловича и гибелью старшего сына Валерия в 1919 году.

Александр Карлович был женат дважды. Первый брак был овеян романтизмом и долгой идеально-литературной историей. Гимназистка старших классов Александра Сорокина и Александр Тарковский. Александр и Александра, они любили друг друга. Она разделяла его взгляды и даже была ненадолго арестована. Влюбленные переписывались и после возвращения из ссылки поженились. Александра Андреевна родила дочь, которую назвала необычным именем Леонилла. Александр Карлович служит в городском Общественном банке. Через несколько лет жена умирает, и он остается вдовцом с маленькой дочкой. Мы ничего о ней не знаем, но Марина Арсеньевна в книге «Осколки зеркала» упоминает, что Леонилла стала актрисой, и что Мария Даниловна Тарковская умерла в Москве в ее доме.

По возвращении из ссылки Александр Карлович нашел город сильно изменившимся. Исчезал контраст между «хуторами» с одноэтажными белеными домами и центральной улицей. Появлялась светская городская жизнь. 90-е годы — время расцвета елисаветградского драматического театра, концертной жизни, Дворянского собрания, моды на рестораны, городской казенный парк, фотографию и щегольство. В городе открылся мужской клуб.

Тарковский служил в «Елисаветградском городском Общественном банке» с 1897-го по 1920 год и вел там всю ответственную работу. А по вечерам, особенно в период между смертью первой жены и вторым браком, посещал концерты, театр и ходил играть в карты в клуб, т.е. вел, что называется, рассеянный светский образ жизни. В клубе

встречалась интеллектуальная элита города, журналисты, писатели. Александр Карлович сблизился с поэтом и журналистом Доном Аминадо. В моде была игра в афоризмы, которая увлекала всех и называлась «Новый Козьма Прутков». В дальнейшем эти остроты (отчасти коллективные, отчасти авторские) вошли в сборник 1921 года «Смех в степи». Дон Аминадо был уже парижским эмигрантом. В эмигрантской среде его творчество было популярно, ибо горький юмор объединяет прочнее памфлетов. На родине в России впервые сборник Дон Аминадо вышел в 1991 году и назывался «Парадоксы жизни». Приводим те «максимы», которые могли быть клубными шутками «Нового Козьмы Пруткова»: «Женщину нельзя ударить даже цветком», «Не клянитесь письменно в вечной любви – клянитесь устно», «Бросать в женщину камень можно в одном случае, если этот камень драгоценный», «Богатые люди украшают стол цветами, а бедные – родственниками», «Невозможно хлопнуть дверью, если тебя выбросили в окно».

Остроумными члена «Клуба» были все, но профессией юмор стал лишь для Дона Аминадо.

Елисаветград – родина знаменитого писателя Владимира Винниченко (р. 1887), автора популярного романа «Записки курносого Мефистофеля» и одного из идеологов украинского «Руха». Он умер в эмиграции в Нью-Йорке.

Елисаветградским был Лев Давидович Бронштейн (1879–1940), «в миру» Лев Троцкий. Его отец – колонист, арендовавший землю. В гимназию Лев Давидович пошел в Одессе. Родина, однако, там, откуда ты родом, где твой первый крик и первое дыхание соединились с частотной вибрацией пространства.

Академик, лауреат Нобелевской премии, физик-теоретик Игорь Николаевич Тамм родился в 1895 году во Владивостоке, но с 1901 года жил в Елисаветграде, там и окончил

гимназию. В гимназии вел специальный курс физики полковник Александр Викторович Гусев, ученый, написавший труд «Незатухающие колебания», человек самых передовых идей в науке.

Александр Викторович Гусев приходился товарищем, а в дальнейшем и родственником Александру Карловичу Тарковскому. Именно в доме полковника артиллерии познакомился Александр Карлович со своей будущей женой Марией Даниловной Рачковской, на сестре которой был женат Гусев.

В 1902 году сорокалетним вдовцом Александр Карлович венчается с Марией Даниловной. В архиве А.А. Тарковского (Пушкинский Дом) сохранилось несколько интересных документов. Свидетельство о браке 1902 года «поместного дворянина Александра Карловича Тарковского» с «домашней учительницей Марией Даниловной Рачковской». В семейном архиве А.А. Тарковского сохранилось «Свидетельство» (полный текст мы не приводим) в том, что «...госпоже Рачковской дозволено принять на себя звание домашней учительницы». Среди документов есть также «Удостоверение» в том, что Мария Даниловна Тарковская учительствовала непрерывно в течение 20 лет – с 1883-го по 1903 год. В Кишиневе 1883–1886 гг., в Дубассарах 1886–1894 гг. (частные уроки, подготовка к экзаменам) и шесть лет в елисаветградском училище Ламдена. Сохранилась фотография Марии Даниловны под зонтиком, в боа, одетой в согласии со столичной модой 1900 года.

В архиве Арсения Александровича сохранились письма обожаемого «дяди Саши» из Крыма с его рисунками и уже упоминаемый большой труд «Незатухающие колебания» о радиоволнах и радиосвязи. И письма и работа производят сильное впечатление. Интересно было бы сегодня показать гусевское исследование специалистам, но, когда дер-

жишь рукопись в руках, перелистываешь, читаешь, даже не понимая смысла, приводит в волнение эстетика чертежей и рисунков, самого почерка полковника Гусева. И не скажешь о нем лучше пятнадцатилетнего Асика (Арсения Тарковского), написавшего поздравление к 55-летию «дяди Саши»:

*55 лет тому назад, дядя, ты в первый раз увидел свет.
55 лет тому назад начался восход твоей жизни, которую ты
впоследствии отдал на служение делу просвещения народа.
Имя твое должно стоять рядом с высшими именами, предше-
стами сверхчеловека, прокладывающими мост для его прохода.
И в этом и еще в сознании блага, приносимого тобою народу, –
высшая награда за громадный, свершенный тобою труд.*

13–26 окт. 1922 г.

Арсений Тарковский

«Сверхчеловек» – написал пятнадцатилетний мальчик. Гусев был идеальным человеком. Где романист, который написал бы документально-биографический роман об этих людях? Никто бы не поверил такой правде романа «о любви, о доблести, о славе».

Нет, решительно не похожа эта интеллигенция на «чеховскую». Не похожи ни женщины, ни мужчины. Не похожи в главном. Чеховское население провинции – «полуфабрикаты». Они ничего о себе не знают. Та большая елисаветградская семья прежде всего (и без исключения) образованна и творчески одаренна. Эти люди были сами и завершенной формой и матрицей.

Они знали, чего хотят. Их поступки не расходились с убеждениями, а убеждения формулировались ясно и точно. В известном смысле Александр Карлович Тарковский настолько точно попадает под определение просвещенного, передового человека последней четверти XIX века, он так

адекватен времени и самому себе, что может быть назван литературным героем своего времени.

После женитьбы на Марии Рачковской семья Тарковских переехала в дом на Александровской улице. Белый дом утопал в зелени улицы и собственного сада. Вещей и фотографий интерьеров не сохранилось, но мы знаем эту обстановку конца XIX — начала XX века — обстановку достаточности, уюта, мебели, обитой плюшем, окон с плюшевыми же занавесками, непременно, хорошо настроенным роялем, ломберными столами, простой светлой детской, строгим, без излишеств кабинетом-библиотекой, низкими лампами и идеальной чистотой.

В 1903 году 12 октября родился первенец Валерий, Валя, Валюшка. Александр Карлович и Мария Даниловна были уникальной семьей. Отныне главное, внутренне главное для Александра Карловича — семья, дети. Вся его страстная натура отдалась безостаточно любви к детям.

В архиве А.А. Тарковского сохранился поразительный документ. Царский «Манифест» 1905 года. На «Манифесте» надпись:

Моему сыну.

Дорогой ценой досталась желанная свобода. За нее твой отец заплатил долгой тюрьмой, ссылкой, разорением, расстроенным здоровьем и испорченной жизнью. Когда ты, сын мой, полноправным гражданином войдешь в жизнь, помни как завет, что первое благо есть свобода: и защищай ее, береги и не забывай, что ... (далее слова неразборчивы) папе в борьбе из-за нее. Я измучился, исстрадался, но я счастлив сознанием, что ты, мой дорогой, второе поколение создателей народной воли.

А. Тарковский
18 октября 1905 г.

Свободы и т. д. ...

ТЕЛЕГРАММЫ

газеты

„ГОЛОСЪ ЮГА“

«Севернаго Телеграфнаго Агентства».

Вторникъ, 18 октября 1905 г.

Высочайшій Манифестъ.

Божіей Милостью,

Мы, Николай II-й,

Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій и проч., и проч., и проч.

объявляемъ всѣмъ Нашимъ вѣро-
поданнымъ, что смуты и волненія
въ столицахъ и во многихъ мѣст-
ностяхъ Имперіи Нашей великою
скорбью присклаблютъ сердце На-
ше. Благо Россійскаго Государя не
разрывно связано съ благомъ на-
роднымъ и печаль народная—Его
печаль. Отъ волнений нынѣ возник-
шихъ можетъ явиться глубокое на-
строение народное и угроза цѣлости
и единенія державы Нашей великой.

На подлинномъ Его Импе-
раторскому Величеству въ
Петербургѣ въ 17 день октяб-
ря 1905 года благоудно
было собственноручно на-
чертать изъ руководства».

Всподданнѣйшій докладъ
статсъ-секретеря графа
С. Ю. Витте

Вышнему Императорскому Величе-
ству благоудно было передать

Вале всего два года, но для него написано духовное завещание.

Валя по тому, что мы о нем знаем, был незаурядным явлением, выдающейся личностью с раннего детства. Род Тарковских, прорезавший толщу времени и культуры, пересекал порог XX столетия. В 1907 году 12 июля родился в семье Тарковских Арсений, Арсен, Асик, как называли его в семье. Фотографии детей, дивно одетых, холеных, напоминают детские фотографии Владимира Набокова. Так же, как елисаветградские женщины ни одеждой, ни внутренне не отличаются от столичных дам Петербурга, не отличаются и дети. Елисаветград, как мы писали выше, был провинцией, но не был провинциальным.

В архивной папке «Тарковские Арсений и Валерий» читаем: «В раннем детстве я читал очень мало и сказок в книгах не любил. У меня была няня, которая заменяла мне всякую книжку». Сохранилась фотография Арсения с няней. Мы снова возвращаемся к точке отправления всех наших поездов — к Арине Родионовне, к традиции. Историк Соловьев, вспоминая свое детство, пишет буквально теми же словами: «Все книги мне заменяла няня. Я готов был слушать ее бесконечно, особенно перед сном». Неторопливые наивные голоса, были, небылицы, «образы, встающие из трав».

*Я учился траве, раскрывая тетрадь,
И трава начинала как флейта звучать,
Я ловил соответствие звука и цвета,
И когда запевала свой гимн стрекоза,
Меж зеленых лазов проходил, как комета,
Я-то знал, что любая росинка – слеза.*

«Я учился траве...»

Мария Даниловна после рождения Валерия не работала, и все свое время и внимание отдавала детям. Спустя семьдесят лет отблески золотого сна детства возникают в стихах Арсения Тарковского.

Мария Даниловна воспитывала детей по самой передовой педагогической системе доктора Макса Фребеля. Он был чем-то вроде «Спока» наших дней. Согласно руководству Фребеля, всем детям до пяти лет полагалось носить девчоночьи платья, и наказывать повышением голоса, чуланом, линейкой по рукам категорически возбранялось. Никакого насилия над личностью.

«У детей должно быть золотое детство. У меня оно было... Меня очень любили. Мне на день рождения пекли воздушный пирог. Вы, наверное, даже не знаете, что это такое?.. И прятали его в чулан. А я туда однажды пробрался и стал отщипывать корочку по кусочкам. Вошел папа, взял меня на руки и стал приговаривать: “Это у нас не Арсюша, это зайчик маленький...” Я очень любил отца. И брата Валю»*.

Арсений часто писал о своем детстве, особенно, когда ему в жизни приходилось лихо, он нырял в глубокие теплые воды прошлого.

Оттуда возникал образ городского Казенного сада, где гуляли нарядные дамы с детьми, пили лимонад, ели мороженое.

... Я и Валя

Сидим верхом на пушках у ворот

В Казенный сад, где двухсотлетний дуб,

Мороженщик, будка с лимонадом

И в синей раковине музыканты.

* *Арсений Тарковский. Собр. соч., М., 1991, т. 2, с. 235.*

Ч А С Т Ь В Т О Р А Я

*Июнь сияет над Казенным садом,
Труба бубнит, бьют в барабан, и флейта
Свистит, но слышно, как из-под подушки:
В полбарабана, в полтрубы, в полфлейты
И в четверть сна, в одну восьмую жизни.*

*Мы оба
(в летних шляпах на резинке,
В сандалях, в матросках с якорями)
Еще не знаем, кто из нас в живых
Останется, кого из нас убьют,
О судьбах наших нет еще и речи,
Нас дома ждет парное молоко,
И бабочки садятся к нам на плечи,
И ласточки летают высоко.*

«Еще в ушах стоит и гром, и звон...»

Их раннее развитие, раскованность – результат воспитания и духовной работы рода. В семье все музицировали, писали стихи, рисовали. Сохранилась рукописная книга, написанная Александром Карловичем для детей: «Повесть о скверном мальчике» в двух частях. Вернее, это шутливая поэма о скверном мальчике в стихах и картинках.

В моде домашние концерты, шарады, розыгрыши. Чувство юмора было присуще всей семье. Это какая-то особая черта – веселая насмешливость, еще из тех Карпенко-Каровых лет. А уж на дни рождения непременно сходилась вся большая семья, придумывались сюрпризы. Мария Даниловна нарисовала обложку программы концерта к дню рождения Валерия:

К О Н Ц Е Р Т

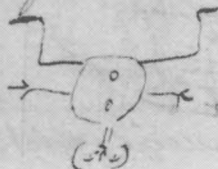
*в честь рождения В. Тарковского,
великого скрипача и композитора,
исполняемый им самим и его труппой.*

Повествование о свердловской маме-железнице.

Малочисленные мужики боятся шагу
И кричат и пономят

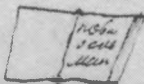
Утром день шумовый, жаркий
Воспитанники лишь восторженны

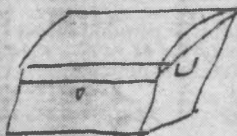
Несколько лет спустя Куржиков
И тогда он сам собой

Словом, был севд из свердлов
И за то наказан был примерно.
Как случилось это раз, —
Поведу сейчас рассказ

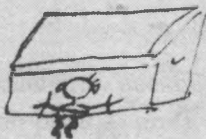
Во кошачьей у мамы были сундуки,
Было скрывать в нем не мало штук.

Мужик наш кроткий ужасно знает,
Что сундук тот мой в себе скрывает.

Но сундук был закрыт на замок
И открыть его наш Мужик не смог.

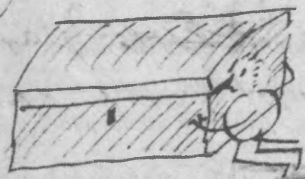
Вот однажды майя сундук открыла
Да кабар его захватил забвения.

Мужик свой потаась погнелся,
К сундуку он шлошь погнетился.

Купит он ведерки козь-пудинжки, -
Ведерки упила и пудинжики кувешка.
Мы бобы не ждём - ка, ждём!
По лбу хлопот и козь жарить!

Музыка ревиет Загораю!
Мамы божити - какой скандал!

Ах, ах, и попка твоего
Мама тащит Музику За ноги

Всё его и Зриво и Вкус, -
Загротил Музику козь

Валя в косоворотке и полосатых штанах с петухом и котом. И еще некое лицо, видимо знакомое окружающим. Рисунок сделан рукою твердой и с намеком на исполняемую музыку: петух и кот. Валя сам писал музыку для концерта.

Следом рисунок Арсения Тарковского: Сара Бернар с кинжалом в руке. Под рисунком текст:

Финал драматического пятиактного повествования «Преступная вдова». Сара Бернар в главной роли. Собака – Салли Клоупс (сцена бури с громом, молнией и нашествием клопов).

Валя много писал. Сохранилась маленькая повесть о том, как он, воспитывая характер, задумал ночью пойти один на «страшное место». В повести все атрибуты романтического стиля: луна, обман зрения, голоса, страх, преодоление. Совсем еще ребенок, ему семь лет. И так же последовательно ровно через десять лет Валерий всем своим «тарковским» существом ринулся в революцию и тут же погиб. Какими мальчиками кормили «геенну огненную».

И уже совсем серьезное впечатление производит журнал «Осенняя мысль» № 2. Воскресенье. 29 октября. 1902 г.

Редактор-издатель Иллюзия-В. Весь журнал – его идея, тексты, дизайн, обложка – работа одного автора Вали Тарковского. Ему 13 лет. В рукописном журнале 18 страниц. Четыре разных псевдонима: М. Федоров, «Фита», Учансу, Оса. Три разных стиля одного юного автора. Валерий замечательно рисовал. В сатирической повести «На крыльях любви» – след традиций повести «О скверном мальчике». М. Федоров – художник лирический и рисует в реалистической манере (что требует профессионализма) романтический пейзаж. В миниатюрной поэме «Перед фонтаном слез», подписанной Учансу, скрытые за иронией чувства юного героя и некой «Марии», раннее разочарование в любви:

Воскресеніє 29 Октября

ОБЪЯВЛЕНИЯ.

ЖУРНАЛЬ "ОСЕННЯ МЫСЛЬ"
ПРОДАЕТСЯ ТОЛЬКО
ЗА НАЛИЧНЫЕ
ДЕНЬГИ.

Осень

ДЕНЬ ЗА ДНЕМЪ УНЫЛО СТЪРБИЦЪ

Тугу кроютъ небосквозь

И ^{вз}душѣ моею нѣтъ въ ры

Срышенѣ тропика тушии строгѣ

Вѣтеръ дуетъ завываетъ

И уность листвя въ далѣ;

И нѣ же сердце обвываетъ

Безпрестѣтня пезаль

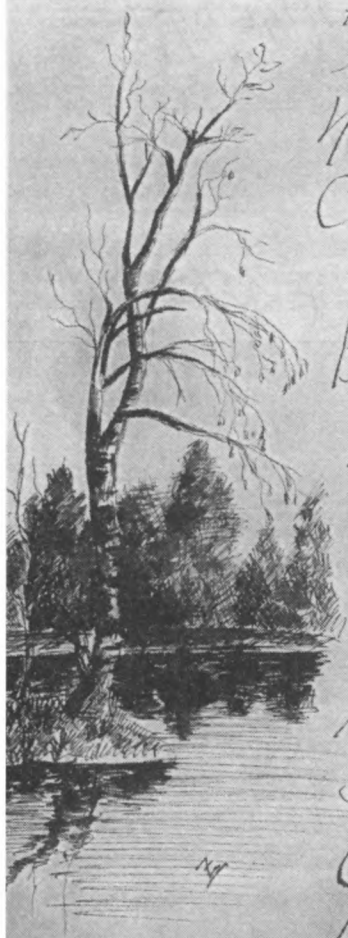
Гдѣ же солнца свѣтъ лугустыи

Жизну возрожденный лубъ

Снова мраченъ путь тернистый

Подъ дождемъ холодныхъ дуть

А. В.

Мартышка, Выдра, Котъ

устроили концертъ

въ пользу

редакціи "Осенняя Мысль".

йти, но женское любопытство превозмогло
и привело ее къ скамейкѣ.

Увидя, очаровательное, почти неземное
созданіе, молодой человек почти (телом) расклавился

За что былъ благосклонно приглашенъ съестъ и
паломбоваться природой въ такую дивную ночь.

Толчася балтовни было сретатно, что бы

Въ его дворище стоитъ плита
Изъ трубочки яхонтонь играя,
То капля падаетъ вода.
Плита украшена цвѣтами,
Сплошными узорами и звѣздами;
А капли ниспадаютъ сами,
И мнится будто херодой
Слеза катится за слезой.

× ×
×

Я вдохновленъ. Мечты сталпились.
Вотъ ханъ явился предо мной.
Вотъ и ея черты явились!...
Черты Марии..., но не той!..
И вздрогнулъ я. Душа пылала.
И грусть, какъ будто сталь кипурала
Мня грудь и сердце пронизала,
И изъ очей пошла съ тоской

Слеза упала за слезой.

Не то мне жаль, что вливаеться в него
Ся любовь я потерял...

Нуть, нуть, теперь о том жалью,
Что я любви не верить стал.
Не верю пламенным лобзаньям,
Не верю страстными признаньям,
Но верю тем, кто вдушь с пальбой
Слезу уронить за слезой.

Улансу.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

*Не то мне жаль, что вместе с нею
Ее любовь я потерял...
Нет, нет, теперь о том жалею,
Что я любви не верить стал.*

Завершает журнал политическая сатира в стихах с рисунком-карикатурой, подписанная псевдонимом «Оса». «Гимн о донне Стервозе». Молодой человек интересуется политикой, разбирается в «кадетах», «эсдеках», знает точно свою дорогу и «с кем не по пути».

Сомнений в одаренности Валерия ни у кого не было. И думать, как бы он прожил свою жизнь при его малолетней возмужалости и вольнодумстве, сейчас бессмысленно. В 1954 году Арсений Александрович записал свои воспоминания детства в маленький рассказ «Марсианская обезьяна»*.

Валерий Тарковский погиб в мае 1919 года, его унес вихрь, бушевавший в крови Тарковских. Он был сыном своего времени и своего отца.

Одно дело надпись на «Манифесте» 1905 года, и совсем другое – смерть сына, талантливого, безудержного, красивого, шестнадцатилетнего. Семья оделась в траур.

Из писем Марии Даниловны Валерию (1919):

*Валюся, возвращайся сейчас. Мы измучились, истерзались.
Целый день и ночь в доме слезы, стоны и рыдания. Отец
осунулся, плачет и жалуется на сердце.*

Из письма Александра Карловича к Валерию (14.09.1919):

*Мой Валюся, мой дорогой мальчик, дорогой незабвенный.
Хотя все обстоятельства складываются так, что тебя
трудно вырвать из тисков судьбы, но сердцем я жду тебя и
не перестаю ждать.*

* Архив А.А. Тарковского. Пушкинский Дом. Фонд 830. Коробка № 1.

На берегах Ингулы

Да, ты приедешь, но это будет нескоро, очень нескоро.

Твой печальный отец.*

В 1920 г. Александр Карлович ослеп. На фотографии этого времени лицо его выглядит особенно значительным, мощным.

*Найдешь и у пророка слово,
Но слово лучше у немого,
И ярче краски у слепца,
Когда отыскан угол зренья
И ты при вспышке озаренья
Собой угадан до конца.*

«Стань самим собой»

Брату Арсений посвятил в 1923 году стихи-реквием, записал и сам оформил в траурном стиле. Подлинник мы нашли в его архиве (Архив 830, коробка 4).

*Когда убивали моего брата Валю,
было утро – лиловый солнцевосход.
Люди еще все спали,
и не дымил кольцами завод.*

*Он был так юн: ему было шестнадцать весен,
когда показалась у ранки кровь, –
был – «смешной», – майно весел,
солнцем весело смеялась бровь.*

*Теперь он спит в дальнем, весеннем замке
и не знает, что там, у его креста,
плачет злая Апанкэ,
в слезах его могилу крестя.*

17–VII–923

* Архив А.А. Тарковского. Пушкинский дом. Фонд 830. Коробка № 4.

Когда убивали моего брата Ваню
было утро — милый рассвет.

Люди еще все спали
и не дышали кинжалами завод.

Он был так юн: ему было шестнадцать весел,
когда показала у ранки кровь, —
был —, смешиной, — майно весел,
солнцем весело смежлась бровь.

Теперь он спит в дальнем, весенней замке
и не знает, что там, у его креста
плачет млад Ананка,
в слезах его мощи креста.

17-VII-1923.

В возрасте девяти лет Арсения Тарковского определили учиться в гимназию Кжановского, а завершит он школьное образование в 1922 году в елисаветградской трудовой школе. Несмотря на юный возраст, Арсений пережил много потрясений и походов. Он тоже бежал из дома, скитался, был в плену у атаманши, с трудом, оборванный, босой, без денег, вернулся домой.

*Значит, шел я по верной дороге,
По кремнистой дороге поэта,
И неправда, что пан козлогий
До меня еще сгинул со света.
Босиком, но в буденновском шлеме,
Бедный мальчик в священном дурмане,
Верен той же аттической теме,
Я блуждал без копейки в кармане.*

«Стихи из детской тетради»

Несмотря на революцию, гражданскую войну, ломку всего жизненного уклада, Елисаветград живет, как и заведено в его традиции, — культурой.

Александр Карлович ходит с сыном на концерты и поэтические встречи с Константином Бальмонтом, Федором Сологубом, Игорем Северяниным. Поэзия в доме — не развлечение, а самое главное в жизни. Арсений увлекается философией Сквороды и, уже ставшими известными в Елисаветграде, футуристами: Хлебниковым и Крученых. Никитинские четверги — остатки елисаветградского свободного художественного содружества. Все читают стихи, слушают музыку... как всегда. Стихи читает Арсений, Юра Никитин, Михаил Хороманьский, Ирина Бошняк, Андрей Тобилевич, Александр Федоровский. Потом их судьба раскидала, разбросала. Николай Станиславский стал театральным критиком и актером. Михаил Хороманьский позднее уехал в Польшу и стал

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

знаменитым беллетристом. Арсений называет его своим учителем. Хороманьский привил ему вкус к переводам. Сам переводил стихи Верхарна и символистов, а главное, как вспоминает Тарковский в статье 1945 года «Биографические заметки», он объяснил ему красоту «новой поэзии».

Александр Федоровский впоследствии стал главным художником Большого театра. Сохранились рисунки Александра Федоровского периода елисаветградской молодости. Среди них много бытовых шаржей.

Жить было трудно и в душевном, и в бытовом отношении. Ломка, война, разруха. Где тот хлеб, те бахчи, те арбузы?

«И все-таки она вертится!»

Татьяна Никитина вспоминает, как в один из четвергов, когда в Елисаветграде гостил Генрих Нейгауз со своим сыном Асиком, «очень, очень красивым» молодым человеком, пришел «знаменитый, легендарный» Александр Карлович, тогда уже совершенно слепой.

Тогда же в Елисаветграде Арсений Тарковский пережил свою первую любовь к Марии Фальц, которую любил «всех горше», которой и посвящен сборник стихов «Мария».

Александр Карлович умер 26 декабря 1924 года. Могила не сохранилась, но дерево его имени растет в саду «Хутора Надия».

В 1925 году уехал в Москву Арсений Тарковский. Так завершился еще один виток родословной Тарковских.

Впереди был ее «советский период». История отца и сына, Арсения и Андрея.

*Давно мои ранние годы прошли
По самому краю,
По самому краю родимой земли,
По скошенной мяте, по синему раю,
И я этот рай навсегда потеряю...*

«Песня»

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

1-й
Щипковский
переулок,
дом 26, кв.2

Здесь дом стоял...

А. Тарковский

Я сам себе не изменил поньне

А. Тарковский

Глаголь добро есть ...

Русский алфавит

I-й Щипковский переулок, дом 26, квартира 2 — адрес в Москве, по которому в двух маленьких комнатах цокольного этажа старого двухэтажного дома проживала в советской коммуналке семья Тарковских. Стужным декабрем 1934 года сюда, «на Щипок», переехали с Гороховского переулка Арсений Александрович с женой Марией, новорожденной Мариной, закутанной в ватное одеяло, двухлетним Андреем и скудным скарбом.

Сегодня «дом на Щипке» — руины, жалкий остов, «бомжатник». Все умерли, разъехались, разбежались. Ничего не осталось от «той» жизни. Финальные кадры фильма «Покровские ворота» (режиссер Михаил Казаков), где на руинах аналогичного дома патефон, на котором крутится старая пластинка, — не более чем общая метафора времени, тихое ностальгическое прощание с эпохой.

Иное дело «Щипок», вокруг него до сих пор не утихают страсти; и не утихнут, пока не будет решен вопрос: быть ли здесь Музею поколения, Музею Тарковских или не быть ничему. Жизнь семьи, когда-то неотличимой от многих, с пропиской по адресу: 1-й Щипковский, отлетев, стала иным бытием — национальной памятью, художественной формой, творчеством отца и сына, Арсения и Андрея.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

*Я бессмертен, пока я не умер,
И для тех, кто еще не рожден,
Разрываю пространство, как зуммер
Телефона грядущих времен.*

«Зуммер»

Прошлое, аккумулируя время, соединилось с будущим через поэзию Арсения и философско-поэтические ленты Андрея Тарковских.

Сегодня эти имена у всех на слуху, а почти восемьдесят лет назад худой, нищий Арсений, похоронив отца, приехал в Москву. В Елисаветграде осталась мать, еще живое прошлое, переломный 1919 год, первая любовь. Двадцати одного года от роду он был «весь нараспашку» и мудр одновременно и, кажется, сохранил до конца дней это чудесное свойство, равно как и присущее ему с юности осознание в себе поэта. «Жизнь поэту следует особенно любить, — просто из чувства самосохранения, а то она отомстит: не позволит нам выбирать, а что мы тогда будем делать, не бросать же поэзию, с которой родился, как дети рождаются в сорочке»*. Тогда, в 1925 году, будущий поэт скитался по углам, работал распространителем книг и для продолжения образования поступил на Высшие государственные литературные курсы, которые давали диплом о высшем образовании.

Поступление на курсы, все, что тогда с ним случилось, какие жизненные узлы завязались, следует назвать «толчком судьбы» или «поворотом колеса». Там случилось все: приближение к поэзии, встреча с друзьями, знакомство с единственной — матерью его детей.

Молодой Тарковский родился и принадлежал к среде, живущей культурой и поклоняющейся науке (знаниям), о

* *Арсений Тарковский*. «Что входит в мое понимание поэзии». Собр. соч., т. 2, М., 1991, с. 206.

чем мы уже рассказывали. Но на курсах преподавали тогда лучшие умы России: философ Густав Шпет, историк искусства Алексей Сидоров, литературовед-пушкинист Михаил Цявловский и знаменитый тогда Петр Коган, ученый архивист. Здесь полагали, что выше поэзии, искусства и литературы нет и не может быть ничего.

Метод преподавания сочетал глубокую эрудицию с чувством сопричастности прошлому, до степени ощущения личной близости, единого братства творческих личностей всех времен.

*Пускай меня простит Винсент Ван Гог
За то, что я помочь ему не мог,
За то, что я травы ему под ноги
Не постелил на выжженной дороге.*

«Винсент Ван Гог»

Было очень молодое время. Учителя и ученики были одинаково молоды, несмотря на разницу лет. А девочка из французской деревни Жанна, лорд Байрон, Эсхил и многие другие ощущались современниками в том особом «поэтическом» времени. Авангард художественной, литературной, философской, научной мысли делал Россию начала XX века страной Возрождения, миром коллективной гениальности. Концептуализм Казимира Малевича, Велимира Хлебникова, Владимира Вернадского, Константина Циолковского мог и не совпасть, но совпал с первым десятилетием Советской власти. Модные в то время идеи перманентной революции предполагали планетарный охват. Вспомним хотя бы «Ленинский план монументальной пропаганды».

Эта идея захватила все стороны искусства. Она имела бесспорно положительный результат, например, в гуманитарном образовании или театральной жизни, но и свои издержки, доходящие до абсурда. Считалось, что можно про-

дать картины Эрмитажа — Тициана или Ван Дейка — они же все равно к нам вернутся, когда с нашей помощью... Далее без комментариев.

Может быть, именно в силу общей такой атмосферы на курсах соединились люди близкие в творческих и жизненных устремлениях. Вместе с Арсением учились поэты Мария Петровых, Юлия Нейман, Семен Липкин, сын писателя Леонида Андреева, мученик-сиделец, автор «Розы Мира» Даниил Андреев. Но особое значение в жизни и судьбе Арсения Тарковского играет преподаватель экзотического курса «энциклопедия стиха» Георгий Аркадьевич Шенгели. «Я никогда не изменял моей лирической присяге», — выбито на памятнике поэта на Ваганьковском кладбище. Тарковский вспоминает, как он впервые увидел Шенгели на вступительных экзаменах в качестве экзаменатора. На нем был профессорский длиннополый сюртук и обрезанные до колен из-за крайней изношенности штаны, на ногах солдатские обмотки и профессорское пенсне со шнурком на носу. Шенгели (1894–1956), родом из города Темрюка на Кубани, сочетал в себе практически не сочетаемые, но исключительно положительные качества. Талантлив, деятелен, не тщеславен, кабинетный ученый, обладая вулканическим темпераментом, Шенгели никогда никого не предал, начиная с самого себя. Его жизненное кредо может быть выбито на девизе любого из упомянутых нами поэтов: «Мне дозволено, чтобы была крыша над головой, стол, на нем пишущая машинка, а слева полка со словарями». Кажется, так, внебытно, он прожил всю свою жизнь.

Работая в издательском отделе литературы народов СССР, он привлек к переводческой деятельности практически всю «компанию» курсов: Семена Липкина, Марию Петровых, Арсения Тарковского (которого особенно любил) и многих других, создав великую плеяду переводчиков и в ка-

кой-то мере определив их судьбу в литературе. Переводы были тогда очень нужны. Поэты-переводчики же таким образом оберегали свою нежную «не совсоциальную лиру» от страшной смерти. И может быть, это в первую очередь относилось к Марии Петровых, которую Арсений очень любил и дружба с которой продолжалась всю жизнь, вплоть до ее смерти в 1979 году. Она была первой из первых. Ее стихами восхищались Мандельштам, Пастернак, Ахматова. С ранней юности и до конца жизни она никому и никогда не подражала. Была застенчива, скрытна. При жизни сборник стихов «Дальнее дерево» был издан лишь раз армянскими поэтами, и то в секрете от автора. Она считалась лучшим переводчиком армянской поэзии и имела в Армении много друзей и учеников.

Ее стихи невесомы, они скользят бесплотно, чисто:

*Сказать бы, слов своих не слыша,
Дыханья, дуновенья тише,
Беззвучно, как дымок над крышей
Иль тень его – по снегу тень
Скользит, но спящий снег не будит, –
Сказать тебе, что счастье будет,
Сказать в безмалевствующий день.*

«Ее душа подлинного поэта, вооруженная сильным дарованием и, казалось, столь беззащитная, вела сама с собой бесконечный спор. Последнее слово в этом споре принадлежало поэзии» – такие слова написал ее друг, поэт Арсений Тарковский в маленьком эссе «Тайна Марии Петровых»*.

Шенгели переводил Верхарна, Гюго, Вольтера, поэтов времен Парижской коммуны и, главное, Байрона. В поэме Шенгели «Пушки в Кремле» (1926) есть такие строки:

* Собр. соч., т. 2. М., 1991.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Он верен – путь ветра, огня и металла:

Победой была я, и песней я стала,

И жребий всего, что есть в мире, таков:

*Стать песенным сердцем у розы веков!**

Самым большим сокровищем для Георгия Аркадьевича был томик его стихов, простреленный немецкой пулей и найденный в кармане погибшего на фронте солдата.

Дано и вам, мою цукуту пьющим,

Пригубить немоту и глухоту.

Мне рубище раба не по хребту,

Я не один, но мы еще в грядущем,

писал Арсений Тарковский в стихотворении «Сократ». Эта группа поэтов-переводчиков не была привержена какому-либо литературному манифесту, но единой была. И о переводах Арсения Тарковского мы еще будем говорить, поскольку эта сторона его поэтической жизни переросла свои рамки, став некоей миссией.

В период учебы на Высших литературных курсах Тарковский, как все студенты, старался кое-как зарабатывать на жизнь. Судьба направляет его в легендарную газету «Гудок». Ну что это за биография литератора 20-х без «Гудка»? Он пишет фельетоны, репортажи под разными псевдонимами, в том числе под кичевым именем «Тарас Подкова». История «Гудка» истаивает и забывается, так и не обретя летописца. Кто был его основателем или главным редактором? Говорят, некий троцкист Сосновский, но именно в этой газете одновременно в 20-е годы работали Юрий Олеша, Михаил Булгаков, Валентин Катаев, Илья Ильф, Евгений Петров и многие другие. Судьбы их в дальнейшем разо-

* *Георгий Шенгели. «Вихрь железный» М., 1988.*

шлись. А в «Гудок» Арсений попал благодаря тому же Шенгели. Вот как он вспоминает об этом:

– Знаете что? Я ухожу из «Гудка». Не хватает времени. Я веду в этой газете фельетон на международные темы в стихах и судебную хронику. Возьмитесь за это дело.

– Я не умею, – сказал я.

Мне стало страшно. Мне показалось, что легче умереть, чем написать фельетон в стихах на международную тему. Конечно, легче, чем в прозе, но никогда, никогда мне с этим делом не справиться.

– Легче умереть, чем написать фельетон, – сказал я.

– Ну вот еще! Нате вам газету, найдите тему!

Я взял газету и действительно нашел тему.

– Вот, – сказал я, – смотрите, Георгий Аркадьевич: Пилсудский на заседании сейма...

Не помню, как оскандалился тогда Пилсудский, но мой учитель сказал:

– Прекрасно! Пишите про Пилсудского! Сейчас же! Когда напишете, мы пойдем в «Гудок» и вы станете сотрудником редакции.

Я сочинил свой первый фельетон. Шенгели выправил его, поперчил и прислал. Под его руководством я составил и свой первый судебный отчет.

Так Шенгели связал мою жизнь с газетой, чтобы, – если он с Ниной Леонтьевной уедет из Москвы на лето, – я не умер с голоду и увидел, что такое работа и настоящая жизнь.

Он делал много добра людям и никогда не говорил об этом»^{*}.

Арсений Тарковский, работая в газете вплоть до ее неожиданного закрытия в 1928 году, знаком был со всеми, но

^{*} Георгий Шенгели. Собр. соч., М., 1991, т. 2, с. 186–187.

близок ни с кем не был. Он всегда внешне жил как все, но по сути иначе. «Мне кажется, для поэзии очень важно, чтобы поэт был двойником лишь своих стихов»*.

II

Годом позже, в 1926-м поступила на Высшие литературные курсы Мария Ивановна Вишнякова, приехавшая в Москву из Кинешмы. Хрупкая, тоненькая, с двумя длинными светлыми косами, с красивым строгим лицом. Она была способна, с достоинством и с характером.

Юлия Нейман (поэт и переводчик, однокурсница Арсения) вспоминает: «Женился он на чудесной девушке с тяжелыми золотыми волосами — Марусе Вишняковой. Она училась у нас, на младшем курсе. Но мы как-то мало встречались».

Помню, с каким волнением шла я в первый раз в Гороховский переулок, где в одной комнате коммунальной квартиры поселились молодые». Юлия очень волновалась в ожидании знакомства. Как-то ее встретят? — «И тут оказалось, что все наши опасения — напрасны. Маруся от всего своего чистого и смелого сердца обрадовалась мне».

Происхождением Мария Ивановна была из обедневшего, как говорили тогда, «ситцевого дворянства». Старинный род Дурасовых, к которому принадлежала ее мать Вера Николаевна, к началу века оскудел. От брака с юристом Иваном Ивановичем Вишняковым родилась дочь Мария Ивановна. Брак был несчастливым и вскоре распался. Зато второй брак с земским врачом Николаем Матвеевичем Петровым был счастливым. Судя по сохранившимся воспоминаниям,

* *Арсений Тарковский*. «О поэтическом языке». Собр. соч. М., 1991, т. 2., с. 186.

нениям, Николай Матвеевич был просто замечательный человек. Провинциальный доктор, интеллигент, знакомый нам герой русской классической прозы, Николай Матвеевич имеет в дальнейшем прямое отношение к истории семьи Тарковских.

Зимой 1928 года Мария Ивановна и Арсений Александрович поженились и жили, как все тогда: в духовном парении и борьбе за выживание.

Работа в «Гудке» подкармливала, как и работа на радио. О жизни молодых мы знаем из писем Марии Ивановны к свекрови Марии Даниловне в город Елисаветград, переименованный в ту пору в Зиновьевск:

Милая мамочка!

*Ничего с Асиком не случилось. Он много работает, поэтому пишу большей частью я. Для радио он пишет передачи. Это такие маленькие пьески в стихах с прослойкой прозы на заданную тему. Недавно был «Торф», а сейчас пишет «План побеждает». Это о плане в промышленности и т.п. в общем, о хозяйстве СССР, в противовес Западу, где нет плана и хозяйничает конкуренция, безработица, кризисы и т.п. За передачу платят 150 руб.**

Не так уж и плохо по тем временам.

В другом письме:

Милая мамочка!

*Питаемся мы хорошо. Покупаем яйца, каждый день по три кружки молока, масло. Выдавали все время свежую рыб. Не знаю, писала ли о котятках – у нас их два. Что они только не делают...***

* Архив Арсения Тарковского. Пушкинский Дом.

** Архив Арсения Тарковского. Пушкинский Дом.

Переписка продолжается, жизнь описывается в деталях, которые наверняка волнуют мать. Мария Ивановна пишет ясно и просто, красивым, четким почерком. Мария Ивановна была женщиной домашней, заботливой, любящей и хорошей хозяйкой, но ни в коем случае не мещанкой. Организованный ею быт никогда не делал ее «бытовой», не затупил талантливость души. Такое вот сочетание.

К началу 30-х годов Арсений Тарковский, человек спокойный, книжный, очень красивый, вошел в литературно-поэтическую среду Москвы. И она нужна была ему как среда обитания. Хотя он и был несколько дистанцирован, поглощен семьей и своей Марусей.

4 апреля 1932 года у Тарковских родился сын, первенец Андрей Арсеньевич Тарковский. Рожать Мария Ивановна поехала в село Завражье, где Николай Матвеевич Петров был врачом, он и стал восприемником Андрея. Крестили его в не существующей ныне церкви Рождества Богородицы. Крестной матерью была Вера Николаевна, а крестным отцом Лев Владимирович Горнунг*.

Село Завражье находится неподалеку от города Юрьевец Ивановской области, с которым вся семья была тесно связана на протяжении многих лет. Летом 1933 года Мария Ивановна с Андреем жила уже в Юрьевце, и к ним приезжал Арсений Александрович. Именно в Юрьевце во время Великой Отечественной войны с 1941-го по 1943 год жила Мария Ивановна с матерью и двумя детьми и домработницей Аннушкой по адресу: улица Энгельса, дом 8**.

* *Лев Горнунг* — преданный, любящий друг семьи, остававшийся таким до последнего дня своей жизни в горе и в радости. Это он автор знаменитых фотографий «Марии Ивановны в украинской рубашке», «у зеркального шкафа», Андрея и Арсения и многих других.

** Сегодня в этом доме (ул. Тарковского, д.8) открыт Музейный центр Андрея Тарковского.

Юрьевец – старинный русский город, ему более семисот лет. До революции он был богатым купеческим городом, нарядным, изобильным, культурным. Сегодня, вспоминая Юрьевец, твержу строки Блока:

*Ты, как младенец, спишь, Равенна,
У сонной вечности в руках.*

Та же судьба, те же образы. Только Равенна осталась одним из центров туризма Италии, а до Юрьевца доберись. Да и жить там туристам негде. А посмотреть есть на что. Ландшафт дивной красоты со знаменитой колокольней на площади у торговых рядов. Город деревянный, без новостроек. Здесь, в церкви XVI века с сохранившимися изразцами, бит был и ушел по этапу, оставив в Юрьевце семью, великий писатель, религиозный мыслитель протопоп Аввакум. Сколько великих теней бродит по холмам «сказочного Берендеева царства» этого города, описанного не единожды киносказками Александра Роу, сына ирландского инженера и гречанки. Именно этот город – родина архитекторов и художников, великих братьев Весниных. Здесь были текстильные и деревоперерабатывающие заводы немца Брауна, и никто не боялся тогда засилья немцев, ирландцев – сами были с усами. Да и сегодня еще что ни двор – то художник. В городе и сегодня старожилы помнят Веру Николаеву, доктора Петрова и Тарковских.

Арсений Александрович очень любил город Юрьевец, восхищался его тишиной, его волжской уникальной красотой.

*Плыл вниз от Юрьевца по Волге звон пасхальный,
И в легком облаке был виден город дальний,
Дома и пристани в дыму береговом,
И церковь белая на берегу крутом.*

«Плыл вниз от Юрьевца...»

Ч А С Т Ь Т Р Е Т Ь Я

*Вот Юрьевец, Юрьевец, город какой –
Посмотришь в бинокль на него с высоты –
У самой воды, под самой горой
В две улицы тянется на три версты.*

«Юрьевец»

Прост, да не прост и не пуст этот город. Когда совместными невероятными усилиями Фонда Андрея Тарковского и властей города Иванова в Юрьевце был подготовлен для музея дом на Энгельса, 8 и выехали жильцы, которым были предоставлены другие квартиры, этими бывшими жильцами были оставлены «не их вещи». В пустом доме на стенах остались только зеркала, принадлежавшие Тарковским. В их глубине до сих пор живут далекие тени. В 1975 году Андрей Арсеньевич закончил съемки фильма «Зеркало», часть действия которого проходит в Завражье и в Юрьевце. Есть сведения, что он приезжал в город для выбора природы. Город в шестидесятых так отличался от города его детских воспоминаний, что пришлось отказаться от Юрьевца в пользу Тучкова, где дети также жили летом на даче. Но Юрьевец дал фильму нечто большее, чем место съемки. Там на вершине холма, возле того дерева, где в фильме птица села на голову мальчика, открывается вид на город, точно совпадающий с ландшафтом картины Питера Брейгеля «Охотники на снегу». Эта странная игра зеркальных отражений микро- и макровселенной. Родины (места, где родился человек) в зеркальном планетарно-сферическом подобии пятисотлетней давности.

Не будем отвечать на вопросы, не имеющие ответов, объяснять необъяснимое. Юрьевецкий ландшафт действительно подобен тому, что на картинах Брейгеля. Это открытие поэтически сплавило воображение Андрея. В детстве зимой он не раз съезжал на доске с того холма к за-

мерзшей Волге, видел силуэты людей, деревьев, домов, странно теряющих объем в заснеженной бесконечности.

*Там в стороне от нас, от мира в стороне
Волна идет во след волне о берег биться,
А на волне звезда, и человек, и птица,
И явь, и сны, и смерть – волна во след волне.*

«И это снилось мне»

Благодаря поэзии отца и фильмам сына Юрьевец из провинциального русского города разрастается до размеров вселенной, заполняясь образами мира и времени.

Рождение сына – счастливое событие в семье. «4 апреля. У меня родился сын Андрей», – записывает Арсений Тарковский в дневнике. В письме из Юрьевца к Марии Даниловне 4 июля 1932 года он пишет: «Дорогая мамочка и бабушка! Маруся себя называет мама Мусишка...» – и далее следует нежное описание малыша, его ручек, чмоканья, зевания, аппетита... Это естественное умиление, очень понятное любому человеку.

Но свою ответственность перед сыном Арсений Александрович понимает и на ином уровне. В 1934 году он пишет цикл из пяти стихотворений – поэтическое «Завещание» Андрею Тарковскому, продолжая семейную традицию духовных, в прямом смысле слова, «завещаний».

Александр Карлович завещание сыну Валерию написал на «Манифесте» 1905 года. Он завещал сыну «борьбу за свободу». Вы помните слова его завещания: «Я измучился, истрадался, но я счастлив сознанием, что ты, мой дорогой, второе поколение народной воли». Александр Карлович был абсолютно тождественен своему времени. Валерий в той же мере – завещанию отца и своему времени. Результат – его гибель в 1919 году. Арсений любил брата, оплакивая его и вспоминая всю жизнь. Но служил Арсений Александрович

Ч А С Т Ь Т Р Е Т Ь Я

лишь своему призванию поэта. Вот почему его завещание сыну совершенно конкретное поэтическое определение. Его кредо поэта, человека высокого этического долга. Себя и свою жизнь он судит прежде всего с позиций творчества, «затем, что я дышал, как дышит слово...»

*«И я учился говорить, как в детстве,
Своим косноязычием томим.
А если дети вспомнят о наследстве,
Все, что имею, оставляю им.»*

«Завещание»

Он исповедует те же ценности, что отец, но акценты расставлены совершенно по-другому.

*И каждый вспомнит светлый город детства,
Аул в горах, станицу над рекой,
Где от отцов мы приняли в наследство
Любовь к земле, навеки дорогой.*

«Завещание»

Полнота памяти, любовь, горечь, разочарования, очарования и особая неотделимая, неотторжимая связь с миром природы («Приди, возьми деревья у меня»). Арсений Александрович жил в «над» и «вне» бытового мира, но зато чувствовал себя частью мировой художественной культуры.

Андрей Тарковский понял, принял и приумножил наследство отца, оно стало частью его творчества, способом мышления, переведенного на язык кино. Бинтик на шее Сталкера и Малыша – многослойный образ трудной речи, больного горла, преодоления косноязычия. Вспомним знаменитую фразу «Я могу говорить» в прологе к «Зеркалу». Арсений Александрович был отцом, не просто передавшим сыну фамилию рода, но и отцом духовным. Анд-

▲ Шамхал Тарковский, дагестанский предок Тарковских ▲

▼ Шамхал Тарковский встречает Петра I. *Фрагмент картины Ф. Рубо*

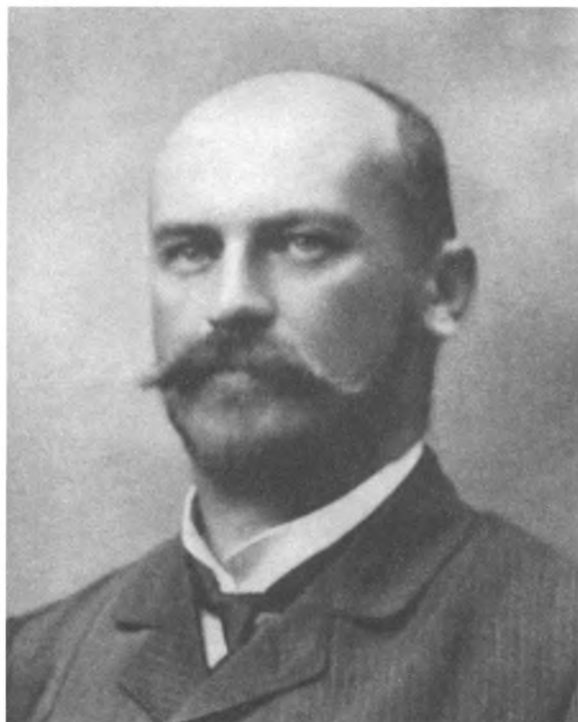

▲ Ольга Даниловна и
Мария Даниловна Рачковские

▲ «Дядя Саша» Гусев, муж Ольги
Даниловны Рачковской

◀ Александр Карлович
Тарковский

▶ Мария Даниловна Рачковская,
мать Арсения Александровича

◀ Дом Гусевых 1924 г. в Елизавет-
граде, где после революции на-
шли приют Мария Даниловна с
Арсением Тарковским

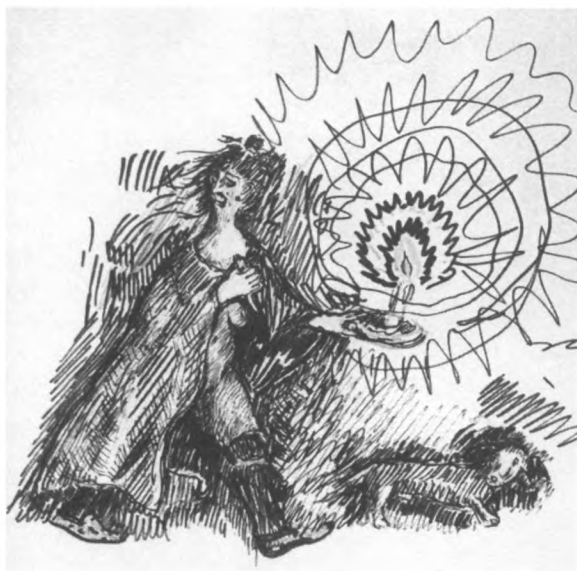

-
- ◀ **Арсений и Валерий Тарковские.**
Елизаветград

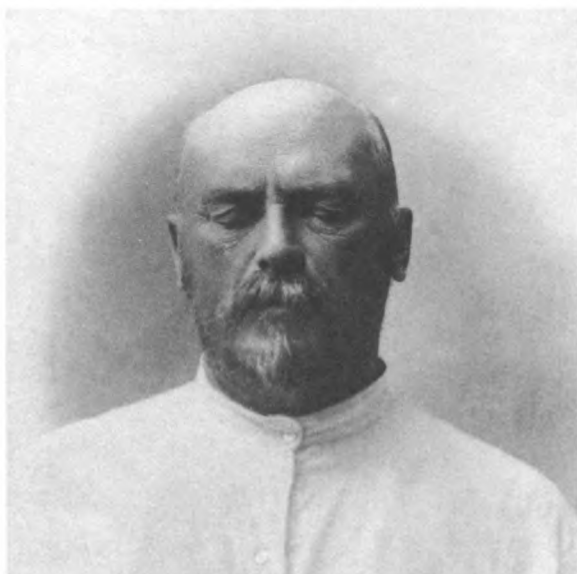
- ▶ **Валя Тарковский – великий скрипач.**
Рисунок Марии Даниловны

- ◀ **Сара Бернар.**
Шарж Арсения Тарковского.
Елизаветград
-

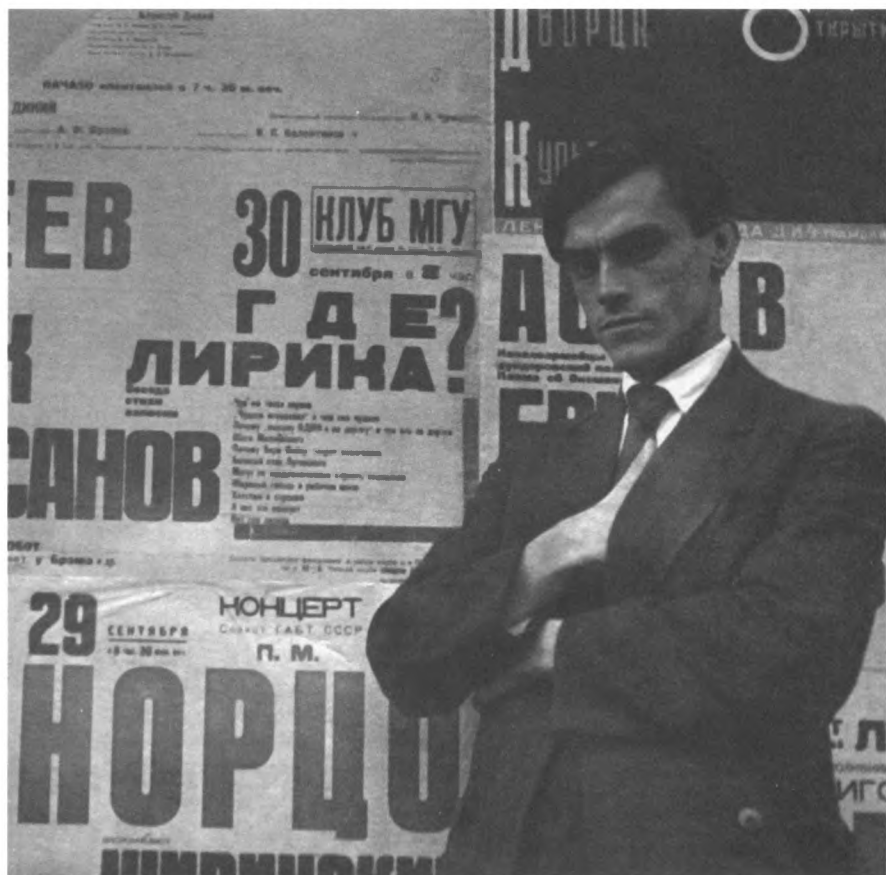
◀ **Арсений Тарковский с няней.**
Елизаветград

▶ **Александр Карлович Тарковский в старости**

▲ Хутор Надил

■ Молодой Арсений

▲ Андрей в колыбели. 1934 г.

► Плачущий Андрей

▲ Дети. Андрей и Марина

► Андрей и Марина – идилия 30-х

▲ Арсений и Андрей. Брод

◀ Арсений и Андрей. На даче

▲ Маруся и Арсений с Андреем

рей Арсеньевич был сыном, принявшим фамилию и духовное завещание.

*Я первый гость в день твоего рождения,
И мне дано с тобою жить вдвоем,
Входить в твои ночные сновиденья
И отражаться в зеркале твоём.*

«Завещание»

Фильм Андрея «Жертвоприношение» — завещание уже своим сыновьям и нам, зрителям. Неизвестно, сможет ли кто-то стать его наследником... Сможет ли принять завещание прадеда, деда, отца... «Я претендую на игрушки внука, хлеб правнука, праправнукову славу», — писал Арсений Александрович, как бы и не рассчитывая на идущее вослед поколение.

Первая публикация его стихов в печати состоялась в 1926 году четверостишьем «Свеча».

*Мерцая желтым язычком,
Свеча все больше отливает,
Вот так и мы с тобой живем —
Душа горит и тело тает.*

От первой публикации до выхода в издательстве «Советский писатель» первой книги стихов в 1962 году проходит более 35 лет, в течение которых душа горела и таяло тело. Сборник 1962 года назван «Перед снегом». Официальное признание поэта в своей стране пришло в годы «убеленности». В 1926 году дети еще не родились. В том году, когда две последние цифры передвинулись и 26 поменялась на 62, его сын Андрей получил мировое признание и мировую славу в Венеции, Гран при за фильм «Иваново детство». Поэтическое признание на родине и мировое признание отец и сын получили в один год.

Долгий промежуток между 26 и 62 публиковали лишь переводы Арсения Александровича. Шенгели привлек его к переводческой деятельности в начале 30-х годов, а в 1934 году вышла первая книга переводов А.Тарковского. С этого времени поэт Тарковский переводит на русский язык поэзию народов СССР. Вот их приблизительный и неполный перечень: поэты Туркмении XVII, XVIII–XIX веков, Махтумкули и Кемине, армянские поэты от XVIII века до современности, т.е. антология – Саят-Нова, Ованес Туманян, Егише Чаренц... Антология поэтов Грузии: народная поэзия, Эристави, Важа Пшавела, Симон Чиковани, Григол Абашидзе. Из арабской поэзии X–XI веков. Поэты Дагестана и Чечено-Ингушетии и т.д. Мы не будем говорить о том, что переводы его кормили. Это безусловно. Мы не будем говорить о том, что это было позицией в тоталитарном государстве, где любое творчество подвергалось цензуре. Тарковский просто не мог писать, насилуя поэтическую волю. («Веленью Божию, о Муза, – будь послушна».) В «Завещании» Андрею есть такие строки:

*Я не был слеп. Я видел все, что было,
Что стало жизнью сверстников моих,
Что время подписью своей скрепило
И пронесло у сонных глаз слепых.*

Он не был слеп. Его опыт был ранним и горьким. Но есть в переводческой деятельности что-то еще, что не входит в перечисленные обстоятельства.

Создание единого литературного поля, единого пространства поэзии. Читающих Махтумкули или Эристави на родном языке много меньше, чем на языке русском, приобщенном великой мировой поэзии. Тираж антологии переводов 1982 года – 25 000 экземпляров. Это немало для книги. Какой великий просветительский подвиг совершил востоковед Владимир Щуцкий, сделав доступной отечествен-

ному читателю и ученому миру древнюю китайскую «Книгу перемен». С ней появился для нас новый слой культурного сознания. Примерно такую же работу за свою жизнь проделал Арсений Тарковский. Тарковский не просто переводчик — он приобщитель и объединитель. Друзья советовали Арсению (так долго не печатались его произведения) подсовывать в качестве переводов его собственные стихи. Но он никогда не шел ни на какой подлог из священного почтения своего и чужого слова. Когда по воле случая, ставшего судьбой, Тарковский начал заниматься переводами, он не мог представить финала. Говоря высокопарно — миссии, проводником которой стал.

Над переводами он старался работать там, где жили поэты. В 1938 году в Туркмении переводил Кемине. В 1939-м — в Тбилиси и Чечено-Ингушетии. В 1945-м — снова Тбилиси и Армения, в 1947-м — в Ашхабаде и Фирузе работал над переводами Махтумкули, в 1949-м — опять Туркмения*. В 1971 году Арсений Александрович получает как переводчик Государственную премию Туркменской ССР им. Махтумкули.

Как странно закольцовывается история. В какой незримой вышине объединяет поздний потомок шамхалов Кавказ и Среднюю Азию с Россией. В духе поэзии — это навсегда. Политика и медицина всегда расходятся в диагнозе с искусством.

Поэты, которых переводил Тарковский, становились близкими, их судьба соизмерялась с собственной, их радости и страдания, несомненно, влияли на внутренний мир поэта. Он обращает к Комитасу слова:

*Медленно идут светила
По спирали в вышине,
Будто их заговорила
Сила, спящая во мне.*

* Поездки перечислены далеко не все.

Ч А С Т Ь Т Р Е Т Ь Я

*Вся в крови моя рубаха,
Потому что и меня
Обдувает ветром страха
Стародавняя резня.*

«Комитас»

В его жизни две реальности одинаково важны, они бегут параллельными путями, но в разных измерениях: высокое общение с Эсхилом, Данте, Байроном и житейские диалоги с близкими в двух десятиметровых комнатах «на Щипке».

*Вы, жившие на свете до меня,
Моя броня и кровная родня
от Алигьери до Скайарелли,
Спасибо вам, вы хорошо горели.*

«Вы, жившие на свете до меня...»

И вот что странно: обе жизни равно реальны. Вопрос в другом, которой из двух он более дорожил? Которая из двух была важнее?

III

В октябре 1934 года в семье Тарковских родилась девочка Марина. А в декабре все при содействии друга семьи Льва Горнунга переехали «на Щипок». Жизнь в двух маленьких сырых комнатах цокольного этажа, стирки, кормление, купания, соседи, коммунальная кухня, керосинки, продукты... Перечень бытовых ежедневных забот можно продолжать бесконечно. Мария Ивановна была многоодаренной личностью. И одним из ее дарований была способность поддерживать древний культ очага, дар богини Весты. Сегодня не понятно, как она справлялась с жизнью, уделяя особое внимание воспитанию детей, умея при этом «держать форму». Она

мало следила за собой, но природа наделила Марусю не только красотой, но особой врожденной, естественной стильностью, которая видна на любой фотографии, а в «Зеркале» точно угадана и передана пластикой Риты Тереховой. Изящество, тяжелый пучок волос, папироса, что-то своевольное и независимое в любой черте лица, любом движении. Мне рассказала Ира Рауш-Тарковская, первая жена Андрея (она училась с ним в одной группе во ВГИКе), как увидела Марию Ивановну. Чтобы попасть в комнаты, надо было пройти через коммунальную кухню. В кухне на столе, закинув ногу за ногу, сидела Мария Ивановна и чистила картошку. Немолода, в обычном сером платье в мелкую клеточку, которое сидело на ней отлично, и, кажется, было на все случаи жизни, она все еще сохраняла свою породистую стильность.

Не нам судить, что случилось тогда, в 1937 году, когда детям было пять и три года и когда Арсений Александрович ушел из дома к другой женщине. Жизнь семьи была дисциплинировано разделена на мелкие промежутки времени кормлений, готовок, мытья. А жизнь человека творческого, хоть и требует дисциплины, но другой. Однако из своего тяжелого быта он ушел, быть может, в еще более тяжелый. Антонина Александровна Бохонова (1905–1951), Тоня – так ее называли – жила с мужем и маленькой дочкой. Арсений Александрович ушел как бы из своей трудной, но родной ситуации в еще более трудную и совсем неродную. Значит, сверчок на печи завел свою песню раньше.

Летом 1935 и 1936 годов семья Тарковских живет в деревне Игнатово (эпизоды того лета вошли в фильм «Зеркало»). Именно к 1935 году относятся стихи «Игнатьевский лес»:

*Последних листьев жар сплошным самосожженьем
Восходит на небо, и на пути твоём
Весь этот лес живет таким же раздраженьем,
Каким последний год и мы с тобой живем...*

Друг семьи Тарковских, уже упоминаемая Юлия Нейман, вспоминает:

И он ушел. От Маруси. И от детей, которых как будто нежно любил. Да и Марусю он любил. Сердце у него разрывалось от жгучей жалости...

...Конечно, мы, друзья, осуждали его за уход. Но, по правде сказать, не слишком строго. Может, он и правда «ничего не мог поделатъ». Он ведь был поэт, а поэты, как сказала потом Ахматова, «ни в чем не повинны – ни в том и ни в этом»... И сын его – Андрей, глубоко понимавший отца, оправдал его в своем «Зеркале».*

Тоня или, как называл ее Арсений Александрович, Сирена была прямой противоположностью Марии Ивановне. Франтиха-шеголиха, прекрасно одевалась, всегда «по моде и к лицу», весела, добра, великодушна. Надо справедливости ради сказать, что все заработанные деньги делились поровну. Тоня за этим следила. Андрей и Марина ее любили, а в дальнейшем, когда Арсений Александрович покинул и ее, Мария Ивановна очень поддерживала Тоню. Но все это будет потом... А пока в 1938 году ситуация была тяжелой. Мария Ивановна устроилась на работу в 1-ю образцовую типографию корректором посменно. Хотя жизнь легче не стала, но была сохранена гордость: мужу сама уложила чемоданы и теперь сама зарабатывала деньги.

В их жизнь вошла переписка, т.к. Арсений Александрович много разъезжал, болел и лежал в больницах, была война и послевоенные годы. Они переписывались даже в Москве. Доступная нам переписка – собственность архива А.А.Тарковского, принадлежащая Пушкинскому Дому в Санкт-Петербурге. Письма Марии Ивановны, детей, их ри-

* Юлия Нейман. «Особая примета». В книге воспоминаний «Я жил и пел когда-то». Томск, 1999, с. 15–17.

Дорогой папа!
Спасибо за письмо
и за подарки. Книжки
мы читаем.

Мы в лесу с мамой
читали книжки.

Мы ходим купаться
на купальне. Ура!

Ура! Ура! Ура! Козко

Л. Н. Ф. Р. Ю. Ц. А. Н. * * * * * М. Б. Ш. К. А.

Ч А С Т Ь Т Р Е Т Ь Я

сунки он бережно хранил. Эти документы не требуют комментариев, так ясно, искренно описана жизнь и отношения этих людей.

15 июля 1938 г.

М.И. Тарковская — А.А. Тарковскому

Милый Асишка!

Я сейчас шла с работы и собиралась написать тебе предварительное письмо, потому что ты ждешь ответа на открытку, а я Андрюшу увижу только завтра к вечеру. Я работаю сегодня до 12 ночи, ночью у бабушки и утром иду на работу. Короче — письмо с Андрюшей мы напишем только в выходной день 18-го. Вот я и думала об этом. Пришла к бабушке и получила большое письмо.

О деньгах ты не волнуйся, т.е. волнуйся, конечно, но не очень. За этот месяц я заработала 400 р., правда работала по-каторжному. Один день со сверхурочными проработала в сутки 25 часов не спавши, с перерывом 4 часа, т.е. это уже выходит больше суток. Но нам теперь это запретили, т.ч. за июль у меня будет 300 р. Деньги твои я тратила долго, мне всегда их как-то больно тратить. Живем мы ничего. Что дети не голодают, я ручаюсь, они едят даже абрикосы, а в смысле корма, конечно, не очень шикарно, но они сыты вполне.

По-французски мы читаем, но мало, я очень мало их вижу. Маришка тоже понимает и знает кусочки стишков и со страшным выражением говорит: *Yeve-toi, sole!* Вставай, солнышко!

Так кончается один стишок. Они бегают голые и босые и купаются. Загорели и очень хорошие. Такие невозможные солнышки, что просто сил нет. С Андрюшей очень хлопотно, он бывает злючкой-колючкой и тогда всем, кроме мамы (меня), делается страшно. А маме не страшно, и поэтому все кончается хорошо. Вот в выходной мы тебе будем

Дорогой папа? ^{З.А.И.Х}

по-мышыному,

Зед велекыю?

чтобы ~~к~~ папа,

папа быстрее при-
езжал в Москву

и прямо к нам

и если осталось бы

мы бы у нас. Как вы

Ч А С Т Ь Т Р Е Т Ь Я

писать все трое, тогда ты увидишь, какие мы хорошие.

Андрюша пойдет в школу, я завтра подам заявление (в нулевку (!!)).

Очень весело, так хочется в школу, просто ужас. И такие взрослые сразу станем и умные.

Пиши.

М.

Лето 1938 г.

М.И. Тарковская – А.А. Тарковскому

Милый Ася!

Ребятки здоровы. Мариночка ласковая, тихая и очень аккуратная. Все делает двумя пальчиками и осторожненько.

Андрей настоящий хобиас. Он смеется го-го-го, от души по-хобиасьи. Ездит на попке с самых высоких гор, так что пыль столбом.

М.

Лето 1938 г.

М.И. Тарковская – А.А. Тарковскому

Бабушка уезжает. Боюсь, что придется бросить работу.

Милый папа, Андрюшка не слушался и не хотел идти спать, а теперь пошел чистить зубы и просил тебя поцеловать. А сперва я написала, что он не слушается и не хочет спать, а он заплакал, чтобы я не писала, и мы оторвали бумажку. У нас сегодня заболела Мариночка. Сперва болела головка, а потом смерили t и было $37,3^{\circ}$, она давно уже улеглась спать. Андрюшка же все сидел и писал тебе письмо и картиночки. Сейчас он написал на своем письме – мама не слушается – потом спросил – «Стереть?» – «Зачем?» – «Папа ведь будет обижаться. Ну я напишу – шутка». Он сейчас такой солнышко, веселый и хороший. Бабушка ушла к тете Люсе ночевать.

Мы ели сегодня микробы (это салат, укроп и всякое зеленое). Мы 6-го должны идти в цирк, теперь боюсь, что заболет мышь.

Мы сняли дачу, завтра поедем писать договор и подам
заявл. насчет денег.

Пиши.

Маруся

Лето 1938 г.

М.И. Тарковская — А.А. Тарковскому

Аська!

Все утро звонила тебе, но безрезультатно, пока не догада-
лась позвонить в бюро поврежд. Оказывается, нас выключи-
ли. Ты мне очень нужен. Хорошо бы разобраться завтра
в книгах. Приди пораньше утречком, но имей в виду, что
здесь может оказаться ... с которой мы расстаемся потому,
что ты написал нам, что болен, едешь в санаторий и по-
мочь мне в ближайшее время не сможешь. С ней надо рас-
статься по-хорошему, а эта причина лучшая.

А лучше позвони мне часов в 9 утра, мы поговорим (я те-
бя встречу). Завтра я свободна до поезда и могу заняться
разделом имущества.

Жду звонка в 9 часов (а то в 10 уйду, если ты не позво-
нишь). М.

Тебя выключат из Союза за неплатеж 7 м. Мне звонили.

26 августа 1938 г.

М.И. Тарковская — А.А. Тарковскому

Милый Ася!

Сейчас уложила кошек спать. Хотела, чтобы они написали
тебе сегодня, но было некогда — мыла комнаты и ходила на
речку полоскать белье и купать кошек. Сейчас я такая счаст-
ливая — все чисто — и пол чистый, и белье чистое, и кошки
спят чистые, и я сама чистая. Ужасно хорошо. Я за последние
дни ужасно устала — уходила от меня Клавка и приезжала Ан-
нушка. Вчера я ее встречала и весь день после бегала по уст-

ройству с ней договора и по прописке. Все это так сложно, можно сойти с ума. Бумаг нужно миллион. Договор заключила, а что будет с пропиской, никому не известно. Завтра дядя Иван пойдет. А сегодня Аннушка заболела, насилу достирала белье, приходим домой — лежит на полу и охает. Что-то с животом. Вот еще горе, а я думала завтра уехать за продуктами в Москву. Я в отпуске за свой счет. 19-го работать.

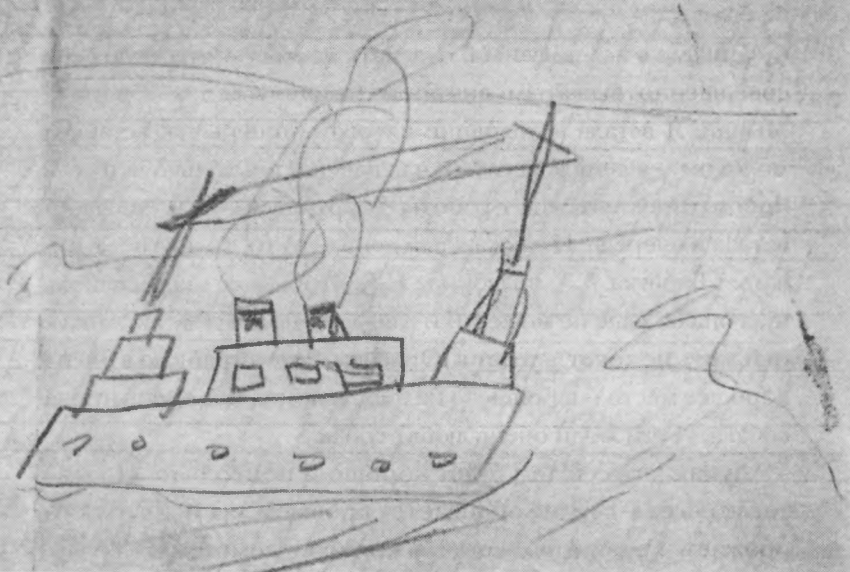
Забегала как-то к Леве. У него чуть не умерла Стазя. Лежит до сих пор, у нее что-то стрептококковое и было кровоизлияние, т.ч. она заговаривается. Теперь ей лучше, но лежать надо еще долго.

Завтра будем с кошками писать тебе письмо.

У меня есть потрясающий франц. роман. К сожалению, читать могу только в поезде, потому читаю долго. Шанфлэри — ты такого писателя знаешь? Ужасно интересно, и главное, все неожиданно и ни на что кажется не похоже. Мышка наша будет наверняка или поэт или прачка. Она ужасно любит стирать разные тряпочки и рифмовать, и любит еще говорить стихи без слов — один размер, и размер правильный. А Андрюшка бредит самураями, изобретает разные смертоносные орудия и целый день стругает сабли и ружья, причем чудесно конструирует. Сегодня сделал «пулеметик». Вот такой. Чудно стреляет камешками. Собирается сделать арболет, как у Телля.

Он стал большой и весь крепкий, твердый, спинка у него широкая, и плечи тоже, а книзу уже — эту конструкцию «собезьянил» у нас с тобой. А подошвы у него ничего не чувствуют — ни крапивы, ни сжатых злаков, ни, кажется, даже стекл. Он ходит по лесу, по сучкам совершенно как по бархатным лужкам. Нырять с разбегу очертя голову, а плавать еще не умеет. По деревьям лазает изумительно, как обезьянка. Мы с ним недавно забрались на такой дуб, что ты пришел бы в восторг: там наверху у него площадка из узла всех веток, и все они переплетены-перекручены. Качается же он вот так.

Мамма мамма
Кино-это кино
А это папу и до-
гум на немом

Ч А С Т Ь Т Р Е Т Ь Я

15 сентября 1938 г.

М.И. Тарковская — А.А. Тарковскому

Асик, прости, я протаскала письмо два дня и не смогла отправить. Устрой что-нибудь с перепиской. Пиши хоть Н.Г. или типогр. Сегодня сказала твоей маме, что от тебя письмо Н. Герасимовне и что ты до октября застрял с работой в Ленинграде. Мне ей говорить о больнице не советуют. Она и так еле жива.

Пиши.

Маруся

28 сентября 1938 г.

М.И. Тарковская — А.А. Тарковскому

Милый Асик!

Поздравляю тебя с «волей», только не простудись, пожалуйста, ты ведь без ваты. Я очень не люблю, когда ходят без ваты.

Письма я все получила, отвечать не могу — чувствую себя совершенно выжатым лимоном (омоном — так говорила Мышь). Я встала в половине пятого — теперь так встаю за молоком — а сейчас десятый час вечера, и я только что села просто отдохнуть. Иду с работы — картошка — у нас ее мало — встала в очередь. И так каждый день — то то, то другое. У нас живет Барбука. А.А. позвонила Н.Г., чтобы я ее взяла если хоч, а она больше не может. Я и взяла, но не совсем, т.к. Анна с ней жить не хочет, а уедет в Юрьевец. Я ее устраиваю в очень хорошее место — в Болшево на биостанцию, там очень нужна собака. И эти люди очень любят собак.

Думаю, что ей там будет хорошо и привольно. Но мне так жаль ее — сердце обливается кровью. Она меня просто обожает. Ты знаешь, когда я прихожу домой, она совершенно сходит с ума, а когда ухожу, плачет после меня. Она такая чудесная. Она лижет мне руки, морду, катается по полу от радости. Меня это почему-то очень трогает, а Ан-

Дорогой папа!
сейчас я конечно
писать не пойду
надеюсь с трагичи

Мы наншли дачу,
очень хорошию.

А про книжки
тыих привизки.

Ч А С Т Ь Т Р Е Т Ь Я

нушка сердится, потому что мы любим друг друга очень громко.

Асик, ты меня прости, но твою записочку я маме не передала. Я ее посмотрела, чтобы знать, что говорить о болезни (вдруг ты пишешь ей), и решила, что лучше передать просто поцелуй, чем твою записочку. Я бы умерла от обиды, если бы получила от мужа такое письмо. Ты прости, что я распорядилась, но если это плохо, ты ей скажешь, что я не передала. Я ей все говорю, что я жду твоего приезда около первого. А в общем мне так все надоело, какое мне, в конце концов, дело. Живите как хотите, пишите что хотите, а я устала...

У Андрея со школой плохо, он рассеян, все теряет, все забывает, все заливает чернилами. Водится, конечно, со всякой дрянью, со второгодниками и проч.

После выходного работаю вечером и утром схожу в школу. Подозреваю его во лжи. Надо брать его в руки, а то будет плохо и ученья никакого.

Груб он ужасно, с Маришкой невозможно противен и тоже груб. Не дождусь вечерней смены, чтобы побольше быть дома.

Пиши или приезжай. Ната уехала, комната за тобой.

Маруся

P. S. Асик, прости мое плохое письмо. Я на лучшее сейчас не способна. Меня Андрей расстроил.

Осень 1938 г.

М.И. Тарковская — А.А. Тарковскому

Пусть Радуле по приезде позвонит Нине Герас.

Милый Асинька!

Как бы узнать о твоём здоровье? Ведь, наверно, из больницы писем не выпускают. Маме мы ничего не говорили, и я

думаю, не стоит, она и так сходит с ума. Если ты сумеешь как-нибудь написать и отправить письмо, то пиши в типографию: Москва, Валовая, 28, 1-я Образцовая типография, корректорская, мне. Попроси врача, м.б., разрешат карандашное письмо вымыть сулемой или прогладить утюгом. С детьми я все сделаю, что нужно, сегодня же, но ты не волнуйся, я что-то о них совершенно не беспокоюсь. Они крепенькие, и ничего не будет. Не волнуйся. Если я тебе буду нужна, попроси дать телеграмму к Нине Герасимовне. Я сейчас же приеду и привезу тебе что нужно. Не бойся, обращайся со мной как с мамой (только не со своей), я ведь ничего с тебя не требую и ни на что не рассчитываю. Мне ничего от тебя не нужно. Ты же это видишь. Насчет комнат я говорю, но пока ничего не узнала. Отбаливай скорей, мы обменяем, не может быть, чтобы ничего не нашли. Две на две найдем обязательно. О своих личных делах ты тоже не страдай, Асик, все это проходит, забывается, и ничего не остается. Я все прекрасно понимаю, со мной, Асик, было так же, и все обошлось благополучно — я сделалась умная, тихая и очень спокойная. Мне ничего не надо, ничему я не удивляюсь и не огорчаюсь. И мне так спокойно-спокойно. Не огорчайся, мой дорогой, все будет хорошо. Мы обменяем комнатки, и ты будешь жить хорошо и спокойно. Возьмешь кое-что из мебели, у меня есть лишнее ложе (диван). Выздоровливай, моя деточка, у меня руки трясутся из-за этой телеграммы. Я так беспокоюсь, как ты там один, как тебя там лечат. Что тебе надо? Телеграфируй обо всем (и о хорошем и о плохом), если я ничего не буду получать, мне будет очень беспокойно и плохо.

Поговорим, м.б., будет писать кто-нибудь из служащих. Нужны ли тебе деньги? Крепко целую, дети не знают, что я тебе пишу. Они тебя очень крепко любят. Они кошки милые, только буйные иногда.

Ч А С Т Ь Т Р Е Т Ь Я

Как-нибудь устройся с перепиской. Ничего не продавай, напиши, я денег достать всегда сумею.

Еще целую.

Маруся

Лето 1939 г.

М.И. Тарковская – А.А. Тарковскому

Милый папочка!

Это писала Мариночка. Она умеет писать только букву А, а другие мы ей показали. Она все собирает тебе цветочки, и придется все их посылать – табак, маковые лепестки, левкой и еще что-то. Андрей пишет тебе и ругает Маришку за то, что она взяла его лук.

Пиши чаще, ответь Андрею на письмо. Он так трудился. Пиши бабушке.

Лето 1939 г.

Андрей Тарковский – А.А. Тарковскому

Дорогой папа!

Спасибо за письмо и за подарочки. Живем хорошо. Вчера мы гуляли на песке и взобрались на гору. Марина закричала: боюс!!! Боюс!!! А я ехал на попке по колючкам.

Целую тебя крепко.

Gon Andre

Лето 1939 г.

М.И. Тарковская – А.А. Тарковскому

Милый Асюшка!

Сейчас говорила с Н.Г. по телефону. Она рассказывала подробно все ваши приключения и как вы мылись, и как вас дезинфицировали, и все это очень смешно, потому что теперь ничего страшного не может быть. Только ты не скачи по палате, а то испортишь сердце – он, дифтерит, поганый. Постараюсь повидать Радулю, чтобы посмеяться, а впрочем, мне

некогда. Ты читал «Дьявол» Неймана? Хотя нет, наверно, мы ее сейчас печатаем, и я сегодня читала – чудесный роман. Только, конечно, читала кусочки. Что тебе надо? М.б., надо бумаги? Какой ты счастливый – лежишь вверх пупом и за тобой ухаживают. Радуле говорил, что ухаживают очень хорошо. М.б., прислать денег, чтобы тебе покупали что-нибудь? Напиши мне в типографию. Я не знаю, что тебе надо и есть ли деньги. Тогда я достану, попрошу хотя бы у Н.Г.

Мне уже давали адреса трех людей, которые меняют «2 разных на две вместе», но я не ходила, т.к. оказалось, что одним нужно 30 м., а у нас 20, а другим все удобства. Конечно, поменять можно и при энергии очень быстро. Я только не знаю, как это будет выглядеть технически. Мы же разъезжаемся не из одной квартиры, а с опозданием на два года. Ужасно смешно! Мне сегодня все смешно и весело. Наверно, потому, что тебе совсем хорошо. Все-таки, если бы ты умер, я, наверное, умерла бы с горя, как пишут в сказках. Очень страшно и неудобно жить на свете, а ты хоть и не очень хороший (хороший...), но все-таки папа, и так приятно, что есть с кем поговорить о кошках, даже бабушка и то не так, не нашему понимает их, а по-взрослому, ну как-то иначе, я не могу объяснить. Пишу всякие пустяки, я сейчас кончу.

Андрюша ходит в школу один. Мне сперва было очень страшно, но пришлось терпеть. В первый день я его водила и туда и обратно, а потом он меня спросил – «Я буду один ходить в школу?» Пришлось сказать, что конечно, чтобы не подрывать родительского авторитета и не терзать его душу, ему очень хотелось ходить одному. Ну в первый раз он сам понимал, что нужно вдвоем, купить книги и т.д. Теперь же он частенько идет с девочками, иногда с мальчиками. Хорошо, что не презирает слабых своих созданий и не боится насмешек по этому поводу. Пожалуйста, как-нибудь подари весточку.

Целую.

Маруся

5

Дорогой папа!

спасибо за колокольчики

Мы посылаем тебе
цветы. у нас в деревне
были краснаярмейцы с
пулеметом. Целую
крепко и люблюшо

...Это называется спускаться на парашютике. Сейчас я его учу прыгать по-всякому. Бегает он хорошо, мы часто бегаем вперегонки и старт берем по очереди; конечно, при желании я его перегоняю. И конечно, он тогда бывает расстроен, и начинаем сначала. Но ведь я перегоняю Жоржа, который теперь выше меня на голову.

Жаль, что приходится уходить от них, мы могли бы очень интересно жить. А без меня Андрей не любит ничего такого делать, потому что опекуны его визжат только и по достоинству не оценивают. Вчера на него жаловались мне: у нас есть новая насыпь через овраг вместо моста и в земле труба вот так.

Надя говорит: как ты думаешь, что сегодня делал Андрей на мосту?

Я угадала — проползал через ржавую узкую трубу. Так никто и не понял, что это интересно и хулиганства в этом нет. Главное, что его пришлось немедленно вести на реку отмыть, и так все: здесь упадет, здесь обрежется, и в результате мальчик слоняется по деревне и со скуки швыряется камнями. Изболтался он ужасно. Леня у него непроходимая. В руки брать его надо о ту пору-жь.

Интересных книг для него найти трудно — придумай что-нибудь в этой области, моего разумения здесь не хватает: ему нравятся книги 1) про войну, 2) Дуров, 3) про подвиги, 4) география. Рассказывать я ему должна про Наполеона, про Колумба, про экватор и про полюсы. Но ведь я же не мальчик, меня на это не совсем хватает, а Маришка при этом говорит — ну про Наполеона — это неинтересно!

Читать Жюль Верна рано, у него не хватает терпения, и что делать, я не знаю. Нет ли легких книг по Героев Советского Союза и про всяких Магелланов. Почему не пишут ничего для этого возраста, кроме стихов? Зимой по-

ручаю тебе добывание книжек... Мне нужны для него французские книжки, чтобы я могла ему читать, а он с интересом слушать, потому что, когда интересно, он хорошо понимает. У М.Г. для него почти ничего нет. Мы сейчас читаем про зверей — это интересно. Но трудноват сюжет: рассказы в рассказе, как яички. Он в них запутывается. На будущее лето покупаем овчарочного щенка. Не совсем благополучно у нас с пипкой, но об этом поговорим осенью.

Пиши.

Маруся

23 июля 1939 г.

М.И. Тарковская — А.А. Тарковскому

Милый папочка!

Сейчас ребята будут говорить, что писать. Они, папочка, не хотят. Мариша написала букву, молнию и «игрушку такую» и смотрит книжку. Андрюша говорит, что он не знает, что диктовать, бегаёт вокруг террасы и брызгает водой из насоса. Я сегодня выходная. Прости нас, что мы не написали в тот выходной. Но виноват Андрюша: он написал очень мало и плохо и я думала, что он напишет еще, а он не хочет. Очень заставлять мне не хочется, чтобы не получилось обратного действия.

Андрей научился нырять с головой, но плавать еще нет.купаемся каждый день все трое. Очень весело. Андрюша говорит, чтобы ты скорей приезжал. Мы сейчас будем пускать мыльные пузыри, а весной мы купим овчарочного щенка и найдем дачу одни, без тети Нади и Наташи. Они хорошие, только вместе жить очень трудно.

Маринка говорит написать: у нас вырос большой салат, и он маленько перерос и 6 больших подсолнухов.

Сперва подсолнух был меньше Маринкиного пальчика, мы его выкопали на дороге, а потом он стал догонять Ма-

ринку и теперь вырос выше ее и даже выше Андрея и собирается расцветать.

Еще у нас есть табак и маки. Маки почти совсем расцвели, а один сломался, мы его тебе посылаем. Андрюша довольно прилично читает по-франц. и, м.б., зимой будет заниматься с М.Г., впрочем, это еще не известно – захочет ли она. Весной она предлагала, а что скажет осенью, я не знаю.

Детей я вижу очень мало: одну шестидневку я уезжаю в 5 ч 30 с дачи и приезжаю в 5 ч 30 вечера, а другую шестидневку уезжаю в 2 ч дня и приезжаю в 2 ч ночи. Из этого времени нужно еще поспать, т.ч. вижу их живьем очень мало. Они очень ждут выходных, и один раз я не приехала совсем, и Андрей весь день, видимо, ждал, но молчал, когда вдруг говорит: «Черт возьми, – выходной день и не приехала!» Няня говорит, что получилось у него очень смачно и веско. Няня наша ничего. Бабушка была, уехала в М., а потом поедет в Ю. Она стала совсем больная, беспокойная, паническая, обижается на всякое слово и плачет. Честное слово, я с ней очень хороша, но она совершенно больна. Это уже мы ее доконали. Она и в трамвае, и в поезде, и в магазинах со всеми говорит, ко всем цепляется, с ней ездить просто мучительно. Если она не ссорится, то начинает рассказывать что-то каким-то теткам. Ты, м.б., не понимаешь, но это ужасно слушать. Мне ее так жаль, надо с ней что-то сделать, как-то устроить ее жизнь, у меня нет на это никаких сил и тем более времени. Вот она приехала, хотела поехать в Подмоскowie, поискать себе какое-нибудь местечко поближе к нам, но куда не поехала (она боится, видимо), просидела в Москве и на даче и опять уезжает к себе. То она хочет купить корову, чтобы дать Анне занятие и иметь какой-то доход, то через пять минут она уверяет меня, что Анну нужно отправить ко мне... И все разговоры, разговоры, от которых пухнут мозги. Она все время строит разные планы и ничего не пред-

принимает. Не подумай, что я жалуясь, у меня это все написалось как-то само собой, ведь никому всего этого я объяснить не могу, а ты ее раньше хорошо знал и любил.

До свиданья, Асик, пиши, если тебе захочется, и прости, что мы долго не писали. *Марья*

Да еще — пиши, пожалуйста, своей маме. Она очень беспокоится и не спит по ночам, если ты не пишешь. А тут я еще видела во сне, что ты умер, и как-то глупо вышло, что рассказала ей (я у нее спала), и, наверно, этим еще прибавила. Ты уж не сердись. Теперь ты писал, и она успокоилась.

Пиши ей.

10 января 1948 г.

М.И. Тарковская — А.А. Тарковскому

Милый Арсений!

Спасибо, что позаботился о деньгах. Завтра поеду на свидание с Андреем, свезу ему что-нибудь вкусного. Он много расспрашивал о тебе, видимо, ему хочется, чтобы ты приехал. Я сказала, что у тебя грипп. Его нельзя сейчас огорчать и волновать, от хорошего душевного состояния зависит его здоровье. У него очаги в правом легком от верхушки до третьего ребра, т.е. порядочно.

Счастье, что захватили раньше, чем начался распад тканей и каверны, тогда уже... Ему делают поддувания (пока не зарубцуются раны), а потом будет операция — после поддуваний что-то к чему-то прирастет, кажется, плевра к легкому и ее будут отдирать при помощи тока. В общем, мучают мальчишку, и жалко его до смерти. Интересно, что, когда я рассказывала докторше историю его болезни, что он затемпературил и слег на другой день после покражи шубы, она сказала, что, весьма вероятно, обострение процесса было вызвано нервным потрясением. Выходит, что шубу украли

Володя Ульянов
учился в гимнази
и. Его товарищ
Коля говорил: - Из
арифметики ничего
я не понимаю. Пойд
у к Володе. Он всё
знает. Мальчики
брали задачки.

Володя обаянял.

Скоро Коля нац
щелся решать зада
и. Часто Володя
уходил в гимнази
раньше: почмочь
товарищам перед
началом урока.

46 Воскр Виссарион

автом Сталин. товарищ
Сталин - везде и
учитель народов
Слава и трудящимся
и тружущимся во всем мире
Они называют его
своим родным Ста-
линым. Его ненавидят
наши враги

и горячо. Мобет,
трудящихся вав
мира. Телча. Дру
жно льются наши
песни звонким рече
нием от урны в
до урны в астра
не слава ой. Та

к лучшему, иначе без обострения он бы еще долго боролся, организм у него хороший, начались бы каверны и было бы Бог знает что. У тебя он был в перерыв между двумя вспышками. Как подумаю, в каких условиях он лежал, да бегал по сырости в пальтишке — даже дух захватывает от страха.

Он спрашивал, как ты отнесся к его болезни — завтра я его порадую твоим гостинцем, тем, что ты беспокоишься. Он очень-очень был в четверг грустный. Мы с ним устроили незаконное свидание: когда я принесла передачу, он выглянул в дверь, сделал мне знак и через террасу вышел в садик. Видимо, ему было очень тоскливо. Как бы об этом не прознали и не лишили бы завтра свидания.

Если ты соберешься к нему, то это сделать просто: сесть на 2 или 9 троллейбус и доехать до Капельского на 1-й Мещанской. Там у самой остановки переулок и в нем деревянный забор и большие деревянные ворота. Дорожка ведет к его корпусу. В воскресенье в 4 ч. дня их выпускают на свиданья (пройдя крыльцо — садик для старших). Можешь ему написать I Мещанская, Орлово-Давыдовский пер. (или Орл. Денисовский?) I-я детская туберк. б-ца. III отделение. Он будет очень рад.

Докторша сказала, что выпишет его через месяца 3, если все пойдет хорошо, а потом надо его увозить.

24 сентября 1939 г.

М.И. Тарковская — А.А. Тарковскому

Милый папуля!

Я страшно обрадовался, получив твое такое хорошее письмо. Я очень соскучился по тебе, мой дорогой! Я не дождусь того дня, когда я вернусь в Москву и увижу тебя.

Как поживает твой грипп? Я надеюсь, что уже здоров. Ты, милый, не расстраивайся ничему: ведь если иметь к этому тенденцию, то можно расклеиться совсем.

О своих делах я писать не буду: Ира тебе красочно обрисует нашу деятельность в Курске. Мы, наверное, вернемся в середине октября. Мне бы очень хотелось скорее увидеться с тобой. Настроение у меня мерзкое, и поэтому я ограничусь только самым главным: я очень тебя люблю, очень скучаю без тебя и призываю тебя не хандрить, мой храбрый папуас.

Поцелуй Татьяну Алексеевну, Алешку.

Целую тебя крепко-крепко, мой родной, и не забывай своего единственного сына. А.

P.S. А вот было бы здорово уехать куда-нибудь отдыхать вместе. А?

IV

В «Завещании» сыну Андрею есть такие строки:

*Я, как стихи, предсказываю свойства,
Присущие и людям и вещам.*

Так в самом начале 1940 года, когда до войны еще года полтора, были написаны стихи «Близость войны»:

*Кто может умереть – умрет,
Кто выживет – бессмертен будет,
Пойдет греть из рода в род,
Его и правнук не осудит.*

*Счастливцев, кто переживет
Друзей и подвиг свой военный,
Залечит раны и пойдет
В последний бой со всей вселенной.*

Мы не приводим всего текста стихотворения, но автор называет грядущую войну «предпоследней».

Ч А С Т Ь Т Р Е Т Ь Я

*На предпоследнюю войну
Бок о бок с новыми друзьями
Пойдем в чужую сторону.
Да будет память близких с нами.*

Поэт — пророк, провидец. «Поэт всегда прав», — говорила не раз Ахматова. В том же году происходит два серьезных события для Тарковского-поэта. Его принимают в Союз писателей СССР, и он знакомится с вернувшейся из эмиграции Мариной Ивановной Цветаевой.

*Все наяву связалось — воздух самый
Вокруг тебя до самых звезд твоих,
И поясок, и каждый твой упрямый
Упругий шаг, и угловатый стих.*

А.Тарковский

Приехала она в тяжелом состоянии, почти вынужденно, из-за мужа, и все ее самые скверные предчувствия оправдались. Арсений Тарковский — поэт, дворянин, красавец — произвел на ее взрывную увлекающуюся душу сильное впечатление. «Я ее любил, но с ней было тяжело», — признание ничем не удивляющее. С ней было тяжело. Они много гуляли, и Марина Ивановна показывала ему «свою Москву»: Трехпрудный, музей, построенный отцом, Ржевский...

Однажды она позвонила в четыре утра: «Вы знаете, я нашла у себя ваш платок!» — «А почему вы думаете, что это мой? У меня давно не было платков с меткой». — «Нет, нет, это ваш, на нем метка «А.Т.». Я его вам сейчас привезу!» — «Но...Марина Ивановна сейчас четыре часа ночи!» — «Ну и что? Я сейчас приеду.» И приехала, и привезла мне платок. На нем действительно была метка «А.Т.».

Они познакомились до знакомства. Марина Ивановна прочитала книгу переводов Кемине. Ее уникальное тонкое поэтическое естество сразу отозвалось, откликнулось немедленно письмом незнакомому молодому человеку:

Милый тов<ариз> Т<арковский>,

Ваша книга – прелестна. Как жаль, что Вы (т.е. Кемине) не преваля стихов. Кажется <...>: «У той душа поет – дыша. <Да кости – тоньше> камыша...» (Я знаю, что так нельзя Вам, переводчику, но Кемине было можно и должно). Во всяком случае на этом надо было кончить (хотя бы продли четверостишие). Это восточнее – без острия, для <не-разб.> – все равноценно.

Ваш перевод – прелесть. Что Вы можете – сами? Потому что за другого Вы можете все. Найдите (полюбите) – слова у Вас будут.

Скоро я Вас позову в гости – вечерком – послушать стихи (мои), из будущей книги. Поэтому – дайте мне Ваш адрес, чтобы приглашение не блуждало – или не лежало – как это письмо.

Я бы очень просила Вас этого моего письмеца никому не показывать, я – человек уединенный, и я пишу – Вам – зачем Вам другие? (руки и глаза) и никому не говорить, что вот, на днях, усл. мои стихи – скоро у меня будет открытый вечер, тогда все придут. А сейчас – я Вас зову по-дружески.

Всякая рукопись – беззащитна. Я вся – рукопись. М.Ц.

Какое удивительное письмо незнакомому, но уже близкому человеку. Сколько тайн, карманов и карманчиков, от последних фраз – мороз по коже.

Встретились они с Тарковским у Нины Герасимовны Яковлевой. Некогда богатая светская женщина, теперь она жила в Телеграфном переулке в одной комнате с зелеными стенами и старой мебелью красного дерева. Яковлева вспоминает:

Ч А С Т Ь Т Р Е Т Ь Я

Они познакомились у меня в доме. Мне хорошо запомнился этот день. Я зачем-то вышла из комнаты. Когда я вернулась, они сидели рядом на диване. По их взволнованным лицам я поняла: так было у Дункан с Есениным. Встретились, взметнулись, метнулись. Поэт к поэту. В народе говорят: «Любовь с первого взгляда...»

Разумеется, это женские восторги. Тарковский был на пятнадцать лет моложе и был увлечен ею скорее как поэтом. Сама Цветаева писала:

*Ко мне не ревнуют жены:
Я голос и взгляд.*

Поэты, близкие Марине, как могли стремились ей помогать.

«В то время все настоящие люди, как, например, Маршак, Тарковский, Левик и многие другие, ценя ее талант, устраивали ее блестящие переводы с грузинского и других языков в журналы и издательства. Но многие трусы и подхалимы боялись того, что она – бывшая эмигрантка, ее игнорировали и с ней не здоровались». – вспоминала ее старинная знакомая Елизавета Тараховская.

Они встречались, гуляли, бывали у общих знакомых, читали стихи, и сегодня трудно переоценить значение этих встреч.

Однажды где-то на литературных «посиделках» Тарковский прочитал свои стихи:

*Стал накрыт на шестерых –
Розы да хрусталь...
А среди гостей моих –
Горе да печаль...*

Марина Ивановна ответила Тарковскому стихами, написанными 6 марта 1941 года:

«Я стал накрыл на шестерых...»

Все повторяю первый стих

И все переправляю слово:

– «Я стал накрыл на шестерых».

Ты одного забыл – седьмого.

Невесело Вам вшестером,

На лицах – дождевые струи...

Как мог ты за таким столом

Седьмого позабыть... седьмую...

Стихотворение заканчивается строками:

...Никто: не брат, не сын, не муж,

Не друг – и все же укоряю:

– Ты, стал накрывший на шесть душ,

Меня не посадивший с краю.

Все та же таинственность жизни: стихи к Арсению были последними стихами Марины.

Смерть Марины Ивановны в Елабуге (где в эвакуации жила семья и мать Арсения Александровича) по силе и глубине удара была равна событиям войны, ее трагедиям. Их отношения, ее неповторимая личность, отчаяние последних дней жизни вонзилось в сердце поэта навсегда.

Цветаевой он посвятил два цикла «Памяти Марины Цветаевой» – шесть стихов, «Чистопольская тетрадь» – десять, и еще одно стихотворение. В этом его ответ. Поэту по-настоящему близка только поэзия и поэты. Он знает их другим чувством и другим измерением сознания. Древний из глубин стон-плач:

Я слышу, я не сплю, зовешь меня, Марина,

Поешь, Марина, мне крылам грозить, Марина,

Как трубы ангелов над городом поют,

И только горечью своей неисцелимой

Наш хлеб отравленный возьмешь на Страшный Суд.

1946 г.

Ч А С Т Ь Т Р Е Т Ь Я

Зову – не отзывается, крепко спит Марина.

Елабуга, Елабуга, кладбищенская глина, –

это в ноябре 1941 года.

И через двадцать два года в 1963 году крик отчаяния, страсть не теряет напряженности.

*Не речи, –
нет, я не хочу
Твоих сокровищ – клятв и плачей, –
Перя я не переучу
И горла не переиначу, –
Не смелостью пред смертью, – ты
Все замыслы довплотила
В свои тетради до черты,
Где кончились твои чернила, –

Не первородству, –
Я отдам
Свое, чтобы тебе по праву
На лишний день вручили там,
В земле, – твою земную славу...*

Только земные страсти конечны. Такая поэтическая боль, видимо, никогда.

Арсений рвался на фронт. Патриотизм Тарковских никогда не был публичной риторикой. Но война – это другое. Это долг перед Родиной, защита достоинства земли и дома. И редкие для него по «открытости» чувств стихи:

*Русь моя, Россия, дом, земля и мать,
Ты для новобрачного – свадебная скатерть.
...
Для сердца сыновьяго – негасимый свет,
Нет тебя прекрасней и желанней нет.*

Стиху предпослан эпиграф «Кони ржут за Сулою» из «Слова о полку Игореве».

Война, как ни странно, соединила несоединимое: реальность жизни с чувствами и поэзией. Многочисленные заявления в Правление Союза писателей возымели действие. Из Чистополя он отправляется в Москву и затем в действующую армию военным корреспондентом 16-й Гвардейской Краснознаменной Армии. Газета «Боевая тревога». Все газеты тщательно собраны и сейчас находятся в Литературном архиве Пушкинского Дома. Когда во время войны приходилось бывать в Москве, он приходил к своему другу Георгию Аркадьевичу Шенгели. Они дежурили на крыше дома и под черным гудящим небом вели разговоры, конечно, о войне, но и о поэзии. «Видите, — говорил Шенгели, — я недаром втянул вас в “Гудок”: вот вам это пригодилось. Вам было бы теперь трудно работать в газете — без подготовки... А какой у вас пистолет? Покажите-ка!» Он так безусловно верил в победу, что даже в эти дни занимался (в голоде и нетопленной квартире) составлением графиков зависимости ритма и произнесения стиха.

Мария Ивановна с детьми живет в Юрьевце на Волге с 1941-го по 1943 год. Они переписываются, дети посылают свои рисунки. Андрей читает «Мифы и легенды Древней Греции» и непрерывно рисует войну «настоящую и Троянскую».

В 1943-м Мария Ивановна возвращается с детьми из Юрьевца в Москву, какое-то время они живут в Переделкине. Все, кто видели фильм Андрея Тарковского «Зеркало», помнят эпизод приезда с фронта отца, детей бегущих, спотыкающихся, падающих, замирающих на груди отца, и боевой орден «Знак Почета» на гимнастерке. Орден этот Арсений получил в действующей армии. Через полгода после их встречи война для него закончилась. Он был тяжело ранен и в результате нескольких ампутаций лишился ноги. Всю остальную жизнь ходил с протезом. Важно не только то, что происходит, что слу-

чается с нами, но и то, как мы относимся к случившемуся. «На войне я постиг страдание. Есть у меня такие стихи, как я лежал в полевом госпитале, мне отрезали ногу. В том госпитале повязки отрывали, а ноги отрезали как колбасу. И когда я видел, как другие мучаются, у меня появлялся болевой рефлекс. Моя нога для меня — орган сострадания. Когда я вижу, что у других болит, у меня начинает болеть нога»*.

Стихи так и названы «Полевой госпиталь».

*Стол повернули на свету. Я лежал
Вниз головой, как мясо на весах,
Душа моя на нитке колотилась,
И видел я себя со стороны:*

*Я без довесков был уравновешен
Базарной жирной гирей...
...я лежал в позоре, в наготе,
В крови своей, вне поля тяготенья...*

Писатель и поэт Лаврин, одно время близкий Тарковскому и, как все, кто его знал, влюбленный в него, в работе «Что такое смерть»** пишет:

Помню, как на заре туманной юности меня потряс рассказ поэта Арсения Тарковского об его опыте внетелесного существования. Это случилось с Тарковским в январе 1944 года, после нескольких ампутаций ноги, когда он погибал в госпитале от гангрены. Он лежал в маленькой тесной палате с очень низким потолком. Лампочка, висевшая над его кроватью, выключения не имела, и приходилось вывинчивать ее рукой. Однажды, выкручивая лампочку, Тарковский почувствовал, что его душа (сознание) спиралеобразно выскольз-

* Арсений Тарковский. Собр. соч., М., 1991, т. 2, с. 242.

** «Психология смерти и умирания». Минск, 1998, с. 133.

нула из тела – вывинтилась, подобно лампочке из патрона. Удивленный, он глянул вниз и увидел свое тело. Оно было совершенно недвижно, как у человека, спящего мертвецким сном. Затем ему почему-то захотелось посмотреть, что делается в соседней палате. Он стал медленно «просачиваться» сквозь стену, но в какой-то момент почувствовал, что еще немного и он уже никогда не сможет вернуться в свое тело. Это его испугало. Он снова завис над кроватью и каким-то странным усилием скользнул в тело. Как в лодку.

Предчувствием, интуицией можно объяснить строки 1942 года:

*Немецкий автоматчик подстрелит на дороге,
Осколком ли фугаски перешибут мне ноги...*

Только в 1944 году в госпитале в Москве профессор Вишневский делает последнюю операцию – полную ампутацию ноги.

*Все не спит палата госпитальная,
Радио не выключай – и только.
Тренькающая да беспечальная
Раненым пришлось по вкусу полька.
Наплевать на уговоры нянины,
Только б свет оставила в палате.
И ногой здоровой каждый раненый
Барабанит польку на кровати.*

«Полька»

«Оттуда» иногда возвращаются. Рассказ, переданный Лавриным, достоверный. По спирали, из кругов Ада, как бабочка одного из стихотворений поэта «Из тени в свет перелетая, она сама и тень и свет», — душа оживала силою воли, судьбы, искусством врачей и любовью близких.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

*Душа, зачем тебе Китай?
О госпожа моя цветная,
Пожалуйста, не улетай!*

«Бабочка в госпитальном саду»

Из писем в госпиталь знаем, как эта необычная семья живет: заботы об отце и муже, их бытовые трудности. Обсуждается вопрос с Арсением — стоит ли говорить сейчас «детям» о ноге или потом, где лучше заказывать протез и многое другое. Госпиталь в основном на Тониных плечах. Умирает страдавшая много Мария Даниловна. Так ли, иначе уже — в 1944 году Антонина Александровна перевозит Арсения в Переделкино, где тем летом на даче жили дети.

«Когда мир раскалывается надвое, трещина проходит через сердце поэта», — так написал однажды Генрих Гейне.

V

Поездка в Грузию в 1945 году была настоящим праздником. Кроме переводческой работы были новые встречи, друзья, разговоры, послевоенные застолья. Это была та Грузия, которой сегодня уже нет, как и многого другого из жизни 1945-го года, года победы и надежд.

В Грузию Арсения Александровича пригласил поэт Симон Чиковани, тогда первый секретарь Союза писателей Грузии. И хотя время было трудное, гостеприимство друзей не имело границ. Немного отдохнув, Арсений засел за работу — переводы Григола Абашидзе, Георгия Леонидзе, Симона Чиковани и других поэтов. Арсений полюбил Чиковани, его поэзию, высокую культуру этого человека. Они стали друзьями.

В 1967 году Арсений Александрович мысленно возвращается в ту Грузию 1945-го года в стихах «Ласточки».

1-й Щипковский переулок, дом 26, кв. 2

*Я в Грузии бывал, входил и я когда-то
По щелью и траве в пустынный храм Баграма,
В кувшин расколотый, и над жерлом его
Висела ваша сеть. И Симон Чиковани
(А я любил его, и мне он был как брат)
Сказал, что на земле пред Вами виноват –
Забыл стихи сложить о легком вашем стане.*

Тогда же, в 1945-м через поэзию проходит тень женщины по имени Кетавана, с которой он познакомился в Тбилиси. Проходит легко, грустно, почти неосязуемо, сквозь сетку дождя.

*Сеет дождь из тумана,
Капли падают с крыши.
Ты, наверное, спишь,
В белом спишь, Кетавана?*

Из цикла, посвященного Грузии

1946 год перевернул всю жизнь страны и надолго отбросил ее назад: в кошмар страха от светлой послевоенной надежды обновления. Арсений Александрович готовил для печати свой первый сборник «Стихи разных лет». Символично, что обсуждение сборника в Союзе писателей состоялось в конце декабря 1945 года. Собрание вел поэт Павел Антокольский, хорошо относящийся к поэзии Тарковского и к нему самому. Выступали Лев Ошанин, Маргарита Алигер и многие другие популярные тогда поэты. Издание было одобрено, и началась работа с Ленинградской типографией. Летом был готов сигнальный экземпляр. Но тут наступил роковой для России август — август 1946 года. Как раз все возвращаются отдохнувшие из отпусков, школьники собираются в школу. Вот тут-то и вышло постановление ЦК ВКП(б) «О журналах “Звезда” и “Ленинград”». Доклад делал лично това-

рищ Жданов, первый секретарь Ленинградского обкома партии. Затем последовало постановление о театре, кино, музыке — по всему идеологическому фронту народ построили в ряд по стойке «смирно». Это безумие неизвестно чем бы закончилось (вспомним репрессии конца сороковых годов), если бы не смерть вождя народов в 1953 году.

*Тянет железом, картофельной гнилью,
Лагерной пылью и солью камсы,
Где твое имечко, где твои крылья,
Вий над Россией топорщит усы, —*

писал А.Тарковский в 1946 году. Покойный философ Мераб Мамардашвили точно заметил, что, что бы у нас ни произошло, — к событию поворачивается всей своей огромной массой вся страна. Откликаются все: рабочие, колхозники, учителя, труженики всех родов, естественно, школьники. Кстати, эта традиция живуча. Я сама видела в информационной программе, как в пионерском лагере у детей-беженцев из Чечни собирали копейки в пользу семей моряков с затонувшей лодки «Курск».

Тогда, в 1946 году, вся страна узнала, что Ахматова еще жива, Зощенко жив тоже, а композитор Шостакович не безгрешен. У нас эта традиция всеобщего участия страшна, смешна, но порой приносит неожиданную популярность. «Не важно что, главное — чтоб писали».

Нечего и говорить, что набор первой книги Арсения был рассыпан и у автора остался единственный сигнальный экземпляр. Первого сборника пришлось ждать шестнадцать лет, до 1962 года.

В том же 1946 году, таком страшном для всех, Арсений Александрович знакомится у Георгия Аркадьевича Шенгели с Анной Ахматовой. Пути их пересеклись через пять лет после смерти Марины. Знакомство и дружба с Ахматовой

именно в это время была вовсе не безопасна. Эта дружба поэтов, так же как и союз с Мариной, — свидетельство того, что Арсений Александрович был не только бесстрашен и честен, но и еще одного: поэзия и поэты — превыше всего. Достовернейший летописец жизни Ахматовой Лидия Корнеевна Чуковская записала, как однажды зимой 1963 года у Маргариты Алигер Ахматова читала стихи Арсения Тарковского, посвященные Цветаевой:

Анна Андреевна попросила нас всех усесться ближе и прочитала пять стихотворений памяти Марины Цветаевой. Автор — Арсений Тарковский. Не сразу привыкаешь к противоположному сочетанию: голос Ахматовой произносит не ахматовские стихи. Из ее уст чужие слова и ритмы звучат странно: уж очень мы привыкли, чтобы этот голос говорил только свое. Читала она медленно, серьезно, читала, как все и всегда, — из глубины. Стихи мне понравились — очень.*

В мае 1964 года состоялся первый публичный вечер поэзии Ахматовой в Музее Маяковского. На вечере выступал Арсений Александрович. Все та же Лидия Корнеевна на следующий день рассказывала, как прошел вечер, а Ахматова ей в ответ: «Я с Арсением Александровичем почти что в ссоре. Он пришел ко мне однажды и целый день просил, молил, настаивал, чтобы я не писала о Модильяни, потому что я не умею писать прозу. Я обиделась и уже полгода ему не звоню». Чуковская насилу уговорила ее позвонить. Ахматова терпела, терпела и позвонила. «Ну что, — спрашивает Лидия Корнеевна, — помирились?» — «Позвонила. Оказывается, он даже не понял, что мы в ссоре». Со своей стороны Ахматова в долгу не оставалась, и рассказ об этом невозможно не привести.

* Лидия Чуковская. Записки об Анне Ахматовой, М., 1997, т. 3, с. 32.

Книжка его стихов вышла слишком поздно. Слава, поздна, испортила его. Он разучился быть вежливым. Сначала писал мне письма по стилю совершенно любовные («Арсений, зачем Вы сбиваете с толку Лубянску, стыдно»). Потом начал дерзить. Я уже рассказывала Вам, кажется? Сидит целый вечер и бубнит: «Не пишите прозу. Не пишите прозу. Не пишите прозу». Можно подумать, что я «Клима Самгина» написала.

Оба были мастера плести кружево отношений, особенно Ахматова. Но именно Тарковский написал о ее поэзии такие точные слова:

Музе Ахматовой свойственен дар гармонии, редкий даже в русской поэзии, в наибольшей степени присущий Баратынскому и Пушкину. Ее стихи завершены. Это всегда окончательный вариант. Мир Ахматовой учит душевной стойкости, честности мышления, умению сгармонизировать себя в мир, учит умению быть тем человеком, которым стремишься стать.

Это — как о себе. «...Быть тем человеком, которым стремишься стать».

В январе 1966 года Лидия Корнеевна навещала Ахматову в больнице. Шел бытовой разговор, и потом вдруг Ахматова сказала: «Чуть не забыла. Я приготовила для вас дивный подарок: копию письма Тарковского о моей поэзии. Вот возьмите». Большое письмо она берегла, специально переписала, чтобы передать Лидии Корнеевне «дивный подарок». Мы не приводим всего текста письма, присланного в больницу, но вот небольшая выдержка из него:

Вы написали за всех, кто мучился на этом свете в наш век, а так еще не мучились до нас ни в какие времена, и если Пушкин был Пушкиным, то голос его за тех, кто такого совер-

шенства, как мы, в страстотерпии не достиг (допустим, хоть война 1941–1945). Ваш читатель и Ваш двигатель хлбнул совершенного лиха, и это – Ваше преимущество.

Однажды, когда к Ахматовой в Боткинскую больницу пришел Арсений Александрович, она предложила:

Поедем со мной в Париж.» Я говорю: «Поедем, а кто нас приглашает?» Она отвечает: «Пригласили, собственно, меня и спросили, с кем я хочу ехать. Я ответила, что с Тарковским.*

А в другой раз звонит по телефону и говорит Арсению Александровичу по поводу сонета, который ей посвятил Тарковский:

*Когда бы на роду мне написано было
Лежать в колыбели богов, –*

«Арсений Александрович, если вы теперь попадете под трамвай, то мне ни-и-сколько, нисколько не будет вас жалко!»** Такой вот изысканный комплимент.

Вот какие у них были отношения. Анна Андреевна умерла вскоре, 5 марта 1966 года. Арсений Александрович нес ее гроб вместе с Иосифом Бродским и сопровождал ее до Ленинграда, где было отпевание в церкви Николы Морского.

«Памяти А.А. Ахматовой» посвящен цикл стихов, написанных во второй половине 60-х.

*Когда у Николы Морского
Лежала в цветах нищета,
Смиренное чуждое слово
Светилось темно и сурово
На воске державного рта.*

* Арсений Тарковский. Собр. соч., М., 1991, т. 2, с. 244.

** Там же.

Не только поэзия, но личность Ахматовой, тайна ее стойкости, внутренняя сила, острота ума, восхождение к вершине славы и почитания в послевоенные годы сделали ее центральной фигурой России. «На воске державного рта» — вот так о ком еще можно написать? Отношение Арсения к Ахматовой передалось и Андрею. Ее тень прошла в одном из эпизодов «Зеркала», где Игнат читает письмо Пушкина Чаадаеву о России.

*И эту тень я проводил в дорогу
Последнюю к последнему порогу,
И два крыла у тени за спиной,
Как два луча, померкли понемногу.*

Меж тем жизнь шла своим чередом и параллельным курсом. Семейная жизнь Арсения Александровича снова разладилась. В 1947 году бывшая Тонина подруга, Татьяна Алексеевна Озерская (1907–1991) стала третьей женой Тарковского, с которой он прожил до конца жизни. Все друзья отмечали ее элегантную породистую внешность и манеру поведения. Она хорошо знала причуды своего мужа, умела создать нужный ему комфорт. Татьяна Алексеевна была переводчиком, энергичной дамой, водила машину, была своей в писательской среде и как-то хорошо и ловко обустроивала жизнь Арсения Александровича.

Они вместе пережили трагедию потери своих сыновей. Арсений Александрович — Андрея. Татьяна Алексеевна — своего единственного сына Алексея Студиницкого.

Есть некая тонкая материя, назовем ее «лирическая муза поэта». Это очень важная часть поэтической биографии и подчас скрытая, охраняемая от посторонних глаз, от проживаемой поэтом реальной жизни. Это — «Эвридика Орфея», в жизни мимолетность юности, первая любовь, ставшая тенью всей жизни.

Встретил он женщину, очаровательно красивую, – вспоминает елисаветградская приятельница Арсения (Асика), – всю в кружевах, с загадочной пленительной улыбкой – она, как символ поэзии, своей женственностью покорила юношескую фантазию будущего поэта. Ее звали Мария Густавовна Фальц. Ее трагическая судьба была обычной для того времени: муж ее, офицер царской армии, уезжая на германский фронт в 1914 году, попрощался с молодой женой и больше никогда не вернулся...

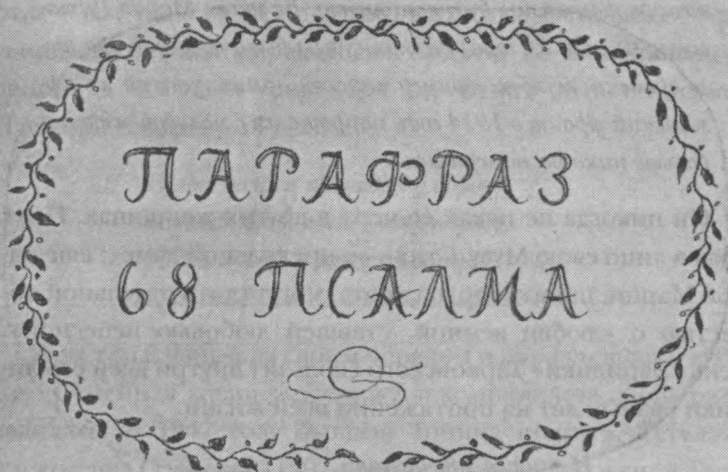
Он никогда не искал ее черт в других женщинах. Поэт знал в лицо свою Музу. Стихи «о прекрасной даме», еще одной Марии, память сердца поэта, могут стать отдельной повестью о «любви земной, ставшей любовью небесной». Тень «Эвридики» Тарковского скользит внутри всей его лирики разных лет на протяжении всей жизни.

*И снится мне другая
Душа, в другой одежде:
Горит, перебегая
От робости к надежде,

Огнем, как спирт, без тени
Уходит по земле,
На память гроздь сирени
Оставив на столе.*

«Эвридика» 1961 года, уже почти сорок лет спустя.

*Как сорок лет тому назад,
Сердцебиение при звуке
Шагов, и дом с окошком в сад,
Свеча и близорукий взгляд,
Не требующий ни поруки,
Ни клятвы.*

ΠΑΡΑΦΡΑΣ

68 ΠΣΑΛΜΑ

Я гибну, лишенный твоей благоспешни,
Мне черные воды до горта дошли.
Смотри: я пограз в безысходной прясине;
Покинул я твердое лоно земли,
И нетт тюд столами оторы мне ныне;
Нетт, я не в прясине, смотри: я в стреминне,
Куда меня волки твои понесли?
Нетт, я не в стреминне, я в дикой пустыне,
От воплей моя пересохла гортпаян,
Глаза мои соль ожидания развела,
И тело от голода окаменело.
Приди и возьми мою душу как дань.

Врагов моих не перетестть, как морского
Песку, как волос моих не перетестть.
Безвизко они из под отпгего крова

И пиршество их - в западню, мой господе;
Глаза помутят им; да будет недужен
Их каждый сустав; да истощает их плоть;
Прибавь беззаконие к их беззаконью;
Хоснись их твоей смертоносной ладошкой;
И да не изведат правды твоей,
И да испытают твой пламень при жизни,
И да опустеют матроны в их отпизне,
И по ветру пепел их зёрный развеи;
И их имена да истезкут из книги
Живых. О тельском не вспомню я иже,
Я сброшу вериги; я силу твою,
Я имя и славу твою воспою.

И будет угодней тебе слово мое -
задымившейся крови воловней,
Рогатых пельцов и трехдневных эмнат.
О господи, дай мне уйти от погони;
Я висю на Сионе, я висю на Сионе,
Из праха восставь мой разрушенный град.

Парафраз написан Арсением Пар-
ковским 21 декабря 1948 г.
в Москве.

Сей с
Предансён госпоже
моей и раб владе =
Пельнице Патаьяне
Алексеевне в дар не =
изменно преданнблм
ей перелага Пеллем
25 декабря 1948г.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Любовь к невидимой Эвридике трагична. Любовь не может иметь счастливого конца. Одно из стихотворений 1962 года, посвященных ей, кончается знаменитой строкой:

*Когда судьба по следу шла за нами,
Как сумасшедший с бритвою в руке.*

VI

Жизнь Марии Ивановны и детей идет своим чередом. Может быть, по-своему очень трудным для всех троих, потому что в 1948 году у Андрея открылся туберкулез, потому что Мария Ивановна имеет только две руки, только 24 часа в сутки и непроходящую нужду, потому что они любят своего отца и гордятся им и в то же время страдают от сложности общих отношений.

Юрий Бенещианович Кочеврин (1932), доктор экономических наук, исследователь современных проблем экономики, автор многих монографий, был «пожизненным» (от школы до смерти) другом Андрея Тарковского. Он написал по нашей просьбе прекрасные воспоминания «Из школьных лет», из которых очень многое становится понятным. Воспоминания Юрия Кочеврина мы приводим целиком.

Из школьных лет

Что такое популярность? В наш век масс-медиа популярность – это когда тебя узнают на улице или в метро. Поэтому популярные люди стараются не смешиваться с толпой и передвигаются в своих автомобилях. Но так было не всегда. Андрей Тарковский в конце 1940-х годов был популярной личностью, но его популярность распространялась в узкой прослойке учащих старших классов мужских и женских школ, расположенных в Замоскворечье, между Серпуховкой, Полян-

кой и Ордынкой. Однако это не меняло самого факта популярности, а ограниченность ее распространения искупалась глубиной воздействия на умы и души подростков того незапамятного времени («отдаленней, чем Пушкин, и видится точно во сне», писал по другому поводу поэт).

Легко сказать, что причина его известности лежала в особых свойствах его личности. Ведь и выдающийся хулиган, и наделенный исключительными способностями отличник, и, наконец, комсомольский вожак были по-своему популярны в школьной среде того времени. Но Андрей не относился ни к одной из этих категорий. Он не был амбициозной личностью, стремившейся к самоутверждению. Скорее можно говорить, что его популярность проистекала из его естественности.

Естественность и открытость – было то, что выделяло его из общего ряда и мгновенно отпечатывало его образ в душах сверстников в век общей неестественности и самоконтроля, проникавшего из общества взрослых в школьную среду. Все мы – школьники – чувствовали себя свободными и раскованными, но, увы, в рамках условностей, чаще всего неосознаваемых. Казалось бы, что в том, что Андрей фланкирует в каком-то немислимом желтом пальто? Чтобы понять значение этого, необходимо войти в контекст времени, 1949–1950 годов. Мне это время запомнилось преобладанием всех оттенков того цвета, который в народе называли «сери-буро-малиновый». Конечно, природа бушевала и брала свое. Но люди в своей массе были безлики и скромны, той скромностью, которая свидетельствовала о стремлении не выделяться. Стремление быть как все в разных культурах может порождаться разными причинами. Но в людях того времени в основе этого стремления лежал страх. Поэтому экстравагантность Андрея вызывала тревогу в душах школьных наставников и отзывалась беспокойством

в более высоких сферах, хотя слово «стиляга» еще не было произнесено публично. Это поведение сеяло семена свободы в принципиально несвободном обществе. Интересно, что это понимали не только в высоких сферах. Именно так оценивала такую экстравагантность уличная и дворовая среда – как самое дерзкое выражение свободы.

Меньше всего сознавал социальное значение своего поведения сам Андрей. Он просто следовал своим естественным склонностям, но, в отличие от многих, находил им внешние формы выражения. В нем жил художник, который не мог примириться с отсутствием цвета, и единственным способом преодолеть монотонность среды стала его «стильная» одежда.

В воспоминаниях о школьных годах Андрея Тарковского обычно говорят о его живости, артистизме, экстравагантности, его увлечении джазом и атрибутами «чуждой» американской культуры. Это было время борьбы с космополитизмом. Все мы, школьники, хорошо знали, что такое космополиты. Это были проводники культурной агрессии, изнутри подрывавшие фундамент советского общества, ставившие под сомнение самобытность русской (а значит, и советской – заметьте взаимозаменяемость этих двух понятий) культуры. В 1940-е – 1950-е годы понятие «космополит» стало играть ту же роль в идеологии страны, какую в 1930-е годы играло понятие «вредитель». Космополит был внутренним союзником внешнего агрессора, мирового империализма, вооруженного атомной бомбой и провозгласившего «холодную войну» против Советского Союза и социалистического лагеря (именно так была интерпретирована в советской пропаганде знаменитая речь Черчилля в Фултоне). Вот почему так опасно было любое увлечение всем американским, в какой бы области это ни проявлялось. Но именно по этой причине увлечение американским (музы-

кой, модой, танцами, технической культурой) для подростков того времени стало непреодолимо притягательным. Это была игра на грани фала, в той области, которая вплотную приближалась к политически недозволенному.

Все это приобретает значение на фоне будущей судьбы Андрея. Вне этого все эти свойства если и не исчезают, то становятся не столь значимыми – мало ли было таких замечательных подростков (в середине 1950-х годов появилось слово плесень, заклеивавшее тех, кто в конце 1940-х были мальчиками и девочками). Чувахи и чувихи – так они называли друг друга. Так они и вошли в рамку своего времени. От них протянулись нити к будущим фарцовщикам и валютным спекулянтам. К трагическим судебным процессам хрущевских времен с их смертными приговорами. Но также и к политическому свободомыслию, к диссидентству. И ко всей молодежной культуре «шестидесятников», к живописи, кино, литературе, поэзии, театру, музыке. И на фоне этого – к выдающемуся явлению этой культуры – творчеству Андрея Тарковского.

Но не будем торопиться. Пока еще 1949–1950 учебный год, девятый класс мужской 554-й школы, белоснежная московская зима, с уличными сугробами, с жуками-транспортерами, серебляющими своими челюстями снег и переправляющими его в кузова самосвалов. (Как они смогли сохраниться в неприкосновенности еще полувеком позже – уму непостижимо.) В школьной жизни вечера – совместные с девочками из женских школ, первые романы, знаменитый драмкружок с его руководителем Борисом Беловым (к тому времени уже студентом Плехановки, расположенной напротив школы – через Стремянный переулок). А еще школьный радиозузел, созданный руками самих ребят, литературные вечера, их вдохновительница и организатор незабвенная Марина Георгиевна Маркарянц («красотка Маркарянц» на безжалостном школьном жаргоне), так много

значившая для всех нас (об этом смотрите в прозе Андрея Вознесенского, одного из любимых ее учеников).

В это время в жизни Андрея разыгрывались драматические события. У него была двойка по математике за полугодие. Был также, как мне помнится, конфликт с учителем биологии Борисом Сергеевичем, химичкой Марьей Ивановной, физиком ... Хуже того, классный руководитель Федор Федорович Титов, человек непреклонных коммунистических правил (он говорил классной вальнице своего 9-го «А»: «Вы не знаете, что такое диктатура пролетариата – я вас научу этому»), был за исключение Андрея из школы, и его слово много значило на педсовете. Андрея взяла под защиту учительница истории Фурманова, и его перевели, под ее ответственность, в параллельный 9й «Б», где она была классным руководителем. Но его положение в школе оставалось подвешенным.

Весной 1950 года (ровно полвека назад – я пишу эти строки в июне 2000-го) по просьбе той же Фурмановой я вместе с Андреем готовился к экзаменам за 9й класс. С моей стороны эта готовность диктовалась хорошими отношениями с «историчкой»: она интересно, хотя и сумбурно, преподавала историю (а как еще ее можно преподавать?), но главное – любила своих учеников. А еще, буду откровенен, роль наставника тешила мое самолюбие. Что же касается Андрея – у него не было другого выхода, как подчиниться совету Фурмановой, что он и сделал без особого сопротивления. Впрочем, мы с ним хорошоладили, он успешно перешел в 10й класс, вполне достойно сдал экзамены, в том числе и вошедший в аттестат экзамен по географии суровому Федору Федоровичу. Для него и его матери это было огромным облегчением, а для меня, что говорить, и сейчас сознание того, что я помог Андрею в этот трудный момент (а он был действительно трудным), служит той «копеечкой», которая, если верить Достоевскому, вдруг да и пропустит в рай.

Во время занятий мы много дурачились, поскольку штудирование программы требовало разрядки. Но не только дурачились. Мы говорили о том, что составляло наш общий интерес и закладывало основы будущих отношений. Все это очень неточно сказано, поскольку отношения складываются не только из общности интересов (почему не наоборот – из их разности?), а из суммы неопределенностей, которая почему-то вырастает в еще более неопределенную величину, которая называется дружбой. Формулу дружбы никто не выводил, да это и невозможно.

В десятом классе наша дружба окрепла, отделившись от ежедневного школьного общения (нас развели по разным классам). Обычно мы встречались у меня – это было удобнее – и много говорили обо всем, но главное, о литературе. Одним из страстных увлечений Андрея тогда и позже был Достоевский, причем весь, со сложными путями добывания официально запрещенных текстов. И мне он видится сейчас, в том времени, совершеннейшим персонажем Достоевского: и его «подростком», и князем Мышкиным, и «игроком» одновременно. А позже – Митей Карамазовым. В это время Андрей вел два несопадающих существования. В одном он был трудным учеником, стилизгой, героем-любовником школьных спектаклей, в другом – очень потаенной личностью, несообразной конкретному времени и среде. В нем парадоксально сочетались эти две стихии: авангардизм эпохи позднего сталинизма и традиционализм дворянского сословия вековой давности. Он вставал, когда в комнату входила женщина старше его (чем совершенно поражал мою тетку Лидию Ивановну с тщательным спрятанным дворянским происхождением). Он умело пользовался столовыми приборами. Он был страстным покеристом (выбрав эту редкую тогда азартную игру, а не широко распространенный среди учащейся молодежи префе-

ранс). Он официально, как Ленский, предупредил моего приятеля Витю Уварова, что набьет ему морду, если тот продолжит ухаживания за «его» девушкой Галей Романовой. Этот поступок («короткий вызов, иль картель») так поразил Витю церемонностью (нет чтобы сразу дать в морду), что вызвал у него угрызения совести и заставил откаться от легкомысленных поползновений.

Была еще одна область наших общих увлечений – поэзия, притом не вообще, а новая русская поэзия. Почему так, а не, скажем, Пушкин и поэты «золотого» века? Объясняется это просто – нам страстно хотелось знать ту поэзию, которая была недоступна, под гласным или негласным запретом. Годы спустя любимым поэтом Андрея стал Тютчев, но это было значительно позже. А тогда мы читали Блока, раннего Маяковского, Хлебникова и, конечно, Пастернака. Еще далеко было до Цветаевой, Мандельштама, Ахматовой. В знании поэзии мы с ним соперничали. Я отличался завидной памятью, и то, что мне нравилось, просто знал наизусть. Андрей стихи вообще не запоминал, поэтому он часто просил меня прочесть что-нибудь. Ему нравилось мое чтение. Зато его любовь к поэзии была очень избирательной, и часто его суждения и вкусы не совпадали с некоторой моей всеядностью. Тогда-то для меня и возникла одна загадка, для решения которой потребовалось много лет.

Я знал, что отец Андрея «поэт-переводчик» (существовала такая творческая специальность в советское время – как бы поэт, но не совсем, в чем-то не дотянувший до этого высокого звания), также знал, что он живет отдельно от Андрея и его семьи, с другой женщиной. В какой-то момент, кажется вскоре после окончания школы, я познакомился с Арсением Александровичем на дне рождения Марины, сестры Андрея. Он был со своей женой Татьяной Алексеевной. Я отметил сдержанность и немногословие Арсения Александро-

вича и общую атмосферу доброжелательства, исходившую от Марии Ивановны, матери Андрея. Но сейчас речь идет о другом (дни рождения Марины на Щипке – это особый сюжет, и мне не хотелось бы упоминать о нем скороговоркой). Мария Ивановна как-то с горечью заметила при мне, что Арсений Александрович очень хороший поэт, но что его стихи не печатают. Уже тогда мне было вполне понятно, что это значит, я хорошо знал многие стихи Пастернака по довоенным изданиям, которого тоже не публиковали – его стихи не укладывались в тайную рамку, которую хорошо знали цензоры (возможно, она обозначалась отсутствием либо наличием каких-то ключевых слов?). Но вот в одну из наших встреч Андрей показал мне большую («амбарную») тетрадь, в которой круглым отчетливым почерком были записаны стихи отца. Помнится, эти записи принадлежали самому Арсению Александровичу и остались в семье после его ухода. Это значит, что там были ранние, довоенные стихи (впрочем, не такие уж ранние – Арсению Александровичу до войны было за тридцать). Меня поразила какая-то трепетность и одновременно скованность в поведении Андрея. Кажется, он одновременно ждет моего отклика и всеми силами старается не показать этого. Многие из стихотворений этого сборника я читал в позднейших изданиях. Но память хранит некоторые, услышанные мной впервые именно из этой «амбарной» книги. Одно из них:

Он у реки сидел на камыше,
Накошенном крестьянами на крыши...

Признаюсь, мне показался искусственным этот оборот. Но дальше что-то задело, про воду:

Чуден был язык воды...
На свет звезды, на беглый блеск слюды,
На предсказание беды похожий...

Уже много позднее, перечитывая это стихотворение, я понял, что здесь таится самый исток, самый главный нерв всего творчества Андрея – образ воды, ее неразгаданного, как сама жизнь, языка. Так же, как Андрей был сыном Арсения Тарковского, его творчество было порождено тайнописью его отца.

В десятом классе Андрей много играл в школьном драмкружке, о котором я упоминал выше. Деятельность этого коллектива заслужила признание школьной и отчасти студенческой среды Замоскворечья. Слава о нем расходилась концентрическими кругами по ближайшей городской территории, тем более что он менял импровизированные сценические площадки. Поделюсь воспоминаниями о том впечатлении, какое производила на меня и, наверно, на других игра Андрея. В пьесе Евгения Петрова «Чужой остров» он выступал в роли такого плейбоя, представителя «буржуазной» золотой молодежи, попадающего, по ходу пьесы, в чуждое положение (он оказывался на сцене полудетым, притом в смешных трусах, резинках, на которых держались носки, что само по себе веселило юную аудиторию). Его партнершу, естественно, играла Галя Романова, тоже выглядела шокированной (интрига состояла в том, что ее сердце принадлежало другому, положительному, герою пьесы). Роль Андрея была, конечно, характерной, но особенность его игры состояла в том, что он не «играл» характерности. Он был вне сценического действия, как статист, которого срочно выпустили на замену и он не знает, как себя вести.

Впоследствии оказалось, что эта установка на «не игру» неслучайна. В тех редких случаях, когда Андрей выступал как актер – фильмы «Июльский дождь», «Сергей Лазо», – его игра производила впечатление слишком жесткой естественности, он был как бы слишком самим собой. Уже значительно более позднее воспоминание относится к то-

му, как он подбирает актера на роль Рублева, первого фильма, сделанного от начала и до конца в соответствии с внутренним замыслом. Он остановился на Анатолии Соловьевне, который в главной роли Андрея Рублева ничего не играл, в отличие от остальных действующих лиц.

Вообще его сопротивление игре во всех ее проявлениях органично перешло из жизненной позиции в искусство, став, может быть, его определяющей чертой. (Вспомним, как в фильме «Сталкер» девочка по складам читает любимое Андреем стихотворение Тютчева: «Люблю глаза твои, мой друг...») Настоящее не требует выразительности, а ненастоящему никакая выразительность не поможет.

Последняя мысль Кочеврина относительно «выразительности», по-видимому, верное жизненное наблюдение. Как «выразить»? Как «выразить» смерть Тони от рака в 1951 году? Состояние Андрея Арсеньевича и Марии Ивановны, которая дружила с Тоней и поддерживала ее в очень трудные последние годы жизни?

С 61-го года жизнь помаленьку воздаст поэту за талант, терпение и труд. К тому же и жизнь к середине шестидесятих годов меняется во всем мире, меняется и у нас. Мы будем подробнее говорить об этом времени, когда на сцену выйдет наш последний герой — Андрей Тарковский, но все же именно в 1962 году происходят экстраординарные события в жизни семьи и истории рода Тарковских.

Арсений Александрович наконец выпускает в издательстве «Советский писатель» свою первую книгу «Перед снегом».

Андрей Арсеньевич, кинорежиссер Тарковский, получает главный приз Венецианского Международного кинофестиваля за фильм «Иваново детство», и мы увидели вершину айсберга долго трудившегося Рода.

При всех противоречиях, возникающих между сыном и отцом, сложности характеров обоих Тарковских — отношения их удивительны, талантливы и плодотворны.

Андрей любил отца и гордился им, хотя травма от разрушения семьи никогда не зарубцовывалась и в дальнейшем стала сквозным мотивом буквально всех его фильмов.

Арсений написал поэтическое завещание Андрею. Он лучше всех понимал его неординарность, был прикован к его творчеству, трепетал от гордости и страха и не пережил его смерти.

С 1962 года творчество отца и сына переплетается в кинолентах Андрея. При этом каждый продолжает свой путь.

У Арсения Тарковского в 1969 году выходит еще одна книга стихов. В 1971 году Премия Туркменской ССР имени Махтумкули; еще одна книга и Орден дружбы народов в связи с 70-летием. Теперь почти ежегодно выходят сборники его стихов. Ландшафт русской поэзии изменился с их появлением. Его называют последним поэтом «серебряного» века, хотя по возрасту он ближе к Льву Ошанину и Степану Щипачеву.

Во ВГИКе дипломной работой Андрея Тарковского был фильм «Каток и скрипка». В фильме запечатлено наступление катка на старую Москву, на Замоскворечье. Москва разрушалась и строилась. «Оттепель». Казалось, что чудо обновления рядом, где-то за углом. Прожив тридцать лет «на Щипке», именно в это время ушел из своего старого дома, «отпочковался» Тарковский-младший. А вскоре выселили жильцов старой коммуналки. Мария Ивановна с Мариной, ее мужем режиссером Александром Гордоном, сыном Мишей, т.е. всей молодой семьей, переехали в новый жилой Юго-Западный район Москвы. «Щипка» не стало, остался остов дома. В замысле фильма «Ностальгия» Андрей в поисках природы будущего фильма думал о «Щипке», но уже

как о декорации сна, жизни зазеркалья. «Щипок» стал точкой нашей культуры, где может быть создан «Музей Тарковских» или «Музей Поколения», частью которого также являются Тарковские. Но все равно даже тщательное воспроизведение не более чем декорация из сна. Это верно.

*Влажной землей из окна потянуло,
Уксусной прелью хмельнее вина;
Мать подошла и в окно заглянула,
И потянуло землей из окна.*

«Влажной землей
из окна потянуло...»

Арсений Александрович жил на даче в поселке Голицыно. Замечательные воспоминания о встречах с Арсением Александровичем Тарковским оставила переводчица Суламифь Оскарровна Митина. Как никто другой, она сумела передать живой образ поэта, его артистичность, красоту, обаяние, «детскость».

Детскость Арсения Александровича проявлялась в его реакциях, в склонности к словесным играм, шуткам, шуточным песенкам, розыгрышам, очаровательному озорству и беспредельной доверчивости.

Однажды Суламифь Оскарровна подарила сборник английского поэта-философа и художника Блейка с надписью: «От подружки детства — вечного».

В его небольшом саду было много цветов. Он любовался ими и исследовал свои впечатления, тоже по-детски. «Видите — внизу трава, выше — кусты, еще выше — яблони и над всем — старые березы. Смотрим в синее небо. Справа от столика растет трава с белой полоской посередине. — Нравится вам? Это молочная трава, трава моего детства. Точно такая росла у нас в саду в Елисаветграде». Он любил гово-

рять о детстве, о таинственности мира. Однажды он увидел маленького козленочка, который поставил золотые копытца на край его детской кровати. А потом он точь-в-точь такого козленка увидел в коллекции из раскопок Тутанхамона. Эти рассказы можно продолжать до бесконечности.

Еще одна замечательная переводчица, подруга жены Арсения Александровича Татьяна Алексеевна Кудрявцева написала для нашей книги:

Несколько слов о друге

Я впервые увидела Арсения Александровича в начале 50-х, когда пришла по делу к его жене и моей коллеге, прекрасной переводчице Татьяне Алексеевне Озерской, с которой мы вместе перевели немало книг, в том числе «Унесенные ветром» Маргарет Митчелл. Я знала, что Арсений Александрович (Арсюша, как называла его Таня) воевал, был ранен и лишился ноги, и ожидала увидеть мрачного, озлобленного человека. Арсений же был палом жизни и без конца острил, несмотря на то, что нога у него все время болела (ему никак не могли подобрать «удобную ногу») и всякий выход «в люди» был для него событием, а жили они тогда в Варсонофьевском переулке, в мансарде старого трехэтажного дома, которую они превратили в уютную квартиру. Лифта в доме, естественно, не было, и в мансарду вела крутая деревянная лестница. И тем не менее человек, которого я увидела, был улыбчив, острил и смеялся над здоровой молодой женщиной, которая никак не могла отдышаться. С того дня началась наша дружба, которая продолжалась до конца жизни Арсения и Танюши.

Арсений отличался удивительной скромностью – он никогда не говорил о своем творчестве, и я лишь много позже узнала, что он не только переводчик грузинских и среднеазиатских поэтов, но и сам прекрасный поэт. Собственно

▲ Арсений Тарковский за работой

▲ Арсений и Андрей за шахматами на Щипке

◀ Арсений с Андреем

■ **Арсений Тарковский.**

Рисунки архитектора Мокроусова

► **Автопортрет Арсения Тарковского**

▲ Мария Ивановна. На Щипке

◀ Щипок сегодня

▲ Дом в Тучково. Хутор Горчаковых. Дом был восстановлен для съёмок фильма «Зеркало»

▶ Мария Ивановна в украинской рубашке, подаренной Арсением. Фото Льва Горунга

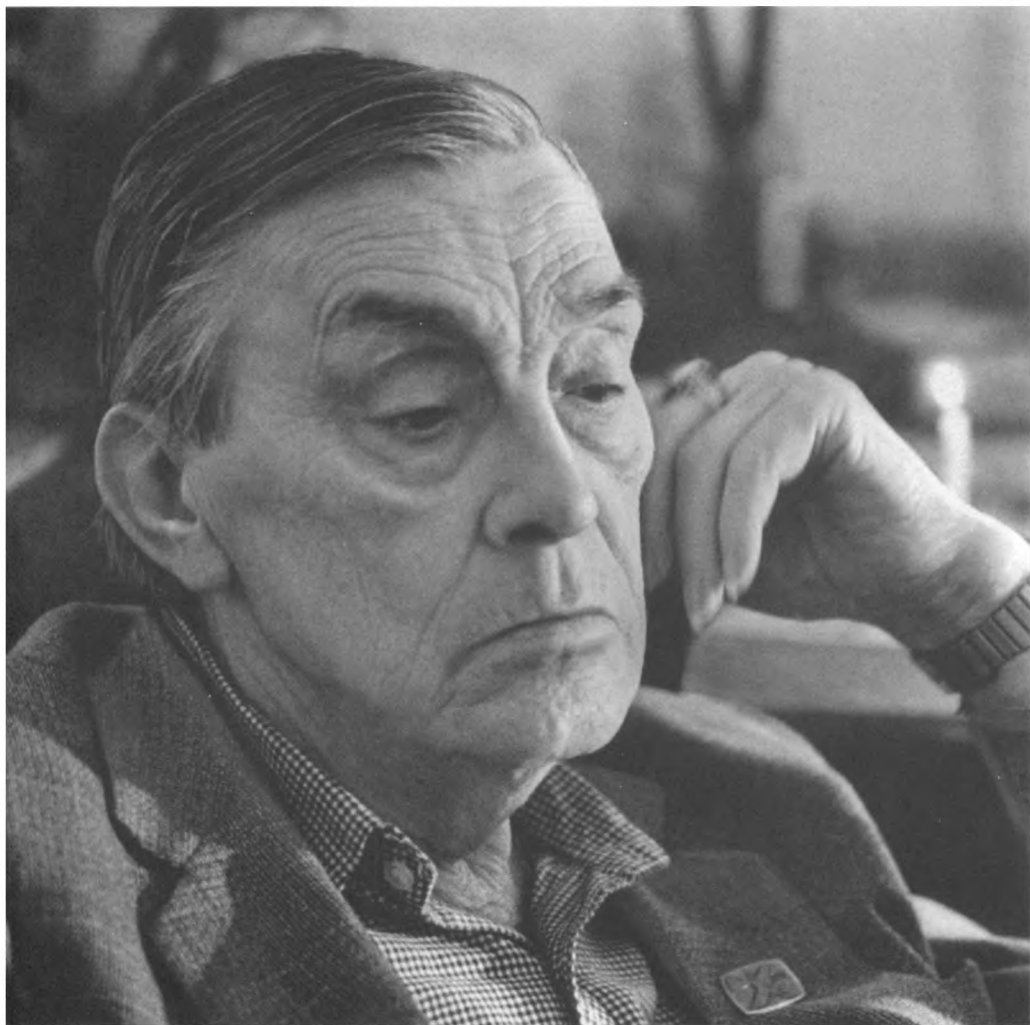

▲ Андрей на Щипке. Фото Льва Горунга

▲ Тоня Бохонова. Вторая жена
Арсения Александровича

▲ Арсений Тарковский

◀ После войны. Арсений Тарковский с другом юности Юрием Ботняком в Кировограде

▲ Татьяна Алексеевна Озерская,
третья жена Арсения Александровича

► Арсений Тарковский

▲ Похороны Арсения Александровича
в Доме литераторов 1 июня 1989 г.
У гроба – внуки: сын Марины Михаил (слева)
и сын Андрея Арсений

я узнала об этом от Танюши. И когда пришла к ним в очередной раз и попросила Арсения почитать что-нибудь свое, он долго не соглашался. А потом привык видеть во мне благодарного слушателя и уже часто читал свои стихи.

Хорошо, что его поэзия была опубликована еще при жизни – помню, как светилось его лицо, когда он показывал мне сигнальный экземпляр своего двухтомника в Переделкино, где в конце жизни они жили с Танюшей в Доме творчества писателей. Приехав навестить их, я лишний раз убедилась в скромности Арсения и его умении приспособиваться к любым жизненным условиям, будь то жизнь в мансарде, или в Доме для ветеранов кино, где они с Танюшей одно время жили, или в Доме творчества в Переделкино. Он никогда не считал, что, будучи человеком незаурядно одаренным, должен жить в более пристойных условиях. Все так жили – вот и он так жил. И не жаловался, когда в Доме творчества его и Танюшу переселили из двух комнат в одну, притом маленькую, и они жили в ней не один месяц, а ведь оба были уже пожилые, больные люди. Но они мирились с этими условиями, так как обоим требовался уход, готовое питание и, конечно, хотелось общества. Вот они и выбрали Переделкино. В республиках, чью культуру Арсений прославлял своими переводами, его носили на руках, не знали, как лучше принять и куда поселить, а в родной России смотрели как на рядового поэта. Признание пришло к нему лишь к концу жизни.

Арсений очень гордился своим сыном Андреем и старался поддерживать с ним отношения, несмотря на разрыв, который произошел у него с первой женой. Он любил и сына и дочь и очень переживал то и дело возникавшие у него с Андреем ссоры.

Арсений очень любил серьезную музыку. Мы жили в Галицино на соседних дачах (у них была собственная дача, а

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

мы с мужем снимали), и вечерами часто приходили к ним послушать музыку – у Арсения была прекрасная коллекция пластинок, которую он постоянно поправлял.

За эти более чем двадцать лет дружбы с Арсением и Танюшей много было застолий и бесед, многое обсуждалось, но, к сожалению, не все запомнилось. В моей памяти осталось обсуждение «Доктора Живаго» Пастернака – этот роман мы все трое прочли в рукописи. Арсений и Танюша были его горячими поклонниками, а я – нет. Помню, между нами возник жаркий спор, в котором проявился весь темперамент Арсения.

Сейчас я жалею, что не записывала наших бесед – они могли бы дополнить образ поэта и человека. Тем не менее я рада, что имею возможность внести свой скромный вклад в эту книгу и сказать несколько слов о замечательном тонком поэте и прекрасном человеке Арсени Александровиче Тарковском.

А дочь Татьяны Алексеевны, Нина Кудрявцева запомнила поэта таким:

Я помню Арсения Александровича, к сожалению, главным образом по детству. Говорю «к сожалению», потому что во взрослом состоянии, когда исключительно чувственное, эмоциональное восприятие сменяется более глубоким пониманием и осознанием ценностей, виделась с ним крайне редко.

Он был одним из моих самых любимых родительских друзей. Он всегда разговаривал со мной как с маленькой женщиной, всегда в мягко шутиливой, почти флиртующей манере. И всегда говорил, что такого носика в жизни не видел. Он немного растягивал гласные и говорил чуть в нос, словно всегда готов был читать стихи, как бы следовал своей внутренней музыке или ритму. В такой манере он и про

чел мне пять строф, написанных к моим именинам. Это было приглашение с моей фотографией, которое изготовил мой отец и которое я раздала подружкам, — а было мне 10 лет. Подружки наверняка это приглашение выбросили, а я храню наверняка уникальный экземпляр.

*Дела другие отбросьте
Не тратьте времени зря
Ко мне приходите в гости
Тридцатого января —*

так начиналось приглашение.

Из тогт Арсения Александровича запомнилось: «Я понимаю, как я мог бросить жену, но как я мог бросить такую тещу!» И вспомнилось, как в ответ хохотала его Танюша.

Вообще бывать у них было радостным удовольствием! Оба умные, образованные, превосходные рассказчики. Однако секрет обаяния дома, как я теперь понимаю, а тогда чувствовала, таился в необычайной притягательности личности Арсения Александровича. То было обаяние таланта.

Главным его увлечением были телескопы. Там, на даче в Голицыне, в беседке установили телескоп*. Астрономия с детства была увлечением и страстью Арсения (или Асика, как его звали в семье), брата Вали, дяди Саши, — словом, всей елисаветградской семьи Тарковских. Мы уже рассказывали о том, как Валя делал в гимназии доклад на тему «Есть ли жизнь на Марсе». Телескоп, бинокли разного калибра, всякая оптика были настоящей коллекционной страстью Арсения Александровича.

Сохранилось замечательное письмо молодого друга Арсения Александровича, писателя, поэта, художника, рано ушедшего из жизни Юрия Коваля.

* Сегодня он передан на хранение в «Музей кино».

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Письмо к Фазилю Искандеру нам любезно предоставила вдова Юрия Ковалья, замечательная Наташа Коваль. Вот текст этого письма:

Фазиль! Я хочу тебе рассказать, мне кажется, что тебе будет и занятна и понятна мысль, которую я понял не сразу.

Как-то раз с Арс. Ал. и Татьяной Александровной мы поехали из Переделкина в Солнцево. Это – недалеко, погода прекрасная, все это происходит до обеда в Доме творчества и вполне вписывается в наши житейские рамки. Солнцево интересует Тат. Ал-ну своими магазинами. Она выпорхнула из машины в «Универмаг», а мы с Арс. Ал. тихо пошли следом. Мы вошли в магазин, где Т. А. летала, и я увидел вдруг, что А. А. явственно побледнел. Я слегка напугался. Он опирался на мою руку и в этот момент сделался особенно тяжел. Понимаешь? Я думал, что-нибудь с Т. А. – нет. Он смотрел на прилавок, на котором стоял великолепный (советский) бинокль. Я понял, что он его тут же немедленно купит (800 рублей), и бинокль – восьмикратный! Ого! Бледный, говорю, в холодном поту, он пересчитал свои деньги и говорит мне:

– Надо скорей купить.

У него не хватило, я добавил, потом он, конечно, повесил (это был футляр) бинокль на грудь, и мы пошли гулять далее по магазину.

Т. А., облетевшая то, что хотела облететь, наконец увидела и нас.

– Ну надо ехать. Как раз к обеду.

– Поехали, – говорит она. – А это что у тебя на груди болтается?

– Да это, – он говорит, – чепуха, не обращай внимания.

Я, как шофер и, конечно, друг бинокля, как ты понимаешь, в дело не влезая.

– Нет, позволь, Арсений, – говорит Т. А. – Но это же, кажется, бинокль?

– Да. Тут мы с Юрочкой думали-думали и решили купить.

– И сколько же он стоит?

– Это был последний экземпляр, и мы его купили по специально низкой цене.

– Арс! Но у тебя есть по крайней мере шесть биноклей и еще подзорная труба!

– Таия, ты – не понимаешь! У меня есть бинокли – шестикратные (труба не в счет), двенадцатикратные, но – восьмикратного у меня не было.

– Ну, смотрел бы в шестикратный!

– А где он? – резонно спросил Арсений Александрович.

– В Галицыне.

– Но мы-то в Солнцево. А я хочу сейчас посмотреть!

– Т. А., – сказал я, – он, кажется, имеет право.

Теперь, Фазиль, почему я этот фрагмент своих воспоминаний о великом поэте посвящаю тебе: слушай, бинокль интересовал его потому, что приближал далекое! Понимаешь, то, до чего рукой нашей не дотянуться.

Рукой не дотянуться, не увидеть глазом. Приблизить невидимое, осмыслить приближенное – подлинная стихия поэта.

«Любовь к Арсению Александровичу Тарковскому совершенно неистребима во мне», – писал Юрий Коваль. Их дружба была нежной. В книге Ковалья «АУА» напечатаны прелестные маленькие эссе о Тарковском в духе письма к Искандеру. Арсений Александрович рисовал Ковалья, а Коваль – Тарковского. Сохранился их двойной фотопортрет с одинаковыми «а ля Шерлок Холмс» трубками – иронический документ общности. И все же дело не в том, что «оптические» пристрастия Тарковского объяснимы лишь

стремлением к тому, до чего не может дотянуться рука. Вся мировая философия и поэзия втянута в сознание, осознание себя частью Космоса: от мифологической одушевленной уютной Вселенной Гомера до страшной холодной Маяковского («Пустота. Летите, в звезды врезываясь»).

Вся поэтика суть «часы и календарь». Закономерно или нет, но приходит на память Владимир Набоков, не с телескопом, но с микроскопом.

Гораздо позже я вновь открыл ту же отчетливую и малчливую красоту на круглом сияющем дне волшебной шахты – лабораторного микроскопа. Арафат на стеклянной пластинке уменьшением своим разжигал фантазию, орган насекомого под микроскопом был увеличен ради холодного изучения. Мне думается, что в гамме мировых мер есть такая точка, которая достигается уменьшением крупных вещей и увеличением малых: точка искусства.*

Набоков был современником Тарковского. У них (при несомненности различий) было много общего. Например, вечная ностальгия о «потерянном рае» детства. «Выра» Набокова была Елисаветградом Тарковского. Они одновременно в 1919 году утратили свой лучезарный рай, и оба всю оставшуюся жизнь его вспоминали. И оба (и снова поразному) не имели дома. «Хвала тебе мой быт, лишенный быта», – пишет Тарковский. Набоков отдавал предпочтение жизни в гостиницах, т.е. не стремился к оседлости.

Одну из глав своих мемуаров «Писательский клуб» поэт Константин Ваншенкин посвятил Тарковским. Как и все современники, он был под обаянием таланта и личности Арсения. Но особенно меня поразила одна его мысль, неожиданно вдруг совпавшая с моим наблюдением. Он пишет:

* В. Набоков. Другие берега. М., 2000, с. 464.

У них (Тарковских) была «Волга», Таня ее водила. Была своя дача, просторная квартира в Москве. Но они часто и подолгу обитали в подмосковных писательских домах. Предпочитали такой образ жизни.

И далее неожиданно:

Известно, что Набоков с женой в последний швейцарский период постоянно жили в гостинице. Но одно дело их комфортабельный фешенебельный отель под пятью звездочками и другое – Малеевка или Переделкино.

Думается дело не в «звездочках», но в общих для глубоких и философских душ, космически интуитивных, чувствах «временного постоя» здесь, на Земле.

Оба совсем особенно относились к «бабочкам».

*Бабочки хохочут, как безумные,
Вьются хороводы милых дур
По лазурному нагромождению
Стереометрических фигур.*

Для Набокова – изучение стереометрических фигур было профессией, в которой он много преуспел. Не знаю, уместно ли здесь упоминание о еще одной общей с Набоковым страсти – все к тем же стереометрическим фигурам, к шахматам.

*Гляди: вон там, на той скале – Пегас!
Да, это он, сияющий и бурный!
Приветствуй эти горы. День погас,
А ночи нет... Приветствуй час пурпурный.
Над крутизной огромный белый конь,
Как лебедь, плещет белыми крылами, –
И вот взвился, и в тучи, над скалами,
Плеснул копыт серебряный огонь.*

Владимир Набоков

Ч А С Т Ь Т Р Е Т Ь Я

И трудно найти более точное определение поэтической форме Тарковского, нежели то, которое дал Набоков: «создать органическое чудо – стихотворную строчку – совоплощение звука и образа»*.

*Я по каменной книге учу вневременной язык,
Меж двумя жерновами плыву, как зерно в камневерти,
И уже я в двухмерную плоскость проник,
Мне хребет разломало на мельнице жизни и смерти**.*

В 1974–1975 гг., уже имея мировое признание, его сын Андрей работает над фильмом «Зеркало», первоначальное название которого «Белый, белый день» было строкой из стихотворения его отца, связанного в свою очередь с тенью Александра Карловича Тарковского.

*Отец стоит у дороги
Белый-белый день.*

Их отношения по сути изменились давно. Они не только отец и сын. Они не только род Тарковских. Они равнозначные творцы, их дыхание сливается в рожденной новой художественной форме киноленты «Зеркало». Арсений Александрович читает сам в фильме свои стихи «Жизнь, жизнь» 1965 года.

*Судьбу свою к седлу я приторочил;
Я и сейчас, в грядущих временах,
Как мальчик привстаю на стременах.*

Тайна общей жизни-бытия, мать как центр, намагничивающий все: и прошлое отца, и будущее сына. «Судьбы скрещенье» уже не в проходящем времени жизни, но в веч-

* В. Набоков. Бледное пламя. Свердловск, 1991, с. 23.

** А. Тарковский. Благословенный свет. 1993, с. 271.

ном искусстве. Исключительный финальный, прекрасный и светлый реквием роду Тарковских. В киноленте «Зеркало» Андрей снимает и Марию Ивановну.

В 1979 году Мария Ивановна скончалась от рака и похоронена на Востряковском кладбище. Она дожила до поэтической славы Арсения, режиссерского восхождения Андрея, до внуков Арсения и Михаила, сына Марины, которого успела понять. Ее жизнь никогда не была в бытовом смысле богата, но всегда внутренне полна.

В 1969 году Арсений пишет стихи:

*Хвала измерившим высоты
Небесных звезд и гор земных
Глазам – за свет и слезы их!
Рукам, уставшим от работы,
За то, что ты, как два крыла,
Руками их не отвела.*

Стихи без прямого посвящения, но хотелось бы верить, что они обращены к Марусе.

*Не белый голубь – только имя,
Живому служу чуждый лад,
Звучащий крыльями твоими,
Как сорок лет тому назад, –*

т.е. в 1929 году.

Ровно через десять лет после смерти Марии Ивановны, в 1989 году, умирает Арсений Александрович.

Тема смерти – оборотная сторона темы Вечности. Масштаб – соотносённость себя со временем. Жизни при жизни, в истории и после смерти. Слова: «...поэзия – не пустая забава, а дело, следствием которого порой служит ранняя физическая смерть и духовное бессмертие» – в статье Арсения Тарковского о Байроне относятся сразу и к

антитезе физической смерти – бессмертию поэта, и довременной смерти Андрея Тарковского – художника, философа, поэта.

Арсению Александровичу пришлось пережить и смерть сына. Андрей умер в Париже в ночь с 28-го на 29 декабря 1986 года. Удивительно то, что Арсений Александрович, любя и понимая уникальность Андрея, ни на минуту не был за него спокоен, как бы предчувствуя трагедию. Друг семьи Тарковских Марина Аграновская написала:

Вскоре он (Андрей) пригласил нас посмотреть свою курсовую работу – «Убийцы» по рассказу Хемингуэя. (Замечу – это был 1965 год.) Такого кино мы еще не видели. Были потрясены мастерской этой работой. Впечатление, что фильм сделал зрелый режиссер, человек, проживший долгую жизнь. Домой нас везли Тарковские, и Арсений сказал на наши восторженные комплименты: «Бедный Андрюша, трудно ему будет, очень трудно... Ведь он не отступится от своего видения мира, а ОНИ будут его ломать...» Так и было – не отступился и ломали, но не сломали...

*В нем жил страх за то, что будет дальше, после премьеры («Андрей Рублев»), страх отца и гражданина своей страны. Он знал, что будет дальше! И не ошибся ни разу...**

Это был страх отца за судьбу гениального сына, т.е. страх помноженный на страх.

После премьеры «Сталкера» Арсений Александрович в разговоре с Михаилом Казаковым, которого очень любил, сказал о фильме:

«По моему, это гениально», – как само собой разумеющееся, и, помню, что это меня не раздражило, а даже умилило. «Имеет право!» – подумал я.

* М. Аграновская. Я жил и пел когда-то. Томск, 1999, с. 48.

Последние годы жизни Арсения Александровича внешне вполне благополучные, по существу — абсолютно трагические. Он ездит за границу, его стихи начинает переводить переводчик Питер Норман на английский язык, выходят его сборники, он получает государственные награды. К 80-летию награжден орденом Трудового Красного Знамени («Боевое Красное Знамя» было его наградой в годы войны). Но и причин для страданий было много, и главная называлась — «Андрей».

В 1984 году на международной пресс-конференции Андрей Тарковский заявил официально о своем нежелании возвращаться в Советский Союз. Несколько слов о той спирали, которую чертит история этого рода. Вы помните то письмо, которое Александр Карлович писал сыну Валерию, умоляя его вернуться домой, хотя сам же и воспитывал его в духе любви к свободе.

Похожее письмо пишет Арсений Александрович своему сыну, взывая к нему всей болью сердца.

Я себя чувствую очень постаревшим и ослабевшим. Мне будет в июне семьдесят семь лет. Это большой возраст, и я боюсь, что наша разлука будет роковой. Возвращайся поскорее, сынок. Как ты будешь жить без родного языка, без родной природы, без маленького Андрюши, без Сеньки? ... Я очень скучаю по тебе, я грущу и жду твоего возвращения...

Кони судьбы мчались к своему роковому концу. Не вернулся Валерий, не вернулся Андрей. Да и могли ли они вернуться, до конца верные себе, своему призванию, — эти последние потомки шамхалов?

«Я как-то очень постарел в последние годы. Мне кажется, что я живу на свете тысячу лет, я сам себе страшно надо-

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ел... Мне трудно с собой ... с собой жить. Но я верю в бессмертные души.*

Отпевали Арсения Александровича в храме Преображения Господня 1 июня 1989 года и похоронили там же, вблизи церкви в Переделкине.

«Богу — Богово, кесарю — кесарево». В том же году, уже посмертно, за сборник стихов «От юности до старости» Арсений Александрович был удостоен Государственной премии.

*Предчувствиям не верю, и примет
Я не боюсь. Ни клеветы, ни яда.
Бессмертны все. Бессмертно всё. Не надо
Бояться смерти ни в семнадцать лет,
Ни в семьдесят. Есть только явь и свет.
Ни тьмы, ни смерти нет на этом свете.
Мы все уже на берегу морском,
И я из тех, кто выбирает сети,
Когда идет бессмертье косяком.*

* А. Тарковский. «Пунктир», с. 246.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

А.К. Тарковский

Сибирские
очерки

В гостях у Хамбо-ламы

От миссионерского стана Монда всего лишь верст 13 граница империи и 30 озеро Косогол, вблизи которого расположен Хотинский дацан. Я воспользовался случаем — как не побывать в «настоящей Азии»? — и на следующий же день по приезде в Монду отправился в путь. Мой проводник Донбахи не понимал по-русски, я — по-бурятски, и я не мог, следовательно, разговором рассеивать скуку пути. Я сначала было пытался беседовать с Донбахи при помощи известных мне бурятских слов и большого количества жестов — способ, блестяще примененный у Рабле известным Панургом в диспуте с англичанином, но Донбахи не отличался тонкой сообразительностью, и мы скоро умолкли. А дорога между тем становилась скучнее и скучнее. Едва переправишься у Монду через Ирку, как начинается подъем в гору, идущий лесной, очень неудобной тропой. Верст 11, до самого пограничного знака, тянется этот подъем, и чем выше, тем лес становится унылее; береза и другие породы исчезают, остается только редкая лиственница, но не та лиственница, которую мы привыкли видеть — стройная, высокоствольная, красивая, — а какая-то черная, корявая, неровная; ветви, точно исполинские, крючковатые пальцы, протягиваются от стволов и будто хватают вас. Ни зверя, ни птицы, только изредка черный ворон сядет на черный сук и каркнет зловеще-уныло.

Тропа идет по кочкам, поросшим сухой желтой травой; местами она точно намеренно усыпана острыми известковыми камнями с неизменной наледью. Лошадь ступает боязливо, спотыкается, а Донбахи и в ус не дует — поет себе свою дикую бурятскую песню и едет рысью по этой невозможной дороге, оставляя меня далеко сзади. По небу несутся свинцовые тучи; ветер холодной струей гудит вокруг; все безотрадно в этой природе — становится невыносимо.

— Эй, Донбахи, стой! — кричу я, чтоб иметь возле себя хоть живого человека. — Чего уехал вперед? — Негодую я и потрясаю кулаком. Донбахи смеется, я прихожу в отчаяние.

— Что, скоро конец Дабан-би? — Этим хочу я выразить, скоро ли конец этого подъема.

К счастью, Донбахи понял: «Дурбу верст» — и показал мне четыре пальца.

Эти четыре версты оказались, разумеется, легче, и вскоре через 21 версту, показался Хаюкский пограничный знак. На самой вершине 11-верстного подъема, на двухвершинном холме стоят две кучи, сложенные довольно тщательно из плит известняка. На одной куче повыше укреплен небольшой простой деревянный крест и положена листовничная ветвь — русский знак, на другой — две палки — знак великой Дайцинской империи. Отсюда начинаются безграничные степи Монголии, и перед зрителем, только что вышедшим из области крутин и падей, разворачивается равнина, уводящая все ниже и ниже вдаль, где на горизонте синеют воды Косо-гола. В этом месте граница проведена умно: монголу, живущему одним лишь скотоводством, отданы богатые пастбища и равнины, а русские взяли себе горы — во-первых, могучую естественную защиту, во-вторых, все же естественные богатства, которые могут быть в них найдены, и превосходный строевой лес и металлы. Конечно, пока никто ни леса не рубит, ни металлов не ищет, но это дело будущего, вопрос прогрес-

са Сибири, и раз будут созданы пути для ее самостоятельного развития, по этим пустынным горам пойдут исследователи и

*Железная лопата
В каменную грудь,
Добывая медь и золото,
Врежет страшный путь.*

У пограничного населения, у монголов с дайцинской стороны и бурят – с русской существует оригинальный обычай, связанный с Ханги. В определенный день, если не ошибаюсь в день Св. Николая летнего (*Саван Цбузун*) подданные обеих империй съезжаются к Хангинскому знаку и после взаимного угощения бараниной, водкой и тарасуном обмениваются пограничными дощечками как знаками международных отношений (*Эбмодо* – дощечки мира). Расколотые пополам при обмене, Эбмодо на следующий год в тот же день на новом съезде на границе примериваются одна к другой, и если приходятся – цари белый и дайцинский живут в согласии, если нет, то во вражде. Впрочем, и в последнем случае добрососедские отношения не нарушаются и дело заканчивается пиром.

С границы открывается вид на многоголовый Мунгу-Сардык, на гору ледников и вечного снега. Но с Ханги он не производит впечатления величественности, и красивыми мне показались лишь некоторые его вершины. Это, вероятно, надо приписать тому, что и зритель находится на очень высокой точке, и сам Мунгу-Сардык закрыт неуклюжим и неуместно поднявшимся дабаном, так что видна только одна его верхняя часть, а потому нет цельности вида. Говорят, что с другой (окинской) стороны он производит иное сильное впечатление. Когда я переезжал впервые границу, он закутался, как белой чалмой, кучей облаков, и я его не разглядел; но когда я возвращался в ясный день, его две вечно снеговые вершины сияли ярким, слегка розоватым светом, а от них на

восток, немного понижаясь, шло, несколько почему-то не покрытых снегом красноватых пиков, и можно было рассмотреть, что они носят тот же тункинско-альпийский характер: утесы, террасы, скалы и пропасти. Как говорят, экспедиция полковника Бобыря пыталась было совершить восхождение на вершину Сардыка, но безуспешно: сильные туманы три дня не допускали туристов и останавливали их почти в начале восхода, и высота его так и осталась непроверенной.

«Не пушат», — заключил передававший мне это казак. «Кто не пушат?» — «Известно — он: хозяин Мунгу-Сардыка, циклоп — старик с зубами».

Верстах в шести от границы на дайцинской территории стоял Хангинский ветеринарный карантин — монгольская юрта, где жили два казака, единственным официальным признаком миссии которых служило большое медное тавро «Х.К.» для накладывания на выстоявшем 21 день скоте. Этой карантинной юрте следовало бы стоять в пределах Российской империи, но так как в этих пределах нет ни воды, ни дров, то сочли нужным нарушить международное право и все трактаты — поместиться на чужой территории, пить дайцинскую воду и жечь дайцинские дрова.

На Западе это вызвало бы «дипломатический инцидент», но здесь относятся к этому совершенно равнодушно, потому что земля, вода и леса — все это божье и принадлежит одинаково всем. Только ламы, более сведущие в международной политике, проявили свое недовольство и сочли нужным утереть русским нос. Однажды двое лам явились в карантинную юрту и уселись прямо на лежавшие сухари. Казаки обиделись: «Это мы ведь едим, это хлеб божий, а вы так ... и сели». — «А как вы, живете на нашей земле, изводите наш лес, да еще и рассуждаете?..» Ламы встали и уехали. Инцидент этим и окончился, и Дайцинская государственная честь была восстановлена посрамлением российских сухарей.

Взяв с собою одного из казаков в качестве переводчика — мой Донбахи по-русски знал только одну совсем неприличную фразу, — я поехал в Хангинский дацан, отстоящий верстах в 3-х от Косогола, где имела местопребывание особа важная — Хамбо-лама; так сказать, лама-прелат.

Верст 15, отделявшие нас от дацана, мы сделали не более как в час. Дорога — едва ли в Монголии можно употреблять это слово — шла почти без всякой тропинки, напрямик по ровной, но болотистой и кочковатой степи. Небольшие бурятские лошади все время шли сильной ровной рысью, и я, как новый человек, только удивлялся, как могут они, неподкованные, так быстро и уверенно бежать по кочкам, промеж которых лежал лед. И нигде не скользнет, не споткнется у них нога, точно это гладкая, укатанная дорога русской деревни. Скоро мы были у дацана. Масса маленьких деревянных дворишков располагалась вокруг своего центра — главной кумирни неприятного низкого здания, очень похожего на сарай, с крышей китайского типа с изогнутыми вверх углами. Все это было обнесено общим забором — плотным частоколом, в котором виднелось много дверей, выкрашенных в желтую краску. Многие домики и кумирни окрашены краской, но краска от времени сошла и выглядит очень неказисто. Мы остановились у первой двери. Нигде не видно было ни души, только десятка три собак, громадных, лохматых, окровавленных, лаяли, рычали и грызлись из-за самки. Стукнулись — заперто, вторая дверь — тоже, мы дальше — везде заперто. Не у кого спросить, а тут еще эта шайка диких псов — ну вдруг кинется, может с лошади стащить и растерзать на куски. Но вот из-за частокола высунулось сразу с десятка серых голов с серыми лицами, принадлежащих, очевидно, мальчикам. Мы к ним. Кое-кто спрятался, другие, похрабрее, с любопытством смотрели на нас, и один, в каком-то курьезном чепчике с желтыми

концами, отважился повести нас через несколько двори-ков и проходов к квартире Хамбо-ламы, но ни за что не согласился доложить о нашем прибытии. Я послал казака, тот немедленно вернулся с дозволением: «Можно зайти». Откуда-то взялся хабарок, провел нас в юрту, где мы сложили свои шубы, а затем я, не без некоторого смущения — я не знал ни языка, ни обычаев, ни правил монгольской вежливости и боялся какой-нибудь неловкостью оскорбить столь почтенную особу, — вступил в жилище Хамбо-ламы — один из крохотных домиков с красной крышей и дверью. Двустворчатая дверь европейского типа и на петлях вела в узенькие сени, шедшие во всю ширину домика. Сплошная деревянная стена разделяла домик на две крохотные, узенькие комнаты. В первой, освещенной двумя круглыми стеклами в одной раме, стояли какие-то скамеечки и вообще было бедно и пусто, во второй налево находился сам Хамбо-лама.

Комнатка сажени две длиной и не более сажени шириной, с маленьким окошком в одно стекло, годилась бы более для тюремной камеры, чем для жительства ламаисткого владыки и казалась еще меньше от скудной мебели и наших особ. В одном конце комнатки стояло большое и широкое кресло, обитое желтой материей, и в нем сидел, поджав ноги по-восточному, сам Хамбо-лама, довольно древний старик в желтом засаленном халате. Направо от него стоял трехногий неровный столик с вогнутой наподобие чаши доской, в которой лежала куча всевозможных четок. Дальше стоял другой с двумя круглыми молитвенными мельницами, очень напоминавшими коробки для папирос, затем божница — обыкновенный шкафчик-буфет, со стеклянными дверцами, за которыми на полках стояли металлические бурханы, а перед ними ряд жертвенных чашечек, довольно изящных, с оригинальной туземной горельефной резьбой, два медных гальванизированных европейских подсвечника со стеклянными шарами

сверху и подставка для курительной палочки, изображающая человеческую фигуру из красной меди. Таких подставок я видел потом пару в кумирне, и работа их, для кочевой Монголии, очень и очень недурна. За божницей опять стоял буфет с какой-то мало понятной фигурой из черного дерева, подарок, по словам Хамбо-ламы, от богдо-хана, изображающий какого-то бурхана. Затем вдоль всей стены кучи стеганых кошм — сиденье для гостей поважней и несколько кусков потника, лежащих прямо на полу для гостей простых. Налево от Хамбо — шкапик европейской работы, составляющий вместе с креслом подарок одного из русских купцов. У переборки стояла плохонькая железная печь. Свету от единственного окошка было мало, но воздух был чист, пол подметен очень аккуратно, но не видно, чтоб его когда-нибудь мыли.

Когда я вошел, Хамбо-лама изволил кушать. Перед ним на низеньком столике стояла круглая фаянсовая чашка, вроде тех, в которых полощут чайную посуду, с рыбой вареной или жаренной в масле и с чем-то очень похожем на крупчатую лапшу. Из этой чашки Хамбо-лама, посредством трехзубого черепахового орудия, похожего на гребешок, что женщины носят в волосах, перекладывал пищу в маленькую чашку и затем из нее, улавливая куски трезубцем, отправлял их в свой почти беззубый рот.

Я подошел к нему и подал руку. Хамбо поставил чашку на столик, взял в свои обе руки мою, выразил на лице удовольствии и испустил такой комичный, протяжный, похожий на бляение звук, что я едва удержался от смеха, и затем заговорил что-то по-монгольски. Я, конечно, со всей европейской вежливостью, не вынимая из его рук своей, осведомился о его здоровье, о том, как он поживает, все ли у него здоровы и что у них нового. Мой переводчик все это передавал, и хотя Хамбо что-то очень быстро и мило говорил, но все это в переводе казака означало только — «лад-

но». После этого казаку было указано место против Хамбо на куске кошмы, а мне направо на почетном месте. Появился хабарок и остановился в почтительной позе.

— Ча, — скомандовал Хамбо.

— Днзе, — ответил тот и исчез.

Хозяин наш принялся без церемонии снова вкушать трезубцем и рассматривать меня от сапог до волос. Скушав все — я не заметил, чтоб он вытер рот, — он вступил с нами в разговор. Надо сказать, что этот Хамбо имел сильные связи и влияние в местной верховной администрации — занчином был в то время его племянник — и пользовался очень большим весом. От привычки ли повелевать или от глухоты, которой, впрочем, не было заметно, он, собственно, не говорил, но кричал, и кричал довольно сердито. Он спросил, кто я, откуда и зачем к нему приехал. На первые вопросы я ответил без особенного затруднения, но последний — зачем? — меня поставил в некоторое замешательство. Ответить правду — сказать, что я приехал из чистого любопытства с целью посмотреть его и дацан, как смотрят этнографические коллекции, я считал неудобным; притом, что, имея сильное желание посмотреть кумирни — на что разрешение им не всегда дается, — я хотел расположить его в свою пользу. Поэтому я, признаться, прилгнул и сказал, что я потому к нему приехал, что я прослышал про его мудрость и хочу ввиду этого с ним познакомиться. В сущности то, что я о нем слышал от разных лиц, это то, что он скупой, жадный старик и что он свершил следующую пакость. Именно, приехал он однажды в гости к Мондинскому миссионеру и, оставшись один в зале, стянул со стола и спрятал скатерть. Приходит хозяин — скатерти нет. «Где скатерть, кто взял?» Хамбо делает вид, что это к нему не относится. «Говори, ты взял?» — «Нет, не я». — «Неправда, ты, давай назад». Тот спокойно вытаскивает из-за пазухи скатерть. «Это твоя? Ну, так на тебе».

«Мудрость» сделала свое дело. Хамбо растаял, что было видно по его ослабившейся физиономии, и долго не мог успокоиться: кто да где про него говорить мог? Я сослался на тьму разных лиц.

Появился хабарок с длинным медным прямым сосудом с чаем. Раздалась команда, согнувшийся под прямым углом хабарок с своим *Днзе* (слушаю) поставил мне скамеечку, чашку с чаем и другую с сухими пенками — очень вкусными и чисто, по виду, приготовленными, и лепешкой из ржаной муки с какими-то не то буквами, не то знаками, оттиснутыми, должно думать, дощечкой. Была ли лепешка испечена или только высушена — я не могу сказать, но она, из непросянной муки и прокисшая, имела отвратительный вкус. Кирпичный чай с затураном (сушеные сливки) и сметаной был настолько вкусен, что я пил чашку за чашкой; мне, как только я осушал ее, наливал хабарок, внимательно следивший за мной, тогда как казак наливал чай себе сам, и хабарок не обращал на него ни малейшего внимания. Хамбо тоже пил и время от времени, ослабляя свой беззубый рот улыбкой, обращался ко мне по-русски: «Пэй чай». Это «Пэй чай», ему самому, видимо, чрезвычайно нравилось.

С собой, как того требует этикет, я привез Хамбо-ламе подарок — большой желтый шерстяной шарф, я держал его все время в руке и, поглощенный рассматриванием Хамбо и его обстановки, совершенно забыл о подарке. Хамбо несколько раз посматривал на сверток, лежавший теперь около меня, и наконец не выдержал: «Что это ты, подарок привез? Давай». Я развернул, вынул шарф, показал его употребление и подал его Хамбо. Он принял с серьезным и солидным видом и так, как будто я был даже обязан к этому. Он развернул шарф, примерил медленно, спокойно, даже торжественно, потом тщательно и молча свернул. Я ожидал слов благодарности, хоть кивка головы, — ничего. Потом вдруг — это меня даже немно-

го шокировало — потребовал бумагу и веревочку, в которых был завернут шарф, и все это спрятал в ящик божницы.

Напившись чаю, мы собрались идти на осмотр кумирен в сопровождении хабарка, получившего какой-то строгий и длинный приказ и все время отвечавшего непрерывным жужжанием: «Ззеззее...» Я, надев перчатки, собрался было переступить порог, как Хамбо что-то сказал и поманил меня пальцем. Я подошел. Он молча и сосредоточенно снял с одной руки у меня перчатку и надел на свою, затем снял другую, тоже надел, стал осматривать, складывать и растягивать пальцы, смотреть на свет. Но никак не умел он застегнуть механической застежки, и, когда я помог ему в этом и лайковые мягкие перчатки на нежной теплой подкладке приятно и гладко обтянули ему руки, выражение лица Хамбо вдруг сделалось умоляющим, рот раскрылся и Хамбо, испустив опять смешной BLEЮЩИЙ звук, стал говорить что-то таким тоном, каким дети просят у мамы конфетку. Он просит подарить ему перчатки: ему так они понравились, он не может с ними расстаться и пр. Он был так наивно-жалок в эту минуту и казался вообще таким ребенком, что я готов был удовлетворить его, но мой казак вступился за мои интересы. «Вы ему только уступите, так он, животное, всего вас оддерет», — без церемонии громко сказал он и от моего имени — я не успел ничего еще сказать — категорически отказал. Лицо Хамбо сделалось озабоченно-серьезным. Он полез в ящик и начал копать в нем. «Ну так променяйся, я дам новые». Я оставил перчатки на руках Хамбо и ушел в кумирни.

Я не стану описывать всех этих бурханов, доткитов и вообще всех предметов ламаистского культа. Они занимали много отдельных дворики и небольших кумирен, в которых они помещались согласно своей классификации: в одном месте одни дошкиты, в другом — майдари, в третьем — шагьямуни и т.д., а бог войны и охоты — особа с громадными уша-

ми и глупой красной рожей, в плохой кольчуге, с копьём, луком и нагайкой, занимал один целое помещение. В кумирнях, размером побольше, стояли все сорта бурханов. Все они отличались от виденных мною раньше только величиной, да иногда материалом, из которого сделаны: много было в человеческий рост и из меди, которую хабарок, чтоб хвастнуть перед варваром, назвал золотом. Для этого дацана характерен значительный культ «Саган-Убутуна» — принятого в ламаистский пантеон св. Николая, изображение которого — лысый старик с длинной седой бородою, сидящий скрестив ноги и боком на изюбре и с жезлом в руке, встречалось очень часто и в виде статуэток из дерева, и в рисунках, повешенных на стене. Что «Саган-Убутун» происхождения арийского, видно по огромному непропорциональному носу, данному ему повсюду художником-ламаистом. Одежда на нем — монгольский халат, а сапоги китайского фасона.

В этой громадной коллекции священных предметов меня заняли многочисленные китайские эмалированные вазочки, служащие для жертвенного масла, изящные, тонкого, часто художественного рисунка. Затем какие-то фигуры, цветы из окрашенного коровьего масла, всюду встречающиеся и занимающие в главной кумирне целый стол перед статуями Шагья-Муни. Интересны также две ручные работы. Одна — я думаю, микрокосмос, где изображен ход вещей в мире, — лес, в лесу бегают разные звери; дома, около которых люди (разумеется, не белые варвары, а настоящие желтолицые люди) занимаются различными делами; кумирня, около которой два субъекта в желтых петушьих шлемах дуют в трубы, и пр. Правда, нельзя сказать, чтобы работа отличалась особенной точностью и совершенством, но, как образчик этнографический, эта работа чрезвычайно интересна, по ней можно судить и о степени скульптурных (и мозаичных) способностей народа, и о мировоззрении благо-

честивого художника-ламы. Но другим характером отличается тут же стоящий и прикрытый шелковым платком домик – жилище какого-то бурхана. Сделан он из золота, и терпеливая, тонкая, изящная работа приковывает к себе внимание. Домик этот вершков 8 длины, 6 ширины и столько же высоты и изображает из себя постройку строго китайского стиля, с несколькими, одна над другой, крышами, углы которых изогнуты кверху и изукрашены всякими фигурами. Общая галерея на столбиках идет кругом всего дома, и с крыши висят фонарики. Столбики оканчиваются тоже фигурками, – и вообще фигурные украшения в обилии размещены всюду. Эта игрушка, стоившая ее создателю, несомненно китайцу, громадной затраты труда и времени, вышла действительно художественным произведением. Пропорциональность частей и кропотливая тонкая искусная отделка столбиков, карнизов, крыш и фонариков и пр. могли бы с честью занять место в любом европейском ателье.

Видно, что в дацане этим предметом очень гордятся. Когда я открыл покрывающий его платок и долго рассматривал, и наконец чмокнул несколько раз языком, как делают буряты при виде всего удивительного, хабарок пришел в необычайный восторг и заржал от смеха.

Китайские произведения мне попались еще в другой кумирне в виде двух картин, писанных тушью и красками, небольших по размеру и повешенных на стене над рядом статуэток-бурханов. Изображают они женщину, лежащую на ковре среди комнаты, перспектива которой хотя и соблюдена, но довольно плохо. Нарисовано собственно тело, почти целиком обнаженное и вырисованное очень тщательно, но туфли и платье не нарисованы, а приделаны в натуре из шелка, так что к ногам прилеплены черные туфельки, точно так же, как и полы рукавов и ворот курмы этой дамы и ее ковер изображают куски красной шелковой материи. Картинки эти я го-

тов отнести скорее к китайской порнографии, и как они попали в число бурханов — я не компетентен судить. Тут же висела на гвоздике — к моему великому удивлению — таблетка от отрывного календаря Э. Гюппе, на которой изображен мальчик, цветы и еще что-то. Хабарок счел своим долгом указать мне в особенности на эту таблетку, считая ее, вероятно, великой редкостью и любопытной для меня — европейца. «Это бурхан?» — спрашиваю я, недоумевая. «Да, бурхан». — «Какой бурхан?» Хабарок объяснить мне этого не мог.

Тут же в ряду бурханов и, вероятно, на их положении стояли два чучела птиц.

Я не успел обойти все небольшие кумирни. Я торопился, и притом мне хотелось посмотреть главный храм, где, как мне думалось, должны быть собраны целые богатства предметов культа. Но в храм хабарок нас не повел, не имея на то разрешения от Хамбо, и мы должны были возвратиться к нему за его получением. У Хамбо мы застали еще двух лам. Грязная шея каждого из них казалась черным сапогом, а руки были покрыты слоем грязного жира. Оба они были в оборванных халатах и с грязнейшими желтыми тряпками через плечо. Все трое у окна рассматривали мои перчатки, и Хамбо немедленно с просительными звуками подал мне в обмен пару замшевых перчаток зеленого цвета — подарок европейского купца. Я принял. Тогда Хамбо дал мне разрешение осмотреть главный храм и ввиду моей уступчивости предложил поменяться с ним спичечницами: за мою металлическую он предложил коробку от шведских спичек фабр. Паршакова. Но я не согласился, что не нарушило наших добрых отношений, так как Хамбо коробочку свою спрятал и мне как гостинец подал чайную фаянсовую китайскую чашку с кусочком пенек; пенки по его настоянию я должен был съесть, а чашку спрятать в карман. Затем он очень убедительно просил прислать ему птицу, т.е. чучело. Мы очень

радушно распрощались, и я в сопровождении нескольких столь же грязных лам, с такими же серыми лицами и черными шеями, пошел в главную молельню.

Но ожидание мое — найти сокровища культа — было жестоко обмануто. Ряд гегенов да несколько Шагья-Муни из меди в естественную величину, перед которыми в виде жертв стояли работы из масла, — вот все, что стояло в большой темной зале, в углах которой были навалены кучи сору, да и вообще пол и стены и все вообще здесь очень напоминало конюшню. Типична была лишь большая статуя одного из дошкитов, изображенная в момент полового процесса: этот дошкит, серая женщина с огромными выпяченными глазами, наивно-циничное изображение акта, без каких-либо прикрытий, производили отвратительное и нелестное для ламаизма впечатление. Ламы же, видимо, находили это очень забавным и усердно хихикали, пока я рассматривал фигуру, но сейчас же делали серьезную физиономию, как только я поворачивался. А ведь, в сущности, это было ничто иное, как грубо-наивный символ зарождения жизни.

Осмотром храма закончилось мое посещение дацана. Я уже выезжал из ограды, как мне снова пришлось столкнуться с Хамбо: он совершал естественное отправление, но, нимало не смущаясь, принялся кричать мне: «Мырор (прощай)». Я невольно рассмеялся: но мог ли я требовать, чтоб мои понятия о приличии были обязательны и для сынов Азии?

Солнце зашло уже, и спускалась ночь. Отдохнувшие кони мчались через степь, и скоро мы сидели в юрте и мирно пили с Донбахи чай.

Я рассказывал казакам о дацане и показал им подарок Хамбо — чашку.

— Ишь ты, скупой! Ему — шарф, а он — чашку. Что ж, он то же, что и прочие мунгалы, — животное, скотина!

По отношению к административной ссылке наше конституционное время отличается от реакционного и абсолютного периода гр. Толстого и его преемников тем, что теперь ссылают предпочтительно в места, почти невозможные для жизни, где и коренное население постепенно вымирает, как, например, Нарымский, Туруханский и Обдорский края, а прежде ссылали туда, где был организован надзор; надзор же этот находился в более населенных пунктах средней и южной Сибири. И только евреи — эти патентованные и нераскаянные бунтари — отправлялись к Полярному кругу якутской области, в Средне-Колымск, где рыба в виде единственного пищевого продукта и шестимесячная ночь должны были вконец истребить их замыслы об устройении Одесской республики на развалинах империи. Христиане же нередко попадали в прелестные места, которые разочаровывали их мечты о подвижничестве и страдании за идею, и, вместо того чтобы быть «заживо похороненными в снегах», они находили порой чудную природу, дешевую и сытую жизнь, а также обширное поле бытового и этнографического наблюдения.

Селение Тунка, куда нас, человек двадцать, забросила воля департамента полиции, представляло в географическом и административном смысле заброшенное место, но в действительности превосходный и спокойный уголок.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

Это была столица обширной долины, запертой со всех сторон горами, тяготившими с непривычки степные глаза, привыкшие к беспредельности равнин, но зато обладавшей дивным пейзажем, суровой, но величественной природой, налагавшей на думу неизгладимые впечатления. Да не посетует читатель, если я повлеку из своих старых заметок несколько воспоминаний о природе Сибири, той природе, которая покорила меня, заставила понимать и любить себя и до сих пор согревает меня своими образами, суровыми, но величавыми, грандиозными и часто изящными.

Горы

Массивный и широкий хребет Тункинских Альп или Гольцов, протянувшийся от горного узла Нуку-Дабана до деревни Максимовской на расстояние 270–280 верст и разбивающийся на этом протяжении — по своим контурам и внешнему виду — на две части, против села Тунки достигает наибольшей высоты и грандиозности.

Крутые каменистые, соединенные остребрыми, громадной высоты стенами, системы отдельных гор и небольших по длине кражей, между которыми пролегают длинные то правильные, то идущие зигзагами, но всегда обрывистые ущелья, вернее пропасти; более низкие, но с голыми вершинами горы, составляющие как бы передовую цепь, из-за которой выглядывают пики великих массивов; дикие, но величественные очертания; темно-серый, мрачный, угрюмый вид верхней части и темная лесная зелень нижней; точки и полосы снега, борющегося с солнечными лучами где-нибудь высоко-высоко, на теневом скате, ослепительным светом сверкающие в ясный день, — таков вид Гольцов из Тунки, когда небо совершенно чисто, и водяные пары, ползущие в воздухе, не застилают дымкой перспективы. Тогда их очертания часто до рельефности ясны; они как бы подходят к вам поближе, и вы можете разглядеть и конфигурацию вершин, и линию скатов, и белые дорожки в падах, по которым несутся быстрые бурливые горные речки.

Но когда после долгого зноя воздух наполняется поднявшимися от земли и охладившимися на высоте водяными парами и все вдаль обливается белесоватой дымкой, иногда очень густой, Гольцы точно уходят на бесконечное расстояние; сначала пади заволакиваются пеленой, но еще видны гребни и скаты, и вершины; потом исчезают в тумане и пади, и гребни, и скаты, — и напряженный взгляд видит где-то вдаль только контурную линию вершин хребта, в прихотливых извивах и зигзагах уходящую в туманную даль... Туманное море все выше и выше; горы тонут, и таинственная завеса, клубясь и волнуясь, скрывает до утра загадочный горный мир, где человек — гость редкий и случайный, где полный властелин — семиглавый Мангаткай, царящий над поколением давно-давно прошедших времен, бежавшим туда от людской злобы и превращенным в камень.

Зимой вид Гольцов изменяется. Первый зимний снег, который в долине обыкновенно тает, на Гольцах остается и, укрыв их точно блестяще-белой ватой, смягчает их суровые очертания. Вырисовываясь на темном фоне долины, они выступают колоссальными глыбами, но уж без острых ребер и обрывов; одноцветность и яркость снежного покрова скрадывает углы и острые очертания, и только верховые пики по-прежнему поднимаются, как зубцы, над потерявшими свой летний облик массивами. Еще несколько снегов — и все долины, леса, горы и предгорья теряют свои границы: не видно, где кончается одно, где начинается другое; в ярком свете, отраженном от снеговой поверхности, скрываются все оттенки, и нередко глаз не в состоянии отличить глубокой пади от составляющих ее горных скатов; перспектива становится однообразной и томительной.

Но зато взор награждается картинами иного рода. Чудны Гольцы в зимний ясный день в час восхода солнца, так чудны, что оторваться от них не хочется, и, смотря на них каждое ут-

ро в течение долгой зимы и видя всякий раз одно и то же, все-таки любишься с тем же чувством, отдаешься с той же полнотой эстетическому созерцанию красоты, как и в то первое утро, когда взор был прикован невиданным дотоле зрелищем.

И на Гольцах, и в долине еще лежат последние сумерки; все еще серовато и бледно, только облака уж зарделись багровыми полосками, которые вскоре сливаются в один ярко-красный тон.

Еще немного — и несколько пиков, точно далекие факелы, загораются густым пурпурным огнем, от которого испуганные ночные тени бегут в ущелья и пади и оттеняют осветлевшие высоты.

Скоро пурпурный цвет теряет свою напряженную густоту, спускается ниже и, разливаясь по всем вершинам, обливает их потоками неясного чудного оранжевого света с массой оттенков — от желтого на вершине до густо-оранжевого на скате. Так в середине хребта его южная часть уж белеет, уж встречает солнце, тогда как ряд гор от Тунки к востоку или еще погружен в тень, или только едва-едва начинает загораться. Еще минуты — и вдруг вершины, скаты, все массивы в один миг загорелись, заблестали разноцветными огнями, как переливы бриллиантов, как сверкание перлов и самоцветов, которые волшебная рука миллионами рассыпала по горам, чтоб показать солнцу во всей их красоте. Взор очарован, но чудная панорама исчезает: еще кое-где догорают яркие блески, вот они уж погасли, и весь горный хребет заливается волнами тихого мягкого белого света; все тени в нем исчезают; ночи уж нигде нет, и горы, какие-то нарядные, радостные, просветленные, проснулись уж совсем и в сиянии встречают восходящее светило. Высоко прекрасна эта минута: просветляется и душа и все мрачное сходит с нее, как с горы ночная тень, и чувство тихой отрады наполняет сердце...

В горах

Где-то вдали слышалось не то ворчанье, не то какой-то рокот попеременно со звонкими нотами...

Еще немного — и знакомые звуки горного ручья, дугой подошедшего к дороге, становятся совсем уж ясны и наполняют и оживляют собой лес. Два-три поворота — и перед нами Аршан (ручей), к истоку которого мы едем. Переливаясь серебристыми звуками в общем шуме басовых нот, как неустановившийся голос юноши, весело пробегает он в аллее светло-зеленых берез и, прыгая с камня на камень, образует массу крошечных водопадов.

Аршан уже не покидал нас. Чем дальше, тем все шумливее и шумливее становится, он и, наконец, в истоке своем заревел без преувеличения бешеным ревом. Дорога пошла у самой подошвы одного из Гольцов, и мы приехали.

Да и ехать дальше нельзя было, хоть бы хотели этого. Подъемы сразу градусов в 35 были всюду — направо, налево, — а впереди озеро, образованное водами Аршана, топкое и обросшее высокой желтой травой.

На одной из таких крутей, очень низко впрочем, врезалась каменная глыба, покрытая вся мохом, из-под которой вытекает небольшая струйка. От этой скалы вниз в небольшой ложбине разбросаны там и сям среди кустов смородины разной величины мшистые камни, и из-под каждого так-

же вытекает струйка. На небольшом расстоянии от первой и эти струи уж сливаются в ручеек, бегущий то по камням, то меж ними. Несколько саженей вниз — и маленький ручеек, воспринимая по пути массу струек и почувствовав свою силу, со страшным шумом и ревом, могучей энергией и напором кинулся с горы вниз. Через стволы и камни, извиваясь как змея, он несется на равнину, чтоб замолкнуть где-нибудь в тихих водах лесного озера. Гейне в своих стихах, говоря о горной речке Ильзе, в полном чудной поэзии описании ее, облекает ее в образ живой, кокетливой и игровой красавицы:

*Я зовусь принцессой Ильзой,
В Ильзенштейне замок мой!*

И действительно, горные реки так и просятся на подобные сравнения. Невольно в своем воображении даешь образ и Аршану. Это не ручей, это прекрасный и сильный юноша, полный жизненной энергии, порывов, жажды деятельности, вырвавшись наконец на свободу, стремится на борьбу, и жизнь кажется ему триумфальным шествием. Но проходит время, силы надорвались, энергия ослабла — и юный Аршан, пройдя топи и озеро, уж не ревет, не ломает препятствий, а обходит их, и в его шуме слышно уж много жалобных звуков...

В горах солнце рано заходит. Еще не было и семи часов, как начались уж легкие сумерки; все гуще и гуще становились они; долины и пади закутались мглою; тайга почернела и стала вдруг непроглядной стеной; только где-то далеко вверху еще светлела какая-то вершина, но скоро и она ступевалась, исчезла, — и все вдруг погрузилось в глубокий, полный грозной таинственности мрак. Костры запылали. Огневые языки поднялись кверху, и их красный свет пролег полосами и пятнами то по траве, то по корням свалившегося дерева, казавшегося во тьме гигантским пауком, то

бледными пятнами мелькал по стволам еще более почерневшей тайги: костер то вспыхнет, то пригаснет, и прихотливые тени перебегают с места на место. Деревья над Аршаном слились в темный грот, и только две лишённые листвы осины освещены во весь рост. А потом ревет во тьме, как дикий зверь. Нервы работают до напряжения; вами овладевает особенное чувство какой-то сладкой жуткости. Не отрываясь смотришь на костер, на тени и прислушиваешься к реву потока. Трудно уловить его основные ноты; в нем тысячи звуков: то ярости, то неопределенного шума, то жалобной воркотни; то кажется, что среди гула сотен молотов рассыпались серебряные монеты; то вдруг зазвучит пронзительная нота, точно что-то порвалось в недрах потока и он застонал от боли...

...Еще солнце не вышло из-за гор, как мы, напившись чаю и тщательно зарядив ружья, направились к гольцу, вершина которого составляла цель нашей экспедиции. Наш проводник — крестьянин, привязавший к подошвам «базыки», род подков с шипами, употребляемых охотниками в горах, шел впереди с рогатиной в руках; мы брели гуськом сзади. Дорога шла через тайгу и огибала голец, признанный нами «низким и недостойным восхождения».

Тропинка, протоптанная неведомо кем, зверем или человеком, скоро исчезла; мы двигались по соображению, то проваливаясь по колено в сырой зеленый мох, то перелезая через толстые валежины. Вечная тень от густой листвы сцепившихся между собою ветвей не пропускала солнца, и нога скользила по не высыхающему никогда зеленому ковру.

Так прошли мы с версту.

Но вот блеснул солнечный свет, и перед нами развернулась чисто альпийская равнина. Внизу обрывистого берега, на котором мы стали, шумя и играя звуками, неслась

вниз горная река, и ее русло, усеянное валунами всех цветов, от молочно-белого до темно-серого, и всех величин, от горошины до двухаршинной глыбы, светлой лентой извивалось далеко-далеко вниз меж обрывистых скалистых берегов, поросших высокоствольными лиственницами и рядными веселыми березами, между которыми красными полосами выделялись стволы сосен. Пронизанные солнечными лучами и блестя бриллиантами, ниспадая с камня на камень, брызгаясь и струясь, неслись воды. Река постепенно в перспективе суживалась и, виднеясь в конце узенькой полоской, затеривалась где-то в темно-зеленой тайге. Направо, к горам, берега как будто бы приступили к реке, как будто захотели преградить ее вольный бег: два утеса, точно отрубленные по вертикали волшебным топором, один серого, другой красноватого камня, стали друг против друга высочайшей стеной, а за ними вверх, направо, налево — скаты гольцов, замкнутые пиками и скалистыми гребнями. Ряды каменистых террас, гигантские уступы на фоне темной зелени, залитой солнцем, неприступные по своей отвесности, составляли как бы колоссальную лестницу к вершинам. Противоположная же сторона была погружена в тень, таинственным покровом одевшую половину горного массива. Резкие переходы цветов, дикие горные громады, сверкающая в порогах река, даль перспективы и подавляющие размеры — все это в общем, соединяясь в гармонии красоты, грозной и величественной, производило сильное и чарующее впечатление.

На горы

Набрав в тисы чистой, как горный воздух, воды, мы перешли на противоположный берег, и там начался наш трудный долгий, медленный путь восхода. Перед нами сразу предстал поросший мелким осинником чрезвычайно крутой подъем, градусов в 45. Взойти по такому подъему саженей 50–60 не особенно трудно, но если он тянется саженей 150–200 и чем выше, тем круче, то восход становится почти невыносимым, крайне напряженным трудом. Опираясь остроконечными палками и каблуками, цепляясь за прутья, тяжело дыша и употребляя массу усилий, мы лезли вперед и очень часто стали отдыхать. Но вот наконец отлогая площадка — и круть осталась за нами. «Ну, подъем, — невольно вырвалось у всех, — такого больше не будет». Увы, мы ошибались.

С площадки, по-видимому, начинался настоящий скат и, сколько мог проникнуть вверх через деревья взор, виднелся подъем и подъем, поросший густо широколиственным папоротником. Но это не облегчило пути; мы двинулись и сейчас же почувствовали, что наша задача не из легких. Подошвы сапог быстро отполировались о растения, края каблуков притупились, и нужно было рассчитывать только на упор ноги и силу рук.

Воткнув перед собою палку, опираешься на нее и втягиваешь наверх все тело, ноги же служат только для того,

чтобы не скатиться вниз. Вот выберешь себе где-нибудь опору — камешек, корень папоротника или ствол дерева, но вдруг нога соскальзывает и катишься вниз шага два-три, которые только что сделал с таким трудом. Три шага вверх и два вниз; ухватился рукой за папоротник — он рвется; станешь на камень — он ползет вниз, не выдерживая тяжести, — и вот, пройдя, вернее втянувшись на мускулах рук, по скату шагов 100 в течение 20–30 минут, падаешь в тени усталый, обливаясь потом, а впереди еще подъем, еще, еще, и кажется, что ему и конца не будет.

Чем дальше, тем восход становится труднее. Его угол не увеличивается, но уменьшается сила в теле; нет уже такой энергии, ноги дрожат и подвертываются, сердце усиленно бьется, кровь стучит в виски, и пот не каплет, а струйками бежит по всему телу: не только рубаха, но толстый ременный пояс блузы давно уж пропитан им. Воды, воды — живительной влаги; но на высоком гребне, по которому мы поднимаемся, держась ската, чтобы не ошибиться в направлении, ее нет, а взятый с собою запас ее нужно беречь, потому что путь далек еще. И, дрожая за каждую каплю, жадно пьешь два-три глотка, далеко не утоляя жажды, а только несколько охлаждая воспаленное горло. Но скоро не стало воды совсем. Мы начали восход часов в семь, а в десять мы выпили все и даже вылизали небольшой туюсок сметаны. Осталось только несколько реп, предусмотрительно кем-то захваченных в виде еды, но сослуживших нам великую службу как питье. Выпита вода — все несколько приуныли, но все же пошли. Восход, уже и без того тягостный, начал томить еще жаждой, а перед нами все круть и круть. Кажется, что вот в вышине есть отлогость и будет легче, но это обман перспективы. Отдыхи и привалы становятся чаще и длиннее; поднимаемся уже устало, лениво — ах, где же и когда же конец? Все лес, все подъем; березы уже давно исчезли; лес лиственниц высокост-

вольных настолько, что дивишься, как могут удержаться на наклонистом скате такие великаны, прямых, как стрела, и с острой, как стрела, вершиной уж остался позади, и только там и сям попадаются отдельные экземпляры, но зато на их место начались густые кедровники, к нашему удивлению совершенно лишенные шишек. Пролетают кедровки и, не смущаясь присутствием людей, садятся близехонько от них; попавшаяся белка падает под выстрелом; кедры, кедровки и белки — говорят о значительной высоте, между тем, смотря через падь на соседний голец, с печалью видишь по сравнению, что взобрались мы не бог весть как много. Но вот деревья поредели, видно открытое место. «Конец, конец», — радостно восклицают передние. Остальные торопятся, но только затем, чтоб услышать, что это «начало конца».

Гребень горы, до сих пор имевший шагов 10 в ширину, в этом месте сразу сузился, заострился и пошел каменистым, усеянным крупными известняками ребром. Сначала по нему можно было идти; потом пришлось ползти на четвереньках, наконец сузился до 3–2 четвертей, и надо было уже вперед двигаться верхом, при помощи рук. Через несколько аршин он закончился утесом, сразу и по отвесу обрывающимся вниз на 4–5 сажень; налево шел чрезвычайно крутой, поросший кедрами скат, направо — сначала перпендикулярный, потом — несколько отлогий обрыв, безусловно неприступный и уходящий на сотни сажень вниз в падь, откуда слабо доносилось журчанье горной реки. За конечным утесом снова шел гребень, в диком беспорядке уложенный серыми острыми глыбами известняка, меж которыми подымались вверх многосаженные скалы той же породы. Это не была вершина, она виднелась над гребнем, и хоть казалась близкой, но мы по опыту уже знали, что такое близость в горах, где чистота воздуха и обманчивость перспективы так сильно скрадывают расстояния. Путь по гребню вперед и справа его был немыслим; ос-

тавалось попытаться пройти по левому скату, где, по-видимому, являлась некоторая возможность восхода. Трое из нас, ведущие более сидячий образ жизни, отказались идти далее, до того их истомили восхождения, и решили здесь отдохнуть и подождать возвращения остальных, решивших добраться.

Мы отправились. Путь шел сначала вниз, несколько в падь, так как пришлось огибать утес и окружавшие его глыбы; потом подъем — и наконец мы пошли восходящей линией по скату, градусов 60 уклона. Это была самая трудная, с наибольшими препятствиями часть всего восхождения, и, не будь деревьев, я не знаю, возможно ли было бы даже пройти ее. Густой кедровник покрывал весь скат; как он рос, где его корни могли укрепляться и найти себе питание — это было малопонятно. Под слоем мха и только мха, влажного и крайне скользкого, почти не было земли; слой известняка, выделяясь острыми углами, составлял почву, и к ней, забираясь в щели, хватаясь за выступы и обвивая их, прицеплялись корни толстых кедров. Но у них не было сил выдерживать борьбу: ничтожный мох полез по стволу до самой верхушки, гирляндами и космами свесился по ветвям и задушил благородное дерево. Точно привидения, стоят закутанные в серозеленый саван погибшие кедровые деревья, и лишь местами виднеются еще пучки живой хвои, ожидающей своей участи.

Странное и грустное впечатление производят эти леса мертвых деревьев, здесь слабый и одолел и истребил сильного, чего до сих пор я еще не видел. Опоры для подъема было очень мало. Нога скользнула по мху, и руки тщетно хватались за его жалкую зелень. Станешь на камень — он катится вниз, увлекая массу других, и идущий сзади должен сторониться, пока пролетит этот каменный град. То на пути вдруг предстанет целая гряда громадных камней, красиво поросших горной ароматической полынью, да видом смородины, свойственной лишь большим высотам (черная

кислица), и нужно, соблюдая возможную осторожность, пробираться по остриям, влезать, цепляясь о выступы, — и беда, если нога соскользнет, тогда легко слететь вниз на острый выступ или торчащий как нож сук свалившегося кедра. А гребень, все каменистый и узкий, все чаще и чаще прерывается отвесными утесами. Некоторые из них, вздымаясь сажень на 6–8 в высоту, торчат, согнувшись над пропастью, как исполинские пальцы; некрепкая их порода разрушается, основание не широко, и скоро, быть может, таковой утес слетит в бездну, все ломая на своем пути.

Наконец последний и самый высокий «палец»; гребень окончился, деревья сильно поредели, подъем стал значительно отложе и легче. Здесь исчез последний признак человека. До сих пор какие-то неутомимые промышленники почти по всему гребню поставили засеки на Кабаргу, но дальше, очевидно, «не ступала нога человека». Попадается вереск и оригинальная «пьяная трава». Ее стебель и деревянистые жесткие ланцетовидные листья издают чрезвычайно сильный душистый запах до того, что голова кружится, — отсюда и ее название «пьяной».

Еще немного — вершина перед нами — так близка и так ясна. Полоса леса оканчивалась. Откуда-то взявшаяся жалкая лиственница, но все же имеющая ствол, точно не в силах была полезть дальше и остановилась перед бугром. Кедр, чахлый, низкорослый, корявый, еще долго шли вверх и наконец, закончившись уродливым кустом, остановились. Но замечательно, что как раз на границе леса когда-то росли довольно толстые и высокие кедр. Одних сломала буря, другие, как будто наказанные за свою дерзость, лежат разбитые и обожженные молнией, и ветви их, выбеленные дождем и солнцем, кажутся костями скелета. Замечу кстати, что еще задолго до вершины мы не замечали гниения сваленных стволов. Сухость ли воздуха, или другие причины, но лежат они креп-

кие и твердые, хотя лежат они много лет, так что кора давно уже осыпалась и поверхность стала почти белой. До самой вершины идти пришлось еще долго. Вблизи лесной линии еще попадались нам кедры, вышиной в полтора вершка, весьма похожие на травку, так что только по хвоем можно признать их, — какие-то прутики, робко прячущиеся во мху, да встретилась лиственница. Как она зашла сюда? Птица ли или ветер занес орешек на такую высоту и он пустил росток — трудно сказать. Но здесь она не имеет никакого признака дерева; не имея силы подняться вверх, она, как ползучее растение, растянулась кругом и близко-близко прилегла к земле. Нежно-зеленые крошечные хвои ее выделялись ковриком на фоне горного мха. Местами попадались лужайки с кустиками синих колокольчиков инцианы и какого-то растения из губоцветных с цветами этого же колера; два представителя лютиковых, отцветшая уже лилия — вот все, что служило украшением этих лужаек. Повсюду мох какой-то серый, жесткий, а в нем листочки растения, похожие на земляничные, и масса кустиков с красными горьковато-сладкими ягодами.

Казавшаяся близкой вершина еще отстояла от нас порядочно. Обнаженная от деревьев верхняя часть горы тянулась приблизительно с версту, но подъем уж не представлял большой трудности.

Как только мы вышли из последних кустов кедра, сразу похолодало. Скоро сердце стало биться очень часто, голова кружилась, в ушах шумело. Иногда мне казалось, что сердце вот-вот лопнет, иногда я шатался, как пьяный, — очень часто я садился отдыхать, просто боясь идти вверх. У всех были бледные лица — и не только от усталости. Значительная высота и разреженность воздуха давали себя чувствовать. Собравшись с последними силами, мы дотянулись до вершины. Представьте неправильную трехгранную пирамиду, наклоненную ребром своего острого угла вперед. Ее вершина сре-

зана треугольной площадью, сначала шириной шага в три, а потом все уже, уже и оконченной острым углом. За ним, за небольшим обрывом, возвышается утес, а за ним еще, несколько сбоку, и наконец — пропасть, так что получается вид трехгранной пилы, окруженной с трех сторон безднами. Такова была вершина нашего гольца. Двое передних вошли на площадку и уселись верхом, так что одна нога свисла в одну бездну, а вторая — в другую; следующие двое поползли на животе и, боясь, уселись верхом на ее остром конце, тоже так, что ноги свисли в бездны, и люди эти, сидя верхом на гольце, являли оригинальное зрелище. Я не решился идти и пополз на животе. Но даже и при этом способе голова кружилась. Как только я вполз, мне показалось, что вся гора вдруг заколебалась, как колеблется от ветра верхушка дерева; и это ощущение было до того ясно, что я изо всей силы ухватился руками за мох и держался так все время, пока «колебалась» она. Посмотришь направо или налево вниз в пропасть — сердце болезненно сожмется и гора опять заколыхнется, а не смотреть нельзя — так и тянет взглянуть туда, где и дна не видно. Я не мог долго выдержать и поспешил сползти вниз, где уже можно было стоять безопасно.

Перед нами прямо и немного влево выступали конечные пики самых высоких гольцов. Лишенные всякой растительности, сложенные из голого камня, они, местами покрытые тенью, казались темно-серыми, почти черными, и мрачно глядели в глубочайшую падь. Расположены они были самым неправильным образом. То они, как круг сахарных голов, заканчивали гору, образуя внутри каменистую долину, то точно лезли один на другой, то окружали венцом громадной высоты острорезный пик, который казался патриархом своей гранитной семьи, то выдавались отдельно, как будто отверженные и не принятые другими; соединяли их местами зубчатые, местами криволинейные, но всегда островер-

хие стены, — и в общем получалась чудовищно громадная, дикая, грандиозная каменная масса скатов, долин, падей, верхушек, пиков, перепутанных, наваленных друг на друга и видом неприступных, угрюмых, неприветливых; только на одной черной стене ярко блестел снег, точно драгоценный камень, оправленный в эмалированное серебро; а дальше все пики, уходившие в перспективе в синеватую дымку. Но здесь видны были гольцы только в верхней части и довольно близко — на расстоянии 1–2 верст — и благодаря этому они, плохо освещенные, давили своей громадой. Но направо вид изменялся через огромную падь; залитые солнечным светом, они являлись взору, как в громадной далекой панораме. Масштаб несколько уменьшался, резкие формы смягчались, переходили в гармонические очертания, но вместе с тем все детали видны рельефно, и можно было рассмотреть цельные фигуры отдельных гольцов и даже их геологические напластования. На светло-зеленом фоне лесной зелени скалистые вершины казались серо-матовыми, разбросанные повсюду острые пики их не имели того мрачного вида, как перед нами, а красивыми зубцами вырезывались на голубом небе. От них спускались в пади, то острым углом, то волнистой дугой, ряды гребней, и их верхний острый край, в одном месте вытянувшись острием, переходил затем вниз в округлые и мягкие линии, в другом распадался утесами или ступенями, в третьем полуокружностью подымался к соседнему пику. Эти гребни или стены шли по всем направлениям — сходились, расходились, образовывали всевозможные углы, слагались в котловины, продолговатые долины и принимали порой вид зубчатых валов крепости или развалин колоссального замка. Изогнувшись дугой к востоку, испещренные белыми полосками — руслами горных рек, — уходили гольцы вдаль и делались все ниже и ниже, и вершина последнего из них почти утопала в лесах.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

Ни один гонец не являет шаблонного типа горы — скат, вершина, опять скат, — а распадается на несколько отдельных вершин, из которых нижние поросли сплошь лесом, следующие, отделенные падью, уже имели обнаженные места, но еще покрытые травой или мхом, и наконец выдавались пики из голого камня.

Вид был величественный, прекрасный. Ничто не заслоняло его, и только большое облако зацепилось вблизи за высокий пик; точно рассердившись, ударило оно в него молнией, снялось и поплыло далее над гольцами, а гром глухим грохотом прошел по падям.

Душу охватывает прямо восторженное чувство; готов пасть ниц перед великой, дивно-прекрасной богиней-природой и не с чувством страха в сердце, но с восторгом петь гимн во славу ее. Я долго стоял у вершины и долго смотрел. Моя душа точно просветлела, и, глядя на все с грандиозной высоты, мне казалось, что я так же высок, так же могуч, как гонец; чувство какой-то чистой радости овладело мною, как будто я свершил что-то высокое и благородное.

Никому не хотелось говорить в эту минуту, но напирющее чувство вылилось песней, и прерывающиеся от сердцебиения голоса затянули вверх:

*...На вершине его
Не растет ничего,
Там лишь ветер свободный гуляет,
Да могучий орел
Там притон свой завел
И на нем свои жертвы терзает.*

Мы стали спускаться. Мы всё поворачивались к горам, всё хотели насытиться их красотой; я же в душе прощался с ними, как с родными и близкими.

В школе

Вы бы приняли какие-нибудь меры, Василий Иванович, — говорил ула-гунский миссионер сидевшему против него за столом с чаем, водкой и закусками саларскому тайше. — Не хотят записывать детей в школу, совсем не хотят. Уж я им по рублю за мальчишку обещал, да все ничего не выходит. А мне, согласитесь, нельзя одних крестьянских детей учить, надо для отчета хоть пяток братченков. А где я их возьму? Пособите, сделайте милость. Прошу вас. — И миссионер налил тайше в рюмку водки.

— За ваше здоровье!

— Кушайте во здравие!

Тайша по фельдфебельски опрокинул рюмку в рот — способ питья, перенятый им в Энске от есаула казачьего полка, который удостаивал его своим знакомством, — и, ткнув вилкой в омуля, закусил.

— Пошто вы мне раньше ничего не говорили. Ах, отец Иона, я же вам друг и все вас поддерживаю! Сколь я вам помогал крестить, а вы хоть бы слово...

— Да я думал своими средствами обойтись.

— Своими средствами ничего не поделаешь. Они братские рожи, своей пользы не понимают. Их надо учить.

Тайша, к слову сказать, был бурят чистой крови, но носил сюртук, брюки и золотые часы с массивной цепочкой.

От своего инородчества он старался отпихнуться всеми силами и с усердием ренегата ревновал об интересах русских, нередко в прямой ущерб своим соотечественникам. От русских, с принятием избирательной должности тайши, он воспринял и привычку постоянно бить подведомственных ему бурят, но никак не мог отвыкнуть есть руками, и даже теперь, сидя в гостях у миссионера, он часто забывал о вилке и хватал пятерней куски соленого омуля.

— Да, надо учить, — продолжал он, выпивая еще рюмку, — надо. Так вам мальчишек? Сделайте ваше одолжение. Запишем сколь захотите. Велите позвать здешнего старосту.

Миссионер вышел и кликнул старосту, еще с утра сидевшего во дворе в ожидании распоряжений тайши.

— Пошто меня тайша зовет?

— Сейчас узнаешь, иди.

— А может, он бить меня будет?

— Нет, не бойся.

— Ой, будет бить! Иона, заступись!

— Да нет, чудак эдакой, иди.

Староста медленно и неохотно вошел в залу. Тайша повернул к нему свое раскрасневшееся лицо, поглядел некоторое время молча и крикнул:

— Дурак, животное!

— Ой, не буду, не буду! Не бей, — взмолился староста, складывая просительно руки.

— Как такого дурака не бить! Пошто за порядком не смотришь? Где мальчишки? Пошто не посылаешь в школу мальчиков?

— Я не знал... — заикнулся было староста.

— Не знал... Не зна-ал! — свирепо заорал тайша и уже было встал и двинулся к нему, чтобы «поучить».

— Да оставьте, — удержал его миссионер. — Пусть идет да объявит в улусе.

Тайша грузно опустил на стул и сказал более спокойно:

— Поезжай в улус, да кого застанешь дома — тех, у кого есть мальчики лет по десять иль около того, — всех гони сюда. Скажи — тайша зовет. Чтоб через полчаса все тут были! Слышишь? Понимаешь?

— Ладно, ладно! Сейчас!

Староста вышел. Через минуту он карьером проскакал мимо окон по направлению к улусу, а тайша с хозяином обрательсь снова к рюмке.

Еще не прошло и назначенного полчаса, как во двор въехало шестеро бурят. Насколько торопил их староста, видно было из того, что один из них не успел даже оседлать лошадь и приехал, прикрыв ее лишь потником, что, по бурятским понятиям, считается даже скандальным. Гурьбой вошли они и, став у порога, низко поклонились. Миссионер кивнул им в ответ, но тайша не пошевелился.

— Только вот их и застал, а другим велел приехать посла.

— Ладно, — сказал миссионер и продолжал уже побурятски: — Так как вы получили крещение и у вас есть мальчики, то не хотите ли вы отдать их в учение ко мне в школу? У меня они будут жить, кормиться и учиться грамоте. Согласны?

Буряты переглянулись, но не отвечали ни слова.

— Да что вы с ними нежности разводите? Еще спрашивать — согласны, хотите или нет! Давайте бумагу.

Миссионер принес перо, чернила и лист бумаги.

— Ну, пишите, как следует, от них согласие, а я сейчас же утверждение свое поставлю.

Миссионер быстро написал согласие шестерых бурят отдать детей своих в ула-гунскую миссионерскую школу, и позванный им псаломщик явился, чтобы подписать за неграмотных.

— Ну, Данзин, давай им руку на подпись, — сказал тайша.

Данзин пыхтел, топтался на месте, но руки не давал.

— Давай руку, а то я тебе всю морду в кровь побью! — закричал тайша, топая ногою.

— Мой Гомбо еще молодой, — робко произнес Данзин.

— Давай, давай, а то... — и тайша встал и подошел к бурятам.

Данзин перепуганно всунул свою длань в руку псаломщика, и тот, получив эту азиатскую доверенность, расписался на бумаге. За ним уже без возражений подали руки еще четверо, видимо, крайне неохотно и косясь на тайшу.

Остался лишь один щуплый, ниже среднего роста бурят, уже немолодой, в оборванном и страшно грязном халате. Он не двигался с места и смотрел задумчиво на свои ноги.

— Ты чего стоишь? — Сказал ему тайша. — Пошто не давайшь руки?

Бурят поднял голову и посмотрел на него прямо.

— Угэй, не хочу, — сказал он и отрицательно закачал головою.

— Что? — изумленно и точно не расслышав воскликнул тайша.

— Угэй, не хочу, — повторил тот.

— Не хоч-очу! Не согла-а-асен! — тонким голоском и язвительно протянул тайша, побледнев от ярости. — Кто перед тобой стоит? — заорал он. — С кем ты разговариваешь? Как ты смел бунтовать? Сейчас руку давай, — и тайша схватил его за руку и хотел насильно всунуть ее псаломщику.

Бурят побледнел, но выражение непобедимого упорства осталось на его лице; он вырвал руку и снова отрывисто произнес:

— Угэй.

Это окончательно вывело тайшу из себя. Он хотел что-то сказать, но дрожавшие от бешенства губы не издали ни одного звука. Еще секунда — тайша размахнулся, и звук звонкой пощечины огласил залу. Бурят отшатнулся, засто-

нал и схватился рукой за щеку. Его глаза наполнились слезами, и он пробормотал:

— Угэй!

— А-а-а! — зашипел тайша и схватил бурята за косу. Обмотав ее вокруг руки, он рванул голову, повалил его на пол и стал бить кулаком по чем попало.

Староста точно застыл с выражением ужаса в лице и смотрел не мигая на происходившее.

— Оставьте его, оставьте, Василий Иванович, — вмешался наконец миссионер, подбегая к тайше и удерживая его за руки. — Его можно наказать как-нибудь иначе и в другом месте. Вы не горячитесь так — это нехорошо. Что вам за охота беспокоиться? Бросьте его!

Тайша перестал бить, но не выпускал из руки косы и тяжело дышал.

— Успокойтесь, Василий Иванович! Пожалуйте лучше к столу, — сказал миссионер, высвобождая бурятскую косу из его рук, и, обхватив его за талию, повлек к столу.

Бурят, почувствовав себя свободным, пополз сначала на четвереньках к двери, потом встал и кинулся бежать. За ним бросился и староста.

— Убег, подлец! — переводя дух, проговорил тайша. — Ну да ничего! Пусть они все-таки за него подпишут. Он согласится! Я его уговорю. Угово-рю!

Помощник расписался. Тайша выпил рюмку водки, закусил, но все же не мог успокоиться. Руки у него тряслись, и по лицу то выступали, то исчезали красные пятна.

— Вы знаете, как его зовут? — спросил он миссионера.

— Павел Барсуков, крещеный, а жена ламаистка.

— А роду какого?

— Третьего Годорского.

— Ладно. Вот я его к себе в думу позову! Я его там скоро уговорю! Ско-оро! А жену окрестим! Непременно! Непре-

менно! А-ах, животное! Ненавижу я их! Бунтовщики! Против правительства идут! Я их переде-елаю! У-у-у!

Он дернул нервно рукой, опрокинул стакан с чаем, но в гневе своем даже не заметил этого.

— Я знаю, они сами ребят не привезут. Вы уж старосте скажите: он вам живо доставит, а чуть что — мне бумагу; два слова — и я сам...

— О, непременно! Чайку стакан! Прошу вас.

— Ну, уж так и быть! Выпью стакан.

Тайша взял стакан и придвинул к себе.

— Только я вас попрошу, — просительно сказал он, — вы... как бы так сделать, чтоб этот Хлебников не узнал? И такая он тварь — жалобу напишет или в газету... Знаете ли, хоть и не виноват, а все неприятности.

— Ну, я понимаю! Пошто беспокоиться?! Рому к чаю прибавляйте.

— Надо попробовать, — ответил тайша, наливая ром.

Началось чаепитие.

Прошло лето. Данзин Халзахонов сидел у костра в своей юрте в баунтайском улусе, курил подряд уже четвертую трубку и все решал в своем уме, но никак не мог решить вопроса: перейти ли ему в «зимник» теперь же, т.е. до отправления в тайгу на звериный промысел, или по возвращении? Во всех отношениях это было совершенно безразлично, но так как Данзин все свои дела окончил — хлеб свез на гумно, для промысла харчи, порох и свинец приготовил, седло и сумы починил, дров приготовил и перед отправлением основательно выпил с компанией водки, — то ему думать было не о чем; но Данзин считал обязательным думать всегда и везде о своем хозяйстве, а потому и выдумал для себя этот вопрос. Положим, он сначала еще размышлял и о том, не поехать ли к своему приятелю и почти со-

седу Горгоеву, живущему в Стоймаре, верстах в 35 от улуса, но отбросил эту мысль, соображая, что Горгоев, несомненно, уехал на пиршество в Мурин к Замраю, который зарезал подыхавшую корову и звал знакомых «на мясо». Надо признаться, что Данзина грызла зависть. Он духовными очами ясно видел, как от коровы отрезают большие жирные куски и кладут в котел; мясо варится, но лишь настолько, чтоб по воде пошло немного кровянистой пены, затем его – русские говорят, что почти сырое, но что они в этом понимают? – кладут на доску, и каждый берет кусок, всовывает в рот и отрезает лишнее ножом у самых губ; очаровательный сок бежит по подбородку – а-ах! Как хорошо! Ну, тарасун будет, разумеется... И Данзин всего этого лишен! Он поссорился с Замраем, и при встрече они не разговаривают, а, обменявшись лишь одним «мэнду», разъезжаются каждый своей дорогой. Конечно, можно поехать и без приглашения, но Данзин считает себя страшно обиженным в ссоре и ждет официального примирения при участии людей их обоих улусов, которое должно состояться по возвращении из тайги.

И так Данзин думает только о переходе в зимник и ничего не может придумать. Он уже спрашивал об этом свою жену, но та поправила полено в костре, почесалась двумя руками сразу в голове, потом потеряла бока и сказала:

– Не знаю.

Данзин докурил трубку, выколотил пепел и тоже почесался.

– А ты как думаешь? – обратился он к сидевшему тут же Гомбо, мальчику лет 11–12, худенькому, с кротким лицом, одетому в одну лишь расплзшуюся у швов рубашку. Гомбо глядел задумчиво на костер и вопроса не слышал.

– Как ты думаешь? – повторил Данзин, кладя ему руку на голову.

Гомбо улыбнулся, но ничего не ответил...

Данзин умолк, и мысли его постепенно перешли на другие предметы. Он начал соображать, все ли приготовлено для промысла в тайге — порох есть, есть и свинец, кирпич чаю, мешок затурану и все обряды исполнены.

— Ой, нет! Не все сделано! — с ужасом вспомнил Данзин. — Про бохолдою и забыл! Мянхан! Мянхан! — вскрикнул он к жене, — Прочь из юрты! Прочь!

Жена безмолвно повиновалась и вышла.

→ А ты, Гомбо, сложи руки на молитву и стань лицом на закат солнца и молчи. Совсем молчи.

Мальчик отошел от костра и стал, сложив руки по приказанию, в углу юрты лицом на запад.

Данзин выскочил во двор и скоро вернулся с несколькими волосками, выдернутыми их хвоста лошади. Он, бормоча свою просьбу к бохолдою, сжег их на огне, стараясь не упустить пепла, и, растерев его пальцами, бросил по щепотке на четыре стороны света, кланяясь каждый раз в пояс. Затем он налил в чашечку тармуна и плеснул из нее по несколько капель тоже на север и юг, восток и запад, приговаривая:

*Бохолдой! Бохолдой!
Не ходи ты со мной!
И ни мне, ни моим —
Никаму ты не шли
Болезни случайной
Иль смерти нечаянной.*

Окончив это, он крикнул через дверь:

— Иди, мянхан, — можно. Садись, опять грейся, Гомбо.

Мянхан вошла и села, не спрашивая о причине внезапного своего изгнания из юрты. Все трое сидели молча.

— Ты, Гомбо, крепко смотри за тем, — сказал наконец Данзин, — чтоб бохолдой или анахай тебе вреда не делали.

Ты бохолдою непременно что-нибудь да давай: он любит, чтоб ему жертвовали — особенно тарасун или вино. У-у, вино шибко любит! За вино все сделает.

— А кто больше — бохолдой или анахай? — робко спросил Гомбо, который никак не мог освободиться от жуткой боязни, охватившей его во время жертвоприношения бохолдою, в близости которого он не сомневался.

— Бохолдой — больше; анахай — что?! Он может осилить человека, пока ему нет семи лет, а там он уж боится. Только анахай — хитрый да злокозненный, он обиды не простит, нет! Был давно-давно уже, рассказывают старики, знаменитый шаман Саган-бо. Вот раз сидит он на берегу реки Оки — зимою было дело, — на льду скачет да вертится анахай, рожки ему строит и кукиши ему дает. Рассердился Саган-бо и плюнул на анахая, да и попал ему под подошву ноги, а нога сейчас и примерзла ко льду крепко-накрепко. Дернулся анахай бежать — не может. Саган-бо сошел с берега, да и давай бить того; бил, бил, сколько хотел. «Ой, пусти, — взмолился анахай, — пощади! Обещаюсь против твоей воли не идти!» — «Ну, смотри, — смиловался Саган-бо, — иди!» — и дунул на лед под ногу. Нога отстала, и анахай убежал, а Саган-бо пошел домой. Только однажды заходит он в дом, где он оберегал ребенка, найжеем, значит, был, и видит под убэй (люлька) сидит тот же самый анахай. Ну раз анахай пришел туда, где малые ребята есть, — значит, зло пришел сделать. Разгневался Саган-бо, выхватил саблю и ударил анахая, а тот увернулся, и сабля ударила по ребенку и голову ему отрубила. Упал Саган-бо на землю и тотчас заснул непробудным сном. Три дня и три ночи спал он, и в это время его душа гонялась за анахаем, чтоб его поймать. Куда анахай ни кинется — Саган-боева душа за ним. Гонялись они так, гонялись три дня и три ночи; только влетел анахай в юрту, да и спрятался в штаны. В ту же минуту душа вернулась в тело, Саган-бо проснулся,

скорей к штанам, завязал их с обоих концов веревочкой и потопил в реке.

Мальчик при таком удачном окончании дела и наказании коварного анахая несколько приободрился.

— А ему тоже тарасуну надо жертвовать? — спросил он.

— Нет, ему не полагается. Притом человеку с умом его нетрудно и обмануть. Его всегда слышно: он страсть как воляет. Был один человек, не у нас, а за морем... Вот...

— Данзин! Данзин! Дома Данзин? — крикнул кто-то снаружи юрты.

— Дома, дома, — крикнул в ответ он, отворяя дверь и выходя.

За ним, любопытные, как истые буряты, вышли Гомбо и Мянхан посмотреть, кто это и зачем приехал.

Верхом на лошадях предстали перед ними ула-гунский староста и псаломщик.

— Мэнду, — начал староста.

— Мэнду, — ответил Данзин.

— Лан мэнду?

— Мэнду.

— Тан мэнду?

— Мэнду.

— Сирык мэнду?

— Мэнду.

Приветствие повторилось, но уже со стороны Данзина.

— Слезайте, — пригласил он, — чай будете пить, мяса сварим.

Староста подумал, посмотрел на псаломщика и занес было ногу, чтоб слезть с седла.

— Нет, нет, староста! — воскликнул псаломщик. — Недосужно нам чай распивать. Мы за делом приехали.

В это время подошло еще двое бурят, хозяева соседних юрт. Они видели, как те подъехали к Данзину, и не

могли утерпеть, чтоб не посмотреть и не послушать, что будут говорить, а если случится угощение — то разделить трапезу.

— За делом? — с беспокойством в глазах спросил Данзин. — Говорите, чего приехали?

Староста будто и не слышал вопроса. Он вдруг покраснел, отвернулся и стал набивать трубку. Данзин подозрительно посмотрел на него, потом на псаломщика.

— Дело такое, — сказал последний, — ты помнишь, ты при тайше давал подписку отдать своего мальчика нам в школу? Ну, так вот мы за ним и приехали.

Эти слова произвели на присутствующих впечатление ошеломляющего удара. Данзин, совершенно забывший о данной им подписке, побледнел и глухим, упавшим, дрожащим голосом мог только вымолвить:

— За ним? — Глаза его широко раскрылись, судорожные подергивания забегали по лицу.

— Ой-ой-ой! Беда! — не своим голосом завопила Мянхан и, схватив Гомбо, толкнула его в юрту, опрометью сама кинулась в нее, закрыла дверь и сильным толчком задвинула задвижку.

— Ой-ой-ой-ой! — закричала она и горько зарыдала.

— Э-э-э! — заревел за нею мальчик, и юрта наполнилась всхлипываниями, криками и воплями.

Два бурята из соседних юрт сначала с минуту стояли неподвижно, потом кинулись бежать к своим юртам — один сообщить своим новость, другой, из числа пяти, давших у миссионера подписку, принять некоторые меры. Он подбежал к юрте, толкнул дверь и закричал:

— Бажей! Бажей!

— Чего? — раздался оттуда детский голос.

— Бери две уздечки да беги скорей.

— Что случилось? — слышались вопросы, и на двор высыпала вся семья.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

— Уздечки! Скорей! Потом скажу! Давай, давай уздечки! Бажей, мальчик лет 10–11, выскочил с уздечками.

Бурят вырвал их из его рук.

— Лови серого! — крикнул он и побежал к пасшимся вблизи лошадям. Прибежав, он схватил за чуб вороного коня и, быстро накинув уздечку, вскочил на него.

Бажей в это время успел обуздать и серого.

— Садись, садись! Скорей! — приказал бурят.

Бажей, как мяч, вскочил на лошадь.

— Скачи!

Бажей гикнул, ударил коня своими босыми ногами и поскакал; за ним поскакал и бурят, и, сколько было видно, пока они неслись в карьер, он не переставая бил поводом попеременно то своего коня, то серого.

Скоро они вскочили в лесок, через минуту вылетели из него, вскочили в другой и скрылись из виду.

Данзин стоял молча, склонив голову.

— Вези парнишку! — сказал псаломщик. — Пошто боишься? У нас ему хорошо будет. Не бойся!

— Ой-ой! Что ж я будут делать? Что я буду делать? — И из глаз Данзина закапали слезы. — Он маленький еще! Что он понимает? Микулай, не бери! Мы люди старые! Он нам помогают! Не бери! Остав его, Микулай!

— Ты сам дал согласие! Пошто ж теперь не хочешь?

— Знаю: тайша приказал. Только ты оставь, просю тебя! Что ж я без него буду делать?! — И Данзин утер рукою катившиеся слезы.

— Чудак этакой! Мы ж не резать его хотим, а будем учить.

— Ой-ой-ой! Кто вас там знает?! Пропадет парнишка! Оставь!

— Ой-ой-ой! — громче прежнего вопила в юрте Мянхан. — Не давай, Данзин, не давай!

— Тьфу, дурак! — рассердился псаломщик и слез с лошади.

— Староста, вели ему, чтоб вез парнишку! Пошто молчишь?

Староста почесал голову сначала одной рукой, потом другой, поморщился и робко произнес:

— Может, пусть в другое время? Пошто мужика обижать?

— Ты поставлен для порядку, а не то чтоб напротив делать! Что сидишь как идол! Слезай!

Староста неохотно слез с лошади и занялся подтягиванием подпруги.

— Делай, что тебе приказано! — повелительно крикнул псаломщик. — Брось подпругу! Ступай сюда!

Оба они подошли к двери юрты.

— Микулай, не бери теперь! Я тебе опосля привезу!

— Знаем мы вас! Не проведешь! Знаю, каково привезешь. В Монголию его отправишь или за пятьдесят верст спряташь. Отворяй! — И псаломщик, пихнув Данзина в сторону от двери, сильно толкнул ее. Дверь, однако, не поддалась. В юрте вдруг вопли умолкли, послышалась беготня, точно сидевшие там заметались, потом донеслись глухие звуки от бросаемых предметов, и все затихло.

— Отворяй! Староста, ты здесь начальник! Не видишь, что здесь бунт? Прикажи им!

— Отвори, Данзин! — вполголоса произнес староста.

— Отвори, а то дверь ломать будем! — крикнул псаломщик.

— Пусть вас бог судит! — со слезами в голосе сказал Данзин. — Э-эх! Куда деваться? Отопри, Мянхан!

Задвижка отодвинулась, дверь отворилась, и все трое вошли в юрту. Мальчика в ней не было.

— Это что у тебя такое? — указывая пальцем на род киота, стоявший у противоположной входу стены, спросил псаломщик.

— Сам видишь — бурханы!

На полочках киота стоял образ св. Николая, рядом с ним — несколько маленьких медных бурханов, ниже тоже бурханы, только глиняные и крашенные, а еще ниже — небольшая молитвенная мельница. Перед образом и бурханами стояли чашечки с маслом, в которое были воткнуты курительные свечи из благовонного вещества.

— Ты ведь крещеный? Так?

— Но-о, — ответил Данзин.

— Так зачем ты свою дрянь сохраняешь? Староста!

Тот подошел.

— На, забирай это!

Псаломщик стал снимать бурханов и класть их в подставленную старостой полу. Последний, улучив момент, когда псаломщик обернулся к нему спиной, схватил Майда-ри-бурхана и поспешно сунул его себе за пазуха. Чашки с маслом были просто выброшены во двор, бурханы же положены в суму.

— Ну, теперь давай мальчика.

— Нет его, — сказал Данзин, — он пошел куда то.

— Толкуй! Куда ж он через запертую-то дверь ушел? Да пошто там вертеться! Куда девали? Староста, ищи.

Тот молчал и не двигался.

Псаломщика это взорвало.

— Слушай ты, тварь! Делай, как приказано, а то я сейчас к тайше поеду и пожалуюсь на тебя. Ищи!

Слово «тайша» произвело необыкновенное впечатление на старосту. Он проворно бросился в угол, где лежала куча дров, вмиг разбросал поленья и потянул за ногу спрятанного под ними Гомбо. Мальчик пронзительно завизжал и схватился за столб руками. Староста уперся ногою и изо всей силы рванул Гомбо. Гомбо завизжал еще сильнее, перевернулся и, укусив его за руку, бросился к двери, но тут его поймал псаломщик и скрутил ему назад руки. Дан-

зин и Мянхан бросились к нему и, схватив мальчика, стали отнимать.

— Староста, помоги! — закричал псаломщик.

Тот вошел уже в свою роль.

— Прочь! — заорал он и оттолкнул обоих от мальчика.

— Не увози! — с рыданием завопила бурятка и, упав на колени, схватила псаломщика за ногу и припала к ней лицом.

Данзин тоже упал на колени и пополз к нему, сложив просительно руки.

— Микула-ай! Что хочешь возьми — не бери Гомбо! Будь человек — не бери! — Псаломщик хотел отступить к двери, но он его схватил за ногу. — Я тебе дам корову, самую лучшую корову! Хочешь корову? Еще кочерика дам!

— Подь ты к черту! — огрызнулся псаломщик.

— Ну, я тебе еще пять рублей дам! — Данзин быстро вскочил, вытащил из пазухи самодельный бумажник, вынул из него единственную бывшую там кредитку и протянул ее псаломщику.

— Ступай прочь! Не хочу! Староста, пошто опять стоишь? Возьми их от меня!

Староста оттолкнул Данзина так, что тот толкнулся в стену, отодрал от ноги руки Мянхан и пихнул ее в сторону. Мянхан, падая, ударилась сильно головой о столб, но не почувствовала этого, а, закрыв лицо руками, припала к земле, беззвучно рыдая.

Подхватив Гомбо под мышки, псаломщик со старостой поволокли его во двор. Мальчик, робкий, как все бурятские ребята, истратил уже все свое мужество, кусая старосту за руку, и теперь тащился покорно за ними. Псаломщик отвязал лошадей и сел в седло, староста тоже.

— Садись! — сказал последний мальчику.

Тот безропотно повиновался и сел сзади, обняв старосту за талию.

Крупной рысью выехали они со двора.

Данзин стоял и молча смотрел на увоз любимого мальчика. Слеза за слезой катилась по его грязному, изжелтабледному лицу, и уж седеющая его голова чуть-чуть покачивалась. Но когда всадники выехали на дорогу и Гомбо обернулся назад, Данзин, подняв вверх руки с растопыренными пальцами, побежал вслед за ними.

— Микулай, Микулай, обожди! Я что-то скажу.

— С-с-с! — свистнул тот и хлестнул плеткой.

Его конь прибавил рыси, старостин тоже. Но Данзин все бежал, бежал, наконец запыхался и остановился. Он несколько минут смотрел на дорогу, где за поворотом уже скрылись всадники, и медленно пошел домой.

У юрты его ждало душ восемь соседей верхом на лошадях.

— Мэнду!

— Мэнду!

— Мал мэнду?

— Мэнду!

— Тал мэнду!

— Мэнду!

— Сырик мэнду?

— Мэнду!

— Ты едешь к Хлебникову прошение писать?

— Еду.

— Мы поедем с тобою.

Данзин вошел в юрту, Мянхан лежала в прежнем положении, закрыв лицо руками, но уже не рыдала. Данзин взял уздечку и седло.

— Я еду с тобою, — сказала Мянхан.

— Ладно, — отвечал Данзин.

Через пять минут вся компания порывистой рысью ехала по дороге в Туран.

О Б А В Т О Р Е

Волкова Паола Дмитриевна – историк искусства, заслуженный деятель искусства РФ, профессор.

С 1960 по 1987 читала лекции во ВГИКе по всеобщей истории искусства и материальной культуре.

С 1979 г. на Высших курсах режиссеров и сценаристов читает лекции по теме «Изобразительное решение фильма».

С 1989 г. директор «Фонда Андрея Тарковского» в Москве. За время своей работы «Фонд» провел больше двадцати фестивалей и выставок в России и за рубежом, был инициатором и одним из создателей Дома Андрея Тарковского в Юрьевце на родине режиссера; установил надгробье Андрею на русском кладбище Сен Женевьев де Буа, где он похоронен. Это лишь немного из того, что сделал «Фонд» за время своей деятельности.

П.Д. Волкова имеет более сорока публикаций по вопросам современного искусства и отдельным проблемам, связанным с творчеством А. Тарковского.

«Арсений и Андрей» – первая монографическая книга автора.

П. Д. Волкова
**АРСЕНИЙ
ТАРКОВСКИЙ**

Редактор *О.Б. Авилова*
Художественное оформление *Д.М. Ершов*
Корректор *Н.Г. Суздальва*

По вопросам распространения
обращаться по телефонам:

(095) 378-81-11

(095) 378-84-74

(095) 378-82-62

Издательство «ЭКСМО-Пресс»,
г. Москва

ЛР ИД № 05018 от 22.03.2002 г.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 02.02.2002 г.
Формат 60×90¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура «Баскервиль».
Печать офсетная. Печ. л. 14. Тираж 5100 экз. Заказ № 5677

Издательский Дом «Подкова»
121108, Москва, ул. Пивченкова, 3-1.

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».

143200, г. Москва, ул. Мира, 93.

Книга о замечательном поэте и переводчике Арсении Тарковском включает в себя не только рассказ о его жизни и творчестве, дружбе со многими известными литераторами, среди которых были и Анна Ахматова, и Марина Цветаева. В книгу вошли ранее не известные широкому читателю материалы о жизни нескольких поколений этой семьи: впервые публикуются письма к Тарковскому его первой жены, матери Андрея и Марины Тарковских, а также, основанный на собранных в различных российских архивах документах, рассказ о предках поэта, игравших на протяжении столетий заметную роль как в политической, так и в культурной жизни России. В издании воспроизводятся уникальные фотографии из семейного архива и фотографии, предоставленные фондом Андрея Тарковского.

ЭКСМО